

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

138

ТОРГОВЛЯ И ОБМЕН
В ДРЕВНОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1974

В марте 1972 г. в Ленинграде состоялся симпозиум, посвященный изучению вопросов обмена и торговли в древних и средневековых обществах, организованный теоретическим семинаром ЛОИА и Сектором Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР. Огромный фактический материал, накопленный в этой области в археологии, не всегда, к сожалению, становится темой специальных исследований. Зачастую он рассматривается попутно и несистематично. Между тем совершенно ясна огромная роль обмена и торговли как в истории культуры, так и в истории социально-экономического развития древних обществ, в разложении первобытных право порядков и установлении классовых формаций, основанных на частной собственности. Поэтому известное суммирование накопленных материалов, объединение данных по различным регионам и эпохам представляет большой интерес. В частичной мере этот пробел в отечественной историографии восполняет настоящий выпуск КСИА, в основе которого лежат доклады и выступления на данном симпозиуме.

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь),
Н. Н. Гурина, И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
К. Х. Кушнарёва, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
В. В. Седов, Д. Б. Шелов, А. Я. Якобсон

В. М. МАССОН

РАЗВИТИЕ ОБМЕНА И ТОРГОВЛИ
В ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВАХ

В настоящее время широко распространено выделение в археологии двух уровней разработок — описательного или узкоархеологического и историко-интерпретационного, связанного с реконструктивными построениями общего порядка¹. Возможно, в связи с разработками второго уровня следует говорить о появлении особого раздела археологии, занимающегося вопросами реконструкции палеосоциальных и палеоэкономических систем на основе археологических материалов в плане как общих закономерностей, так и частных явлений и процессов. Не исключено, что за этим разделом следует закрепить наименование социологической археологии. Возрастающее изобилие нового материала и необходимость более углубленного изучения исторических процессов делают все более настоятельным разработку методических основ этого уровня археологических изысканий. Хорошо известна схема углубления познания, состоящая из следующих ступеней: теории высшего разряда, теории первого разряда, эмпирических законов (функциональные отношения между сравниваемыми непосредственными наблюдениями или измеряемыми величинами), описания (отчет о фактах и событиях)². Для социологической археологии, как и для социологии в целом³, общей теорией или теорией высшего разряда является исторический материализм. В силу недостаточной разработки теории первого разряда обычно при постановке задач и выработке методики несколько прямолинейно используются положения исторического материализма. Но уже и такая форма идеологической обусловленности археологических исследований позволила достигнуть значительных успехов в разработке методических приемов, определяющих специфические особенности советской археологии⁴. В настоящее время одну из главных задач социологической археологии составляет выявление имеющегося материала (описаний) и систематизация данных об эмпирических законах для разработки теории первого разряда не только сверху вниз от исторического материализма, но и снизу вверх от специфики археологической науки. С этой целью в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР были проведены совещания о домаш-

¹ См., например: *E. Neustupny*. Whithen Archaeology. «Antiquity», 1971, v. XLV, N 177, p. 34.

² *Г. М. Андреева*. Современная буржуазная эмпирическая социология. М., 1965, стр. 245.

³ *Т. Гаврилова, И. Кон*. Социология. «Философская энциклопедия», т. V. М., 1970, стр. 93.

⁴ *В. М. Массон*. Развитие теоретических основ советской археологии. «Теоретические основы советской археологии». Л., 1969.

них промыслах и ремеслах (1970 г.)⁵, о реконструкции общественных отношений по данным погребений и могильников (1971 г.), об обмене и торговле в древних обществах (1972 г.).

Обмен и торговля были важнейшими факторами в развитии древних обществ. По существу обмен и торговля во многом раскрывают механизм процесса так называемых связей, влияний, контактов, как правило, фигурирующих в конкретных археологических исследованиях. Сама необходимость обмена часто и была мотивом возникновения связей и контактов. Имеется целый ряд работ, посвященных изучению обмена и торговли на археологических материалах. Для эпохи первобытнообщинного строя следует отметить специальные главы в книгах Г. Чайлда⁶, Дж. Г. Кларка⁷, а у нас статью А. Я. Брюсова⁸. Со специальным обзором, вызвавшим серию откликов, выступил К. Ранфрю⁹.

Следует трезво оценивать информационные возможности археологии, позволяющей судить о пространственном перемещении неорганических материалов или изделий из них от источников добычи и производства. Особенно большое значение имеют установление с помощью методов технических наук ареалов воздействия тех или иных сырьевых источников, статистическая обработка массовых материалов и палеоэкономические оценки объема и масштаба наблюдаемых перемещений. Новый уровень технической вооруженности позволяет с высокой степенью точности говорить о пространственных перемещениях исследуемых объектов.

Важнейшим методическим приемом обработки всей суммы археологических данных является картирование пунктов находок изделий из редких материалов (обсидиан, янтарь, нефрит, лазурит и др.), кладов готовых вещей и отдельных предметов идентичных форм и технологических характеристик. Такое картирование позволяет, в частности, выявлять направление древних торговых путей.

Учитывая специфику археологических материалов, обмен и торговлю удобнее всего классифицировать по объектам обращения: обмен сырьем, обмен предметами украшений, обмен орудиями труда и оружием. Два первых типа обмена отмечены уже для эпохи верхнего палеолита и мезолита, и не исключено, что древность сырьевого обмена окажется еще более значительной. Распространенным примером обменных связей в период верхнего палеолита является находка бус из позвонков рыб, водящихся в Атлантике, в погребениях в пещере Гримальди. На значительные расстояния перемещались и украшения из раковин. Ценные результаты дало массовое петрографическое исследование обсидиана, обнаруженного на ближневосточных памятниках¹⁰. В пору верхнего палеолита обсидиан встречается в пунктах, расположенных до 350—400 км от исходных месторождений, но количество его невелико. Это положение сохраняется и для периода мезолита. Существенно меняется оно в VII—VI тыс. до н. э. В пределах 250—350 км от месторождений обсидиан составляет основу каменной индустрии. Авторы исследования именуют эту область «зоной снабжения». Вне ее пределов до расстояния в 600 км следует

⁵ В. С. Бочкарев, В. И. Распопова. Дискуссия о характере ремесленного производства. СА, 1971, № 4, стр. 299—305; В. М. Массон. Ремесленное производство в эпоху первобытного строя. ВИ, 1972, № 3.

⁶ Г. Чайлд. Прогресс и археология. М., 1949, стр. 109—125.

⁷ Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1952, стр. 242—279; J. G. D. Clark. Traffic of Stone Axe and Adze Blades. «Economic History Review», 1965, v. XVIII, N 1.

⁸ А. Я. Брюсов. О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе. СА, XXVII, 1957.

⁹ C. Renfrew. Trade and Cultural Process in European Prehistory. «Current Anthropology», 1969, v. 10, N 2—3.

¹⁰ C. Renfrew, J. E. Dixon, J. R. Cann. Further Analysis of Near East Obsidian. PPS, 1968, n. s., v. XXXIV.

«зона контакта», где количество обсидиана постепенно уменьшается. Наконец, на расстоянии от 600 до 900 км количество обсидиановых изделий резко падает и достигает 1% или даже менее того.

Организационные формы обмена доземледельческой эпохи могут быть охарактеризованы по данным этнографии, особенно на примере развитых обменных связей Австралийского материка¹¹. В обмен здесь шли украшения, утварь, оружие, охра, наркотики. Организационные формы получения этих объектов были различны. Так, за охрой и камнем для изготовления орудий снаряжались экспедиции из большой группы вооруженных мужчин, могущих с боем преодолевать сопротивление на пути. Дальность таких экспедиций иногда достигала 500 км. Широко были распространены непосредственный и многоступенчатый обмены, обычно имевшие сложные обрядовые формы. Исследователи отмечают большое значение в архаических обществах таких «неэкономических» форм обмена, как дарение и культовый обмен¹². Их особенностью является отсутствие твердо установленной эквивалентности. Лица, вступавшие в обмен, ориентировались на потребительскую стоимость, которую в данный момент представляла для них та или иная вещь. Обрядовые формы обмена, как правило, подчеркивали его коллективный характер. Существовал целый ряд обычаев и установлений. С их помощью первобытное общество пыталось придать новым явлениям, имеющим в своей основе экономическую сущность, привычные обрядовые формы. Таков обычай обмена через партнеров-посредников, которые с детства, после обмена их отцов пуповинами, вступали между собой в особые отношения. Они не должны были ни разговаривать, ни касаться друг друга, и вместе с тем именно через них оба племени вели взаимный обмен. Формы традиционности через систему родственных и дружественных отношений и взаимных обязательств придавались и многоступенчатому обмену. Жизненная необходимость обмена приводила к тому, что на время традиционного функционирования торжищ старая вражда забывалась, конфликтующие племена вступали в деловые контакты.

Основой возникновения и развития обмена явилось экологическое разнообразие районов расселения различных общин и прежде всего — разнообразие сырьевых источников. Следует полагать, что этот фактор начал действовать раньше всего в человеческой истории. Вместе с тем нередко на основе экологического разнообразия развиваются и специальные производства каких-либо продуктов, идущих на обмен¹³. Однако каузативная структура возникновения обмена в обоих случаях будет идентичной. Огромное значение в развитии обмена на ранних этапах первобытного строя имел культурный традиционализм. В ряде случаев можно проследить, что направление таких традиционных связей вело в районы реального или легендарного происхождения соответствующих племен¹⁴.

Такое положение во многом определяло и экономическое значение обмена рассматриваемой эпохи. Его ни в коей мере нельзя именовать торговлей во избежание налета модернизации. Обмен возникает не вследствие развития товарного производства или наличия излишков¹⁵, а в силу жизненной необходимости у широко расселившихся общин, освоивших в процессе расселения территории разной степени пригодности для замкнутого хозяйственного цикла. С этим связано и отсутствие по-

¹¹ «Народы Австралии и Океании». М., 1956, стр. 196—205; Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе. ТИЭ, н. с., т. IV. М.—Л., 1960; А. И. Блинов. Партнерство. ТИЭ, н. с., т. II. М., 1947.

¹² М. J. Hershkovits. Economic Anthropology. New York, 1952, p. 155—162.

¹³ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. II. Л., 1947, стр. 81.

¹⁴ «Народы Австралии и Океании», стр. 202.

¹⁵ Это справедливо отмечал Н. А. Бутинов («Разделение труда в первобытном обществе», стр. 128).

нения стоимости, и, соответственно, определенной пропорции в обмене различными предметами. В рассматриваемый период отсутствует мерило стоимости или масштаб цен, овеществленный в каком-либо из продуктов, что тесно связано с наличием коллективной собственности, определяющей и коллективный характер обмена. Не изменяя натурального характера хозяйства, обмен приобретал огромное культурное значение, способствуя распространению технических усовершенствований, сближая племена, часто не находившиеся даже в родственных связях. Как отмечал К. Маркс: «Постоянное повторение обмена делает его регулярным общественным процессом. Поэтому с течением времени по крайней мере часть продуктов труда начинает производиться для нужд обмена [...] потребительная стоимость отделяется от ее меновой стоимости»¹⁶. Это был длительный и сложный процесс, но его экономическая детерминированность была неотвратимой, что сказалось прежде всего в возникновении первобытных денег. Как правило, подобное явление характерно не для обществ примитивных охотников и собирателей, какими являются австралийские племена, а для обществ, получающих продукты питания на основе земледелия и скотоводства.

Археологические источники дают вполне определенные свидетельства развития сырьевого обмена у раннеземледельческих племен¹⁷. Широкое распространение имел и обмен различными украшениями, особенно из редких пород камня и раковин, что было связано с ростом благосостояния¹⁸. В раннеземледельческой культуре Южной Туркмении VI тыс. до н. э. имеются бусы из бирюзы, доставленной из хорасанских гор, и из раковин, происходящих как из Каспийского моря, так и из Индийского океана¹⁹. Хорошо известно широкое распространение бус из морских раковин *Spondylus* в раннеземледельческих культурах Балкан²⁰. Оксигеновый анализ показал, что раковины, использовавшиеся для этой цели жителями болгарских поселков в районе Варны, были не черноморского, а эгейского происхождения²¹. Следует заключить, что в этом нашло яркое отражение явление культурного традиционализма, когда украшения доставлялись за 400—500 км, видимо, следуя за земледельческо-скотоводческими племенами, осваивавшими Балканы.

Для раннеземледельческих обществ отмечен обмен и изделиями гончаров, нередко достигающий значительных масштабов. Так, в IV—VI слое северомесопотамской Хассуны от 6 до 10% составляет импортная для этих районов расписная керамика самаррского стиля, заметно отличающаяся от изделий местных гончаров²².

В качестве причинных факторов обмена в раннеземледельческих обществах по-прежнему играют основную роль экологическое разнообразие и традиционализм, причем зарождающаяся металлургия делает особенно острым вопрос сырьевого обмена. Вместе с тем приобретают значение и социальные факторы, определяющие развитие запросов на объекты, не представляющие жизненной необходимости. Важным признаком перерастания обмена в торговлю является возникновение первых вариантов выражения всеобщей эквивалентной формы стоимости — денег. Как из-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 98.

¹⁷ Например: J. Mellaart. *Catal Hüyük. A Neolithic Town of Anatolia*. London, 1967, p. 28—29, 212.

¹⁸ В. М. Массон. Поселение Джейтун. МИА, № 180, 1971, стр. 146.

¹⁹ Там же, стр. 40.

²⁰ Г. Чайлд. Прогресс и археология, стр. 111; Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 242—243; R. Tringham. *Hunters, Fishers and Farmers of Eastern Europe 6000—3000 B. C.* London, 1971, p. 110, 124, 133.

²¹ N. Chackleton, C. Renfrew. *Neolithic Trade Routes Re-aligned by Oxygen Isotope Analysis*. «Nature», 1970, v. 228, N 5276, p. 1062—1064.

²² S. Lloyd, F. Safar. *Tell Hassuna*. JNES, 1945, N 4, p. 282, fig. 5.

вестно, вещи сами по себе не товары, а становятся ими лишь благодаря обмену. К. Маркс отмечает: «Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющую в товарной природе противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью» и это противоречие «не унимается до тех пор, пока задача эта не решена окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги»²³. Этнография дает нам многочисленные примеры форм и видов денег в архаических обществах. Особенно широко они были распространены в Западной Африке и Конго, в Меланезии и Микронезии и на западе Северной Америки²⁴.

В Меланезии в качестве денег выступают чаще всего различные раковины, обращавшиеся в виде связок определенной длины. Нередко это просто браслеты и ожерелья. Вместе с тем функции денег в тех же обществах играют и другие товары — собачьи зубы, циновки, раковины, птичьи перья и даже свиньи. Популярность просверленных раковин, называемых на шнурки, безусловно, объясняется их удобством в кратных делениях при различных расчетах. Исследователи Африки отмечают в Меланезии пять видов денег: раковины-каури, железо, соль, медь, золото в песке или в иных видах. Из других предметов часто функцию денег играли ткани, в том числе и европейского происхождения. Характерной чертой употребления металлических изделий в качестве денег является стремление к их миниатюризации или, наоборот, к гигантизму. В Западной Африке имелись в обращении наконечники копий длиной до 1,7 м и весом до 2 кг. Цена их колебалась в зависимости от веса. Там же в обращение шли и небольшие железные кинжальчики. Медь обращалась в форме U-образных брусков или браслетов.

Функции и сущность древнейших денег во многом отличны от денег классовых обществ, поэтому с большими основаниями их можно именовать первобытными деньгами²⁵. Одной из основных особенностей первобытных денег является то, что они еще не имеют значения всеобщего орудия обмена или платежного средства и не вытесняют других способов обмена. Отрыв меновой стоимости от стоимости потребительской в первобытных деньгах не завершился в овеществленной форме, и можно наблюдать оригинальные формы борьбы этих противоположных начал. Так, на о-ве Маэво в Меланезии циновки, имеющие значение меры стоимости, нарочито портят, чтобы лишить их потребительской стоимости. Весьма своеобразны в этом отношении просверленные каменные диски весом в несколько десятков килограмм с о-ва Яп. Тяжелые и малотранспортабельные, они лежат около хижины владельца, символизируя его состоятельность, но не имея потребительской стоимости. И миниатюризация, и гигантизм предметов, использовавшихся в качестве первобытных денег, также является результатом стремления вещественно расчленить потребительскую и меновую стоимость. Функции первобытных денег узкоспециализированы, распространяются лишь на определенные группы меновых сделок.

Разумеется, определение первобытных денег на археологических материалах требует большой тщательности и осторожности. Однако подобные поиски отнюдь не бесперспективны. Выше уже упоминалось широкое распространение в раннеземледельческих культурах Балкан морских раковин *Spondylus*, бывших, бесспорно, объектом систематического обмена. В Болгарии даже найден клад, заключавший в себе 20 браслетов из таких раковин. Перед нами зарытое сокровище, и не исключено, что браслеты и

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 97.

²⁴ А. Н. Giggin. A Survey of Primitive Money. London, 1949; F. Paul. Primitive Money in Its Ethnological Historical and Economic Aspects. London, 1949; M. J. Herskovits. Economic Anthropology, p. 246—264.

²⁵ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, стр. 83.

ожерелья из раковин *Spondylus* наряду с потребительской стоимостью обладали и функцией денег, представляя собой древнейшие деньги Европы. В Японии в эпоху расцвета дзёмона в конце IV—начале II тысячелетия до н. э. раковинные украшения также имели широкое распространение и хранились как сокровища. Так, в двух сосудах был обнаружен 51 браслет из раковин²⁶. Общий уровень развития этой оригинальной культуры оседлых рыболовов и собирателей, во многом напомиающих индейцев Северо-Западной Америки, делает вполне вероятным существование первобытных денег.

Следует отметить, что особенно важное значение для развития обмена и перерастания его в торговлю имело появление и распространение металлургии, особенно сплавов типа различных бронз. Это единодушно отмечают все исследователи²⁷. Сама технология нового производства предполагала налаженный импорт сырья, а затруднения с его получением неизбежно приводили к импорту готовой продукции — орудий труда, оружия и украшений. Благодаря работам Е. Н. Черныха в настоящее время относительно полно освещены древнейшие этапы развития металлургии в Восточной Европе²⁸. В древнейших комплексах Северного Кавказа около 40% металлических изделий составляют предметы, резко отличающиеся по составу металла от местных источников руды. Источник этой руды надо искать, по мнению Е. Н. Черныха, либо в Анатолии, либо в Иране. Импорт металла в данном случае мог осуществляться как в слитках, так и готовыми изделиями. В свою очередь кавказский металлургический центр явился источником снабжения металлом древнеямных, катакомбных и полтавкинских племен Восточной Европы. В период поздней бронзы в степной полосе Восточной Европы к востоку от Днепра происходит переориентация торговых связей, по которым шло снабжение металлом, на уральские и западноказахстанские месторождения. Это явление было обусловлено распространением срубных племен, традиционализм в пределах области расселения которых определял и направление торговых путей. Хорошо известно широкое развитие обмена и торговли на Балканах и в Западной Европе в эпоху металла с заметной ориентацией на традиции высокоразвитых металлургических центров Эгейского моря. Многочисленные «торговые клады», содержащие большое число однотипных предметов, свидетельствуют скорее всего о появлении своего рода торговцев-посредников²⁹.

Таким образом, в эпоху металла нормальное хозяйственное функционирование общества на уровне достигнутых технических завоеваний было практически невозможно без налаженной системы обмена. Однако не только технический прогресс, связанный с расцветом металлургии, обуславливал широкое развитие торговли рассматриваемого периода. Решающее значение имел такой экономический стимул, как отделение ремесла от земледелия, превращение продукции этого отделяющегося ремесла в товар, идущий на продажу. Недаром в зарождающихся городках Передней Азии III тысячелетия до н. э. — Трое, Библе, Угарите — мы одновременно находим и следы развитого ремесла, и материальные свидетельства развитой торговли в виде импортированных товаров. Одновременно с усложнением структуры общества усиливается роль социального фактора. Обособляющаяся знать, которую мы знаем по богатым погребениям Европы, создает повышенный спрос на редкие заморские виды украшений и предметы вооружения, что подтверждается целыми сериями раз-

²⁶ М. В. Воробьев. Древняя Япония. М., 1958, стр. 29.

²⁷ Г. Чайлд. Прогресс и археология, стр. 114; Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 257.

²⁸ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.

²⁹ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 168—169.

личных находок. Аналогичное явление имело место не только в Европе. Как раз на вторую половину IV тысячелетия до н. э., на время формирования классовых обществ Египта и Южного Двуречья, падает начало широкого распространения на Ближнем Востоке лазурита, шедшего на всевозможные украшения и поделки³⁰.

В Европе примером торговли украшениями из редких и ценных материалов может служить распространение янтаря, неоднократно бывшее предметом тщательных исследований, подкрепляемых в последнее время химическими анализами³¹. Первоначально разнообразные украшения и поделки из янтаря были связаны с зоной неолитических лесных охотников ямочно-гребенчатой керамики от Восточной Польши до Верхнего Поволжья. Находки готовых вещей вместе с полуфабрикатами указывают на то, что имел место и сырьевой обмен. Такая локализация украшений из определенного материала — яркое проявление культурного традиционализма, характерного и для других культур неолитических охотников и рыболовов. Затем формирование и расцвет земледельческо-скотоводческих культур Центральной Европы создает более широкий спрос на янтарные изделия. Они весьма многочисленны в памятниках культуры шнуровой керамики и шарообразных амфор. Ареал распространения диквинных украшений все расширяется. В XVI—XV вв. до н. э. он достигает эгейского мира, приобретая там особую ценность, так как янтарные украшения, судя по химическому анализу, балтийского происхождения встречаются только в княжеских гробницах Микен. Можно заключить, что торговля янтарем была весьма прибыльным мероприятием. Недаром в погребениях балтийской группы племен шнуровой керамики встречаются как разнообразные янтарные изделия, так и импортные предметы ближневосточного происхождения³².

Как уже отмечалось, важным критерием перерастания обмена в торговлю служит появление эквивалента. По формуле $T-D_1-T$, где D_1 означает первобытные деньги, можно определить и первобытную торговлю. Развитие металлургии и обмен металлом в виде сырья или в виде готовых изделий, бесспорно, стимулировали формирование первобытных денег. При этом металл мог играть функцию денег как в форме слитков, так и в форме различных изделий. В торговой колонии Каниша, где денежная система была основана на биметаллизме, золото и серебро были в обращении в виде брусков весом от 2,5 до 15 кг и колец весом от 25 до 500 г. Для мелких платежей использовали олово, также имевшее форму колец. Медь шла на продажу, а Каниш был крупнейшим международным центром рудоторговли либо в виде слитков, либо в виде топоров и серпов³³. Последнее обстоятельство, кстати, заставляет вспомнить состав многих европейских кладов эпохи развитой и поздней бронзы. Не приходится сомневаться, что тщательный анализ позволит выделить среди соответствующих предметов различные виды первобытных денег. Так, вполне вероятно заключение, что в умеренной зоне Европы роль денег играли двойные проушные топоры весом в 50—60 г с отверстием, слишком маленьким для рукоятки³⁴. Это намеренное нарушение потребитель-

³⁰ G. Herrmann. Lapis Lazuli: the Early Phases of its Trade. «Iraq», v. XXX, 1968; В. И. Сараниди. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке. КСИА, вып. 114, 1968.

³¹ J. M. de Navarro. Prehistoric Routes between Northern Europe and Italy Refined by the Amber Trade. «Geographical Journal», v. LXVI, 1925; С. W. Beck, E. Wilbur, S. Meret, E. Kossou, K. Kermani. The Infra-Red Spectra of Amber and the Identification of Baltic Amber. «Archometry», v. 8, 1965, p. 96—109; И. А. Лозе. Новый центр обработки янтаря эпохи неолита в Восточной Прибалтике. СА, 1969, № 3.

³² Ю. В. Кухаренка. Археология Польши. М., 1969, стр. 57.

³³ Н. Б. Янковская. Международное торговое объединение Каниша. ВДИ, 1965, № 3, стр. 188.

³⁴ Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 260, 278.

ской стоимости, выступающей в форме денежного товара, как раз является характерной чертой первобытных денег.

В связи с возрастающей специализацией торговли как особого вида деятельности, особенно в связи с ее территориальным размахом, появляются и приобретают все большее значение торговцы-посредники. Многие исследователи не без оснований полагают, что в Европе эпохи бронзы были широко распространены странствующие литейщики, своего рода торговцы-кузнецы³⁵, погребения которых с соответствующим инвентарем мы встречаем в самых различных областях. Однако объявление этих торговцев особым классом, как это иногда проскальзывает в работах Г. Чайлда³⁶, — бесспорная модернизация. Мы присутствуем здесь у истоков выделения особой социальной прослойки, которая лишь в дальнейшем займет соответствующее место в общественной структуре. Бесспорные выгоды, которые начинает приносить торговля, используя различные виды эквивалента, привлекает внимание и родовой верхушки. Археологи сталкиваются с отражением этого явления при обнаружении в могилах племенной знати дорогих импортных вещей. Местами торговых сделок становятся традиционные рынки, располагающиеся на межплеменных территориях. Важное значение имел уровень развития транспортных средств. Отсутствие дорог существенно затрудняло систематическое использование колесных повозок. Показательно, что в Месопотамии повозки употреблялись только на близких расстояниях³⁷. Главным вьючным животным в Передней Азии был осел, поднимающий груз в 60 кг, цена на которого составляла 160—240 г серебра³⁸. Дневной переход каравана из вьючных ослов составлял 35 км³⁹. Это обстоятельство обуславливало большое значение рек как транспортных артерий, обеспечивавших быстрый и дешевый подвоз различных объектов, в том числе и весьма громоздких.

Сменяющаяся обменные отношения первобытная торговля играла огромную роль в развитии общества. Сохраняется ее значение как средства распространения культурных достижений, материальные воплощения которых хорошо знакомы археологам. В частности, благодаря торговле отмечается известная интеграция материальной культуры представителей знати, ориентирующейся в Европе на моды крито-микенского общества, а в Закавказье II тысячелетия до н. э. — на хеттско-хурритский мир. Вместе с тем появляется и становится все более результативным фактор воздействия на экономику, который способствует развитию определенных производств, стимулируемых рынком сбыта. Развивающиеся торговля и ремесло, находящиеся в тесном взаимодействии прямых и обратных связей, были одними из тех качественно новых явлений, которые определяли всю экономическую структуру первобытного общества на заключительных этапах его развития. В ряде случаев интенсификация торговых связей с высокоразвитыми цивилизациями способствовала ускорению темпов исторического развития в прилегающих областях «варварской» периферии.

Вместе с тем не следует преувеличивать роль торговли и зарождающегося денежного обращения в жизни первобытного общества даже эпохи разложения. Как известно, для низкого уровня развития товарного производства, когда система меновой стоимости имела ограниченное значение, показательно обособление меновой собственности в виде денег в функции сокровищ, лежащих мертвым грузом, а не идущих в торговый оборот.

³⁵ Г. Чайлд. Прогресс и археология, стр. 115; Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 258.

³⁶ Г. Чайлд. У истоков... стр. 168.

³⁷ Ш. Е. Леетманс. Foreign Trade in the Old Babylonian Period. Leiden, 1960, p. 133.

³⁸ Н. Б. Янковская. Международное торговое объединение Каниша, стр. 190.

³⁹ Н. Б. Янковская. Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР. М., 1963, стр. 26.

Среди археологических материалов в этом отношении особенно показательны ценные изделия, входящие в состав инвентаря погребений племенных вождей и варварских князьков. Накопление сокровищ здесь налицо, но также налицо и их нерентабельное использование — помещение в могилу, приводящее к выпадению из оборота, к физически осязаемому омертвлению капитала.

Качественно новый рубеж в развитии обмена и торговли составляет торговля раннеклассовых обществ. Здесь ведущей экономической формой становится денежная торговля по формуле Т—Д—Т, причем функция денег уже в домонетный период, как правило, утверждается за благородными металлами. Для обслуживания этой обособившейся сферы хозяйственной деятельности выделяется класс купцов, базары становятся составной частью крупных поселений городского типа, входя в него как специфическая планировочная единица. Развитая внешняя торговля, монополизированная купцами-профессионалами, приводит к появлению торговых факторий или колоний.

Экономические стимулы развития торговли, определяющие многие ее формы и особенности, выступают здесь достаточно отчетливо и определенно. Для поддержания торгового баланса древневосточные цивилизации, зависевшие от ввоза руды и строительных материалов, нередко пускают на экспорт часть излишков высокопродуктивного ирригационного земледелия⁴⁰. О караванах вьючных ослов, вывозящих в горные области зерно, сообщает и шумерский эпос⁴¹.

Носителями торговых функций, организаторами торговли были купцы-профессионалы, образывавшие отчетливую социальную прослойку. Торговые агенты-тамкары упоминаются уже в древнейших документах Урука⁴². Богатые купцы настойчиво придерживались и внешних признаков своей состоятельности. Об этом свидетельствуют обширные и благоустроенные дома торговцев, раскопанные в целом ряде городов древней Месопотамии. Интересно, что в раннесредневековой Средней Азии дома купеческой верхушки ничем не отличались от домов землевладельческой аристократии, а по свидетельству письменных источников, как будто подтверждаемыми археологическими материалами, купцы нередко жили и в укрепленных замках⁴³. Государственная власть стремилась извлечь максимальную выгоду из контроля над торговой деятельностью. Так, в Канише в состав администрации входили начальник складов, начальник рынка, начальник транспорта, начальник переводчиков, т. е. местный правитель контролировал все важнейшие для торговой общины должности⁴⁴. Эксплуатация, конкуренция, борьба за выгоду, финансовые спекуляции, характерные для общества частной собственности, сменяют первобытный обмен, объединявший в церемониях, облакаемых культовой обрядностью, порой и враждебные племена. Обмен как синоним мира сменяет торговая война, бывшая лишь одним из проявлений противоречий, раздиравших классовые формации.

⁴⁰ *W. E. Leemans. Foreign Trade. . .*, p. 116.

⁴¹ *И. Т. Канева. Шумерский героический эпос. ВДИ, 1964, № 4, стр. 213.*

⁴² *А. И. Тюменев. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.—Л., 1956, стр. 55—56.*

⁴³ Мы имеем в виду известное собрание Наршахи о замках купцов кеш-кушанов под Бухарой и результаты раскопки замка Ак-депе в Южной Туркмении, владелец которого, судя по находкам огромного числа булл, в широких масштабах занимался торговлей (*А. Губаев, Г. А. Кошеленко. Исследование парфянского святилища Мансур-депе и раннесредневекового замка Ак-депе. «Каракумские древности», вып. III. Ашхабад, 1970*).

⁴⁴ *Н. Б. Янковская. Международное торговое объединение Каниша, стр. 185.*

Н. Н. ГУРИНА

К ВОПРОСУ ОБ ОБМЕНЕ
В НЕОЛИТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Проблема обмена в различных его формах и проявлениях имеет очень важное значение для понимания степени развития и социальной структуры общества. Значимость института обмена, как многократно отмечали исследователи, была весьма ощутима и на ранних этапах развития человечества. Общение между различными племенами порождало обмен техническими достижениями и идеями, способствовало прогрессу общества. Совершенно очевидны связь экономического обмена и разделения труда, их взаимообусловленность.¹

Поскольку экономический обмен является исторической категорией, сущность его и форма находятся в соответствии с уровнем развития человеческого общества. Понятие «обмен» является весьма емким, включающим в себя и понятие «торговля». Последняя возникает на более поздней ступени экономического и социального развития общества и в свою очередь в большой мере способствует разрушению естественной связи внутри общин, ускоряет процесс общественного разделения труда.

Темой настоящей статьи является освещение некоторых сторон первобытного экономического обмена в неолите Северной и Восточной Европы. Это позволяет нам не касаться вопроса возникновения обмена и таких его начальных форм, как «дарение» и «отдаривание», широко практикуемых, по заявлению этнографов, в первобытных обществах¹. Как мы постараемся показать далее, в эпоху неолита, в особенности на его позднем этапе, обмен, во всяком случае некоторыми видами продукции человеческой деятельности, стал довольно постоянным явлением.

Причина возникновения обмена заключается в наличии различных потребительных стоимостей, т. е. в способности каждой вещи удовлетворять ту или другую потребность человека. Вещи с одинаковыми потребительными стоимостями не могут быть вовлечены в обмен, ибо это делало бы бессмысленным перемещение одинаковых продуктов из рук одного владельца в руки другого. Общим для всех вещей является то, что они — продукт общественно полезного труда.

Однако вещь, обладающая потребительной стоимостью, еще не товар. Для того чтобы стать товаром, продукт труда должен быть отчужден от своего производителя и посредством обмена передан другому для удовлетворения его потребностей². Исходя из этого положения, для эпохи неолита допустимо применять в отношении двух обменивающихся продуктов понятие «товар». Вместе с тем мы считаем неверным, как это делают

¹ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953.

² К. Маркс. Капитал, т. I. Л., 1953, стр. 47.

некоторые зарубежные исследователи (Г. Кларк³, М. Ян⁴ и многие другие), отождествлять понятия «обмен» и «торговля». Для рассматриваемой нами эпохи свойствен непосредственный обмен продуктами, что соответствует формуле, применяемой Марксом в «Капитале», Т—Т, когда владелец одной потребительной стоимости вступает в непосредственные отношения с владельцем другой потребительной стоимости. Между ними не существует промежуточного звена в виде посредника — третьего лица и третьего продукта, обладающего всеобщей потребительной стоимостью, т. е. товара, способного обмениваться на все другие товары. Иными словами, два различных товара обмениваются без посредства денег, в какой бы форме те не выступали. В отличие от непосредственного обмена торговля, как известно, выражается формулой Т—Д—Т. Сущность этого утверждения не изменяет и то положение, что в ряде случаев обменивающиеся предметы попадали к далеко жившим друг от друга племенам «по цепочке», через посредство других племен. В этом случае промежуточным звеном являются не частные лица, имеющие целью накопление для себя меновой стоимости, а коллективы, приобретающие потребительные стоимости.

Существенной чертой первобытного обмена является тот факт, что в нем, как правило, участвуют не индивиды, а общины в целом. Обмен ведется в пунктах соприкосновения с чужими коллективами, и только на более поздней фазе развития он внедряется внутрь общины. Последняя форма становится возможной лишь при наличии определенной стадии общественного разделения труда внутри нее, более совершенного, чем половозрастное разделение.

Постоянное повторение обмена делает его регулярным общественным процессом. Поэтому с течением времени по крайней мере часть продуктов труда начинает производиться преднамеренно для нужд обмена, что стимулирует в свою очередь общественное разделение труда.

Археологические материалы свидетельствуют о наличии обмена в раннем неолите, однако значительно большего развития он достигает в поздней фазе этого периода, когда определенные виды продукции специально производятся для обмена. В этот период обмен уже вышел из того состояния, о котором Маркс говорит, как «о преддверии», когда за один и тот же предмет в качестве эквивалента предлагается хаотическая масса самых разнообразных вещей⁵. Как показывают материалы, в это время обмен в известной мере приобретает целеустремленный характер, отражая традиционные связи между определенными племенами.

Значительной предпосылкой к возникновению и развитию первобытного обмена являлись различия естественногеографической среды, предопределявшие создание различных потребительных стоимостей, в первую очередь жизненно необходимых. Таковым являлось сырье для изготовления орудий труда. Для рассматриваемой нами территории это был в первую очередь кремь, в меньшей мере сланец. Указанные материалы распределяются неравномерно, при этом они обладают различной степенью доступности и далеко не одинаковым качеством. Так, на территории лесной зоны европейской части СССР залежи кремня протянулись полосой с северо-востока на юго-запад — от Белого моря до Верхнего Поднепровья, захватив Верхнее Поволжье, Северо-Западную Белоруссию, и далее на юго-восток, включая Донбасс⁶. Вместе с тем Карелия, Ленинградская обл. и Прибалтика (исключая Литву) вовсе лишены кремня (рис. 1), поэтому

³ Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1952.

⁴ М. Ян. Gab es in der vorgeschichtlichen Zeit bereits einen Handel? «Abhandlungen der sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig», Bd. 48, H. 4. Berlin, 1956.

⁵ К. Маркс. Капитал, т. I, прим. 41. Л., 1953.

⁶ Г. М. Ковнурко. О распространенности кремня на территории европейской части СССР. «Новые методы в археологии». М.—Л., 1963.

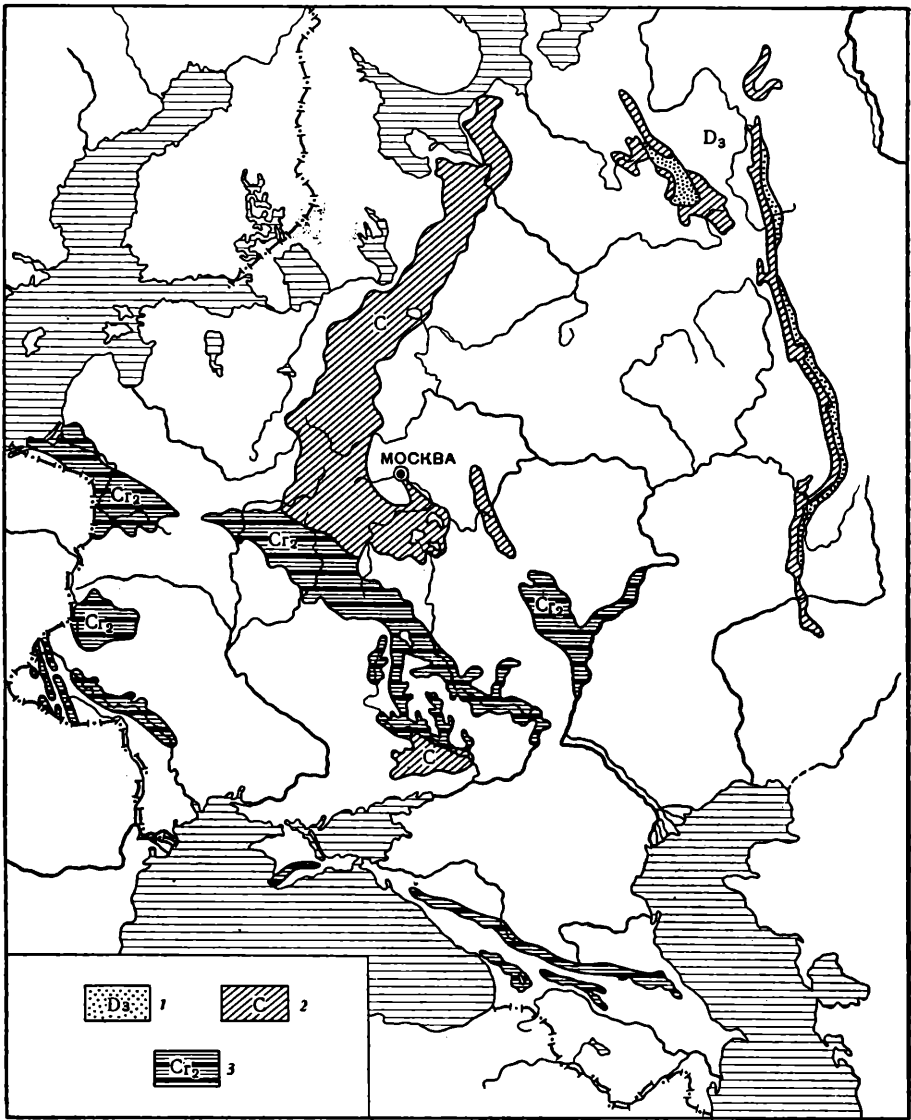

Рис. 1. Распространение кремня в северо-западной части СССР (по Г. М. Ковнурко)
 1 — верхнедевонские; 2 — каменноугольные; 3 — верхнемеловые отложения

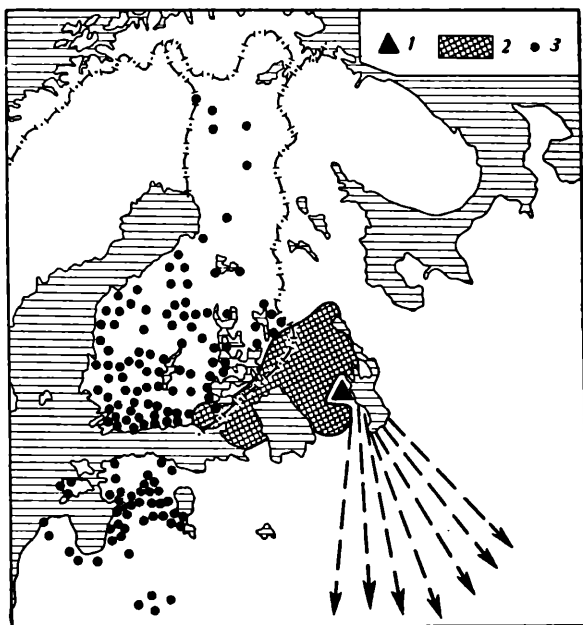
изучение кремневых орудий на данных территориях позволяет восстановить связи этих племен в эпоху неолита как с ближними, так и с более далекими соседями — обладателями кремневых запасов.

При этом достаточно отчетливо прослеживаются направление и интенсивность этих связей на разных этапах неолита. Так, в раннем неолите Эстонии, Латвии и Литвы для изготовления орудий использовался местный серый низкокачественный кремнь, в силу чего кремневых орудий здесь чрезвычайно мало, а типы их не выработаны.

Положение резко меняется в конце раннего — развитом неолите. С возникновением новых культур, для которых характерна ямочно-гребенчатая керамика, появляется и большое число разнообразных кремневых орудий, изготовленных из валдайского очень характерного сиреневого и черного кремня. Затем снова в позднем неолите, когда господствуют ав-

Рис. 2. Распространение материала и изделий из зеленого «олонецкого» сланца (по В. Луко)

- 1 — залежи сланца;
 2 — распространение изделий из сланца;
 3 — места отдельных находок
 Пунктирные стрелки показывают направление распространения валунов

тохтонные культуры, несколько ослабевают связи с восточными областями, появляется кремьн иного качества. На протяжении всего этого периода ощущается недостаток в кремне, что приводит к возникновению и господству специфических, свойственных только этой территории, очень устойчивых типов двустороннеобработанных мелких орудий (наконечников стрел, скребков), часто не превышающих по величине 1,5 см. Все же связи прибалтийских племен с восточными соседями — обладателями кремня, как мы увидим далее, не порываются вовсе.

В Карелии при отсутствии кремня и обилии высококачественного сланца уже в эпоху мезолита возникает и достигает высокого совершенства сланцевая индустрия. Кремьн попадает сюда путем обмена с племенами Беломорья и Валдайской возвышенности. Трудность приобретения его фиксируется чрезвычайной экономией сырья, используемого исключительно на мелкие орудия, главным образом на наконечники стрел, тогда как даже скребки в большой мере изготавливаются из местной породы — кварца. Среди огромной массы неолитического материала Карелии имеется всего лишь один кремневый топор.

Взамен кремня валдайские и беломорские племена получали частично сланцевые орудия в виде топоров, желобчатых тесел, которые так искусно изготавливали племена Карелии.

Вместе с тем в раннем и развитом неолите с территории Карелии экспортировалась, по-видимому, в большом количестве особая порода высококачественного олонецкого сланца (грюнштейна). В виде сырья и, возможно, готовых изделий топоров типа «рованиеми» они распространялись на территории Финляндии и Норвегии (рис. 2). В обмен на это в Карелию из Финляндии поступали шиферные наконечники стрел, особой формы составные рыболовные крючки, угловые ножи и шиферные кольца.

Характерные для Карелии и Финляндии сланцевые орудия: топоры, кирки, особой формы тесла с поперечным желобком (круммайзели) — известны и далеко на восток, не только в Вологодской и Архангельской областях, но на Урале и в Сибири⁷. Вместе с тем в Карелии имеется

⁷ М. Е. Фосс. Древняя история Севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952.

топор с цапфами, характерный только для Сибири. Судя по чрезвычайно ограниченному числу находок, по-видимому, столь отдаленные связи носили в большой мере эпизодический характер. В эпоху раннего металла беломорский кремь попадал на территорию современной Ленинградской обл. в виде готовых изделий. Известен здесь и валдайский кремь⁸.

Изделия из южноскандинавского кремня в изобилии найдены на северной территории вплоть до арктической зоны. Вероятно, этот обмен осуществлялся племенами, владевшими ладьевидными топорами. В арктические зоны попадали желобчатые долота, узкие стамески и топоры. При этом часто им придавалась традиционная форма арктических орудий. Примеры обмена орудиями, свидетельствующие о связях племен, иногда разделенных большими расстояниями, можно было бы умножить.

Наиболее важно для данной темы отметить массовое производство полуфабрикатов и орудий, изготовляемых в шахтах и мастерских уже со специальной целью обмена. Они известны, как утверждают некоторые исследователи (С. Круковский)⁹, уже в раннем неолите, но, несомненно, массовое возникновение их связано с развитым и в особенности поздним его этапами.

Во всяком случае ряд шахт — Кшеменки в Польше, Зюмег в Венгрии¹⁰ — датируются методом C_{14} 2700 лет до н. э.

Как правило, ископаемый кремь, сохраняющий грунтовую влагу, является лучшим материалом для обработки. Возникшая потребность в крупных рубящих орудиях — топорах в связи с развитием земледелия вызвала необходимость массового изготовления этого вида орудий, что послужило причиной возникновения шахт и связанных с ними мастерских.

В настоящее время известны древние горные выработки различных типов в целом ряде стран: Бельгии, Англии, Франции, Дании, Голландии, Швеции, Польше, Венгрии, Чехословакии, Австрии, Италии, Португалии, а также в Америке и в СССР (рис. 3). При этом число горных выработок на относительно небольшой территории иногда достигает нескольких тысяч. Так, в Кшеменках (Польша) их насчитывается тысяча¹¹, в Красном Селе и Карповцах (Западная Белоруссия)¹² — более тысячи, в Граймз-Грейвз (Англия) — 250 и по нескольку сотен в ряде других стран. В целом число древних горных выработок по добыче кремня значительно превосходит таковые по добыче меди.

Все кремнедобывающие шахты, взятые в совокупности, с бесспорностью свидетельствуют о высоком совершенстве способов добычи сырья и богатом опыте горняков, разработавших систему шахт, штолен, штреков, вентиляционных окон, опорных столбов, способов спуска и подъема, подачи материала, освещения, которые затем полностью были использованы последующими поколениями горняков в течение не одной тысячи лет. При этом не может не обратить на себя внимание строгая повторяемость основных конструктивных приемов добычи кремня и орудий горняков в различных странах, иногда очень отдаленных друг от друга (например, Англии, Франции, Венгрии, Дании, Польши и СССР) (рис. 4). Вместе с тем горные выработки подчинены одному общему закону — закону целесообразности, которым продиктованы локальные различия выработок. Удивительная общность прослеживается и в применении горняц-

⁸ Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР. МИА, № 87, 1961.

⁹ S. Kruckowski. Krzemionki Opatowskie. Warszawa, 1939.

¹⁰ L. Vertes. Eine prähistorische silexgrube am Mogvarosdomb bei Sümeg. «Acta archaeologica Academiae scientiarum hungaricae», t. XVI, fasc. 3—4. Budapest, 1964.

¹¹ T. Zurowski. Krzemionki Opatowskie — pomnik Starozytnego gornictwa i narzędziarstwa. «Wiadomosci Hutnicze», rok XVII, N 5, 1961.

¹² Н. Н. Гурина. К вопросу о методике исследования шахт по добыче кремня в Белоруссии. КСИА, вып. 117, 1969.

Рис. 3. Характер изделий кремнедобывающих шахт и мастерских

- 1, 2 — каменоломни в Грег-Лунде;
 3 — кремневые копи в Блэкпэтче (по Г. Кларку);
 4 — мастерские близ шахт в Красном Селе;
 5-7 — нуклеус и пластины из мастерской Гран Прессиньи (по де Моргану)

ких орудий, изготовленных почти повсюду из рогов благородного оленя. Все это свидетельствует о связи различных племен и, по-видимому, об обмене производственным опытом, так как едва ли можно допустить, чтобы идея добычи кремня с помощью сложных шахт в различных странах возникла самостоятельно и развивалась изолированно.

Существенным моментом для оценки степени развития обмена в то время служат огромные мастерские, сопровождающие, как правило, все шахты, а также строго выраженная стандартность продукции.

Обычно вся площадь мастерских, сопровождающих шахты и открытые выработки или штольни, усеяна отбросами производства, полученными в процессе изготовления орудий, и, что особенно важно, заготовками орудий, не удовлетворявших требования стандарта. Поскольку в абсолютном большинстве случаев продукцией мастерских являлись крупные рубящие орудия — топоры и долота, требующие крупных цельных кусков кремня, было невыгодно переносить на далекое расстояние необработанный материал, чтобы получить затем из него на поселении нередко бракованные изделия и массу отбросов. Это особенно было недопустимо, если учесть, что нередко порода кремня, используемая для изготовления топоров, не подходила для выделки из них мелких орудий, таких, например, как наконечники стрел, скребки или ножи. Древние мастера были великолепными знатоками свойств камня, ибо жизнь — великий учитель.

Чрезвычайно показательным в этом плане является применение жителями поселения Чмелев в Польше, обладателями кремнедобывающих шахт Кшеменки Опатовские, расположенных в 7 км, для изготовления всех своих основных орудий — серпов, ножей, имевших значительные размеры и очень ровные, правильные грани, — шведчовского кремня, добываемого в соседнем районе на расстоянии 30 км. Из кшеменковского полосатого кремня на поселении Чмелев сделаны только топоры, хотя отщепов из него имеется здесь чрезвычайно много. Разноструктурные кремневые конкреции не позволяли отжимать пластины правильного очертания, и обитателям этого поселка приходилось выменивать нужный им красноватый кремень с белыми пятнами у соседних жителей. Было рационально не производить и завершающую обработку орудий в местах их добычи. Обычно это делалось на поселениях, поскольку данная операция требовала большой затраты труда и вместе с тем не грозила уже испор-

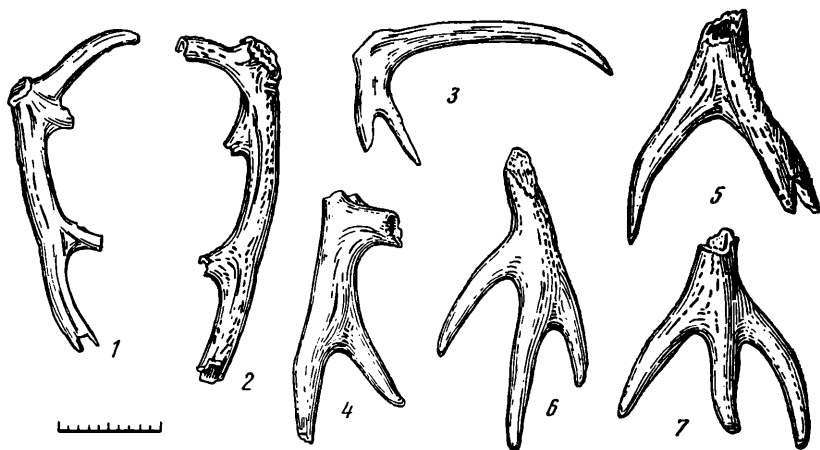

Рис. 4. Роговые инструменты древних горняков

1 — Граймз-Грейвз (Англия); 2, 5, 7 — Красное Село (СССР); 3 — Спиевна (Бельгия); 4, 6 — Шумер (Венгрия)

тить орудие. В этих же целях не применялось и шлифование изготовленных изделий. В процессе шлифования снимался совершенно незначительный слой кремня, что вовсе не отражалось на уменьшении тяжести предмета, изготовленного в мастерских, т. е. не облегчало транспортировку изделий в далекие области. Вот почему мы не встречаем в горных выработках, имевших нередко огромные размеры, шлифованных изделий в качестве изготавливаемой продукции, а лишь отдельные случайные вещи, использовавшиеся как орудия шахтеров.

Наконец, следует указать на удивительную устойчивость приемов, применяемых в процессе изготовления орудий мастерами, а также отмеченную выше стандартность форм заготовок орудий. При этом они сходны не только по форме, о чем мы можем судить, опираясь на огромный материал Красносельских шахт, но имеют стабильную величину. Несомненно, мастер работал по определенному заданному себе плану, и это стремление, вероятно, уже не диктовалось только силой традиций, а ставило цель удовлетворения определенного спроса.

В данной связи большой интерес вызывает огромная мастерская Гран-Прессиньи во Франции¹³, занимающая площадь около 12 км, основной продукцией которой являлись своеобразные нуклеусы, подготовленные специально для снятия с них длинных очень правильных пластин. Оригинальный медовый цвет кремня и форма нуклеусов породили их название «фунт масла». Исключительно высокое качество кремня обеспечило ему широкий спрос в древности, а отмеченные выше своеобразные черты дали возможность исследователям зафиксировать район их распространения. Из 86 департаментов Франции в 74 были обнаружены изделия мастерской.

С таким же успехом определен и ареал топоров, изготовленных из красного полосатого кшеменковского кремня (рис. 5). На относительно далеком расстоянии транспортировались и заготовки топоров из Красносельских шахт.

Таким образом, огромное число шахт, строгая разработанность их конструкций, общность применяемых шахтерами орудий, массовое изготовле-

¹³ I. de S.-Venant. Dessimination des produits des ateliers du Grand-Pressigny aux temps préhistoriques. CIA. Paris, 1902.

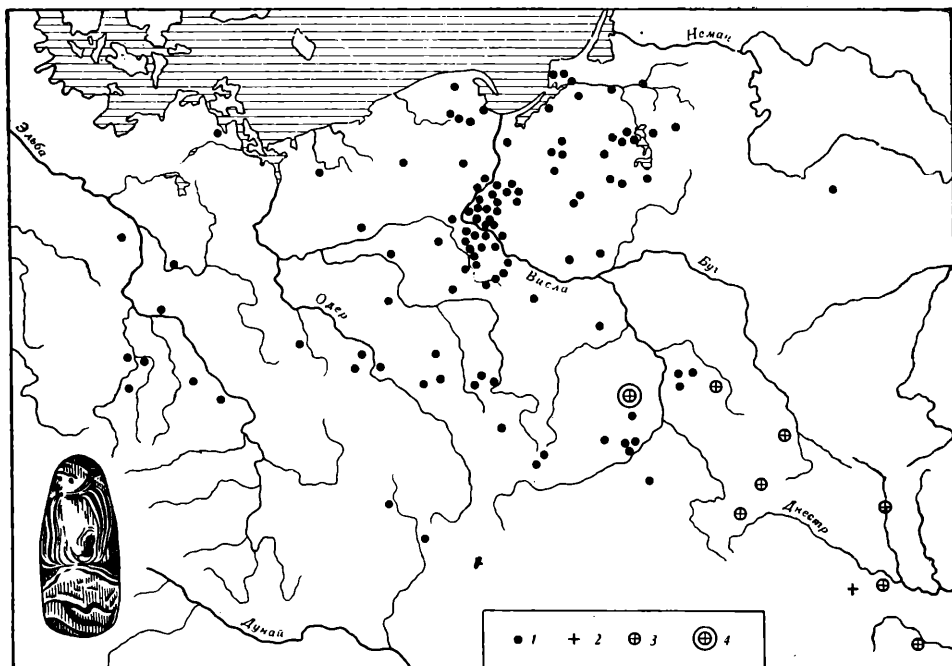

Рис. 5. Распространение топоров из кшеменковского кремня (по М. Яну)

1 — кремневые орудия из кремнедобывающих шахт в Кшеменках; 2 — случайные находки таких же орудий; 3 — изделия из кремнедобывающих шахт в Кшеменках Опатовских; 4 — кремнедобывающие шахты в Кшеменках Опатовских

ние продукции в мастерских, сопровождающих шахты, ее стандартность и вместе с тем незавершенность, а также широкий ареал изделий должны убедить нас в том, что в эпоху неолита, особенно на его позднем этапе, существовал интенсивный обмен материалом, обусловленный известной степенью разделения труда.

Большую роль при обмене играл водный транспорт — главным образом речная система. В ряде стран удается проследить распространение изделий мастерских этим путем. Так, например, попадали кремневые топоры из Швеции в арктическую Норвегию¹⁴, прослежен путь и продукции Красносельских шахт по рекам Росси и Неману.

Меньшее значение имел, по-видимому, морской путь, однако иногда использовали и его.

Одной из самых интересных мастерских в этом плане является мастерская по изготовлению каменных топоров в Бемло, у юго-западного побережья Норвегии, которая существовала, по-видимому, еще в донеолитический период. Очень существенно, что каменоломни и мастерские здесь были разделены морем. Сырье добывали на берегу маленького скалистого о-ва Хесприхольмен и перевозили на лодке в мастерские Бемло, в глубину небольшого фиорда, очень удобного для причала лодок¹⁵.

Важным объектом обмена являлся и янтарь. При этом существенно, что изделия из него специально предназначались для целей обмена.

Р. Клебсом¹⁶ было установлено деление древних янтарных украшений

¹⁴ Дж. Г. Д. Кларк. Указ. соч.

¹⁵ Там же.

¹⁶ R. Klebs. Der Bernsteinschmuck der Steinzeit von der Baggerei bei Schwarzort. Königsberg, 1882.

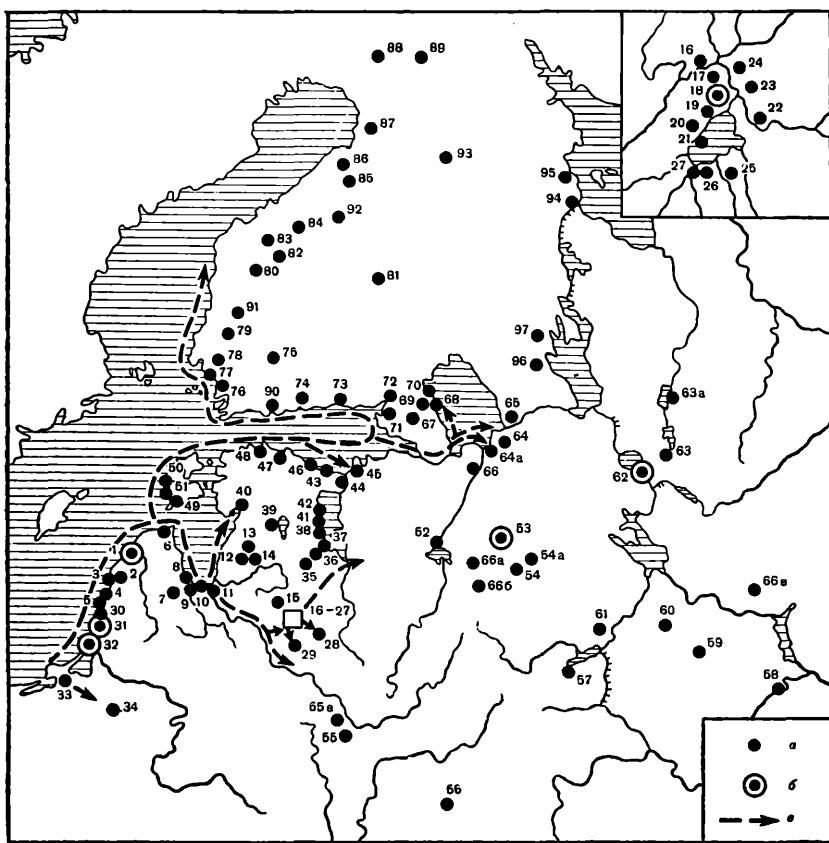

Рис. 6. Распространение прибалтийского янтаря в Северо-Восточной Европе (по Л. В. Ванкиной с добавлением автора)

а — единичные находки;
б — массовые находки;
в — предполагаемые пути распространения

На территории Латвии:

- 1 — Сарнате;
- 2 — Ташу Межнии;
- 3 — Бернаты;
- 4 — Папе;
- 5 — Нидаский торфяник;
- 6 — Пурциемс;
- 7 — Леясцискас;
- 8 — Силиньуше;
- 9 — Кемери;
- 10 — Дубуаты;
- 11 — Варнаскрогс;
- 12 — Риниюкалнс;
- 13 — Каудевкалнс;
- 14 — Звейниекс у оз. Буртниекус;
- 15 — Звейниекс у оз. Виранес;
- 16 — Лицагалс;
- 17 — Абора;
- 18 — Найниексте;
- 19 — Эйна;
- 20 — Асне;
- 21 — оз. Лубанас;
- 22 — Ича;
- 23 — Пшестиня;
- 24 — Лагажа;
- 25 — Звейсалас;

- 26 — Сулька;
- 27 — Малмута;
- 28 — Крейчи;
- 29 — Лейманишки

На территории Литвы:

- 30 — Швянтойи;
  - 31 — Палаяга;
  - 32 — Юодкранте
- В Калининградской обл.:
- 33 — Калининград;
  - 34 — Серово (б. Цедмар)
- На территории Эстонии:
- 35 — Тамула;
  - 36 — Вилага;
  - 37 — Кяэпа;
  - 38 — Акали;
  - 39 — Валма;
  - 40 — Пярну;
  - 41 — Кулламяги;
  - 42 — берег Чудского озера;
  - 43 — Сопе;
  - 44 — Нарва;
  - 45 — Ломми;
  - 46 — Кунда-Ламмсамяги;
  - 47 — Ягала;
  - 48 — Иываехтме;
  - 49 — Наакамяэ;
  - 50 — Ундва;
  - 51 — Лоона
- На территории РСФСР:

- 52 — Коломцы;
- 53 — Кончанское;
- 54 — оз. Пирос;
- 54а — Репице;
- 55 — Кривина (БССР);
- 55а — Осовец;
- 56 — Печкуры;
- 57 — Кузьмино;
- 58 — Сейма;
- 59 — Сактыш;
- 60 — Усть-Уница;
- 61 — Явыково;
- 62 — Каргулино;
- 63 — р. Модлона;
- 63а — устье р. Кинемы;
- 64 — Усть-Рыбежна;
- 64а — Приладожские стоянки;
- 65 — Негежа;
- 66 — городище у р. Волхов;
- 66а — Заболотье II (на оз. Селлигер);
- 66б — Иловец I;
- 66в — Федоровское в Карельской АССР;
- 67 — Лехтокуля;
- 68 — Конкуниemi (у оз. Суванго);
- 69 — Саккола;
- 70 — Поткярви;
- 71 — Хайрюнмяки;

на три большие группы: восточнобалтийскую, ютландскую (или западнобалтийскую) и английскую. При этом балтийский янтарь отличается от всех других.

Неоднократно исследователями отмечалось широкое распространение янтарных изделий очень отдаленной территории от места их производства. Этому вопросу посвящены капитальные труды как у нас, так и за рубежом. Распространение балтийского янтаря в период неолита и бронзы констатировано почти во всех странах Восточной Европы, вплоть до далекого Заполярья. Наибольший интерес для нас в данном случае представляет нахождение янтарных изделий в лесной зоне СССР.

Как удалось выяснить работами Европеуса¹⁷, Р. Клебса¹⁸, Л. Килиана¹⁹, Э. Штурмса²⁰ и других ученых, основным центром производства янтарных изделий была Восточная Прибалтика. Отсюда происходят знаменитые коллекции: юодкранская, содержащая 434 янтарных предмета и массу отходов от их производства (Куршская Коса); палангская коллекция из Литвы, содержащая 153 предмета, часть которых относится к каменному веку, и чрезвычайно многочисленная коллекция из Западной Латвии с поселения Сарнате, включающая 387 предметов и массу отходов и полуфабрикатов, свидетельствующих о местном производстве изделий.

За последние годы работами Р. К. Римантене и И. А. Лозе удалось открыть новые стоянки на побережье Балтики в Литве — Швянтой и в пределах Лубанской низменности ряд стоянок — Сулька, Нейнекте, Пиестиня, Абора I, Асва, Лагожа, Эйни и др., принадлежащих различным культурам и датируемых различным временем²¹.

В общей сложности здесь найдено уже свыше 800 янтарных изделий и полуфабрикатов, а также кусков янтаря, не подвергшихся еще обработке. Таким образом, помимо двух ранее известных центров изготовления янтарных изделий в Восточной Прибалтике (на Куршской Косе и в Паланге — в Литве и Сарнате — в Западной Латвии) в настоящее время выявился и третий — в Лубанской низменности, который представляет для нас интерес.

Обнаружение серии разновременных стоянок позволило автору раскопок И. А. Лозе составить хронологическую таблицу развития украшений и найти связь определенных видов изделий с определенными культурными комплексами. Все имеющиеся янтарные украшения распределяются между соответствующими культурными группами: 1) с гребенчато-ямочной керамикой, 2) с керамикой типа Пиестиня и 3) с различными керамическими комплексами позднего неолита.

¹⁷ A. Ayräpää. Die Verbreitung des Bernsteins im kammkeramischen Gebiet. SMYA, FFT, 45, 1945.

¹⁸ R. Klebs. Указ. соч.

¹⁹ L. Kilian. Haffkünstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn, 1955.

²⁰ E. Sturms. Der ostbaltische Bernsteinhandel in der vorchristlichen Zeit. «Commentationes Balticae», I. Bonn, 1954.

²¹ И. А. Лозе. Новый центр обработки янтаря эпохи неолита в Восточной Прибалтике. СА, 1969, № 3.

Рис. 6 (окончание)

72 — Поринкюля;	81 — Лаукансало;	90 — Сокембака;
73 — Мухуниеме;	82 — Хатунлуома;	91 — Писпа;
74 — Руоксмаа;	83 — Питкямяки;	92 — Рейсьярви;
75 — Кутиля;	84 — Исонкорвеннииттю;	93 — Калмосяркка;
76 — Кярмяя;	85 — Питкясаари;	94 — Бесовы Следки;
77 — Кярсямяки;	86 — Таваскансаари;	95 — Путкинская I;
78 — Похеесяльта;	87 — Киериккисаари (у р. Ййоки);	96 — Соломегное V;
79 — Кольмхаара;	88 — Колпене;	97 — Сунская IA
80 — Кортесивиста;	89 — Нейтиля у Кемиярви;	

Проделанная работа в значительной степени облегчает теперь задачу определения янтарных украшений, встречаемых на нашей восточной территории.

Карта распространения янтарных изделий в областях, лежащих к востоку от Прибалтики, составленная Л. В. Ванкиной (рис. 6), указывает на весьма обширную территорию²². В настоящее время ее можно дополнить рядом новых пунктов.

Наиболее восточными стоянками, где известны янтарные украшения неолитического времени, являются: Карелия, современные Вологодская, Костромская, Ярославская, Новгородская и Ленинградская области. Не исключена возможность, что именно из этого центра янтарные украшения попадали на территорию Финляндии.

Типы янтарных украшений очень разнообразны: от простейших подвесок до скульптуры. При этом в распределении их по различным территориям наблюдается определенная закономерность.

Как следует из анализа известных в настоящее время янтарных изделий на нашей территории, наиболее оживленный обмен ими был в развите неолите и в конце неолита — начале бронзы (в волосовской культуре)²³. Заметим, что на стоянках лесостепной зоны они не известны и в неолитическое время. Изделия, предназначавшиеся для обмена с восточной территорией, довольно стандартны как по величине, так и по форме. Встречается не более семи видов: подвески в виде колец, симметричные, трапециевидные, пуговицы с v-образным отверстием, простые пронизки, пронизки с утолщением в средней части и шарообразные бусины.

Можно отметить украшения, изготовленные из камня, — симметричные подвески и в особенности шиферные кольца, воспроизводящие даже детали предметов из янтаря (с маленькими отверстиями на ободке). Центром изготовления таких колец, по-видимому, следует считать Финляндию, откуда они попадали в Карелию, на Кольский полуостров, Верхнюю Волгу (на оз. Селигер), Оку (Плеханов Бор) и, что особенно интересно, — в Восточную Прибалтику и, в частности, в Латвию, откуда в Финляндию шли янтарные изделия.

Помимо шиферных колец в стоянках Восточной Прибалтики встречаются и другие изделия, изготовленные в Финляндии, такие, как сланцевые составные рыболовные крючки, небольшие тесла из сланца оригинальной формы с поперечным желобком — круммайзели. Крупные и в особенности мелкие орудия, изготовленные из разновидностей сланца, отсутствующего в Прибалтике, могли поступать туда в обмен на янтарь из Карелии и нынешней Ленинградской обл. Верхневолжские же племена, как мы уже говорили, снабжали своих западных соседей главным образом кремнем.

По-видимому, обмен был довольно оживленным. В пределах Ленинградской и Новгородской областей, Валдайской возвышенности известны находки янтаря на Ладожском озере, р. Мсте и в с. Кончанском; на Верхней Волге — в Сахтыше. Разветвленная речная сеть и многочисленные озера здесь облегчали способ передвижения.

Наибольший интерес, несомненно, вызывают находки в с. Кончанском на берегу оз. Шерегородо Боровичского р-на.

В 1902 г. при раскопках курганов Рерих обнаружил в одной из насыпей кострище, с которым связал найденные в нем 267 янтарных подвесок и многочисленные осколки янтаря²⁴. По типу все украшения яв-

²² Л. В. Ванкина. Поселение Сарнате. Рига, 1970.

²³ Выявлено в результате работы экспедиций в Волго-Окском междуречье под руководством И. К. Цветковой и в Верхнем Поволжье — под руководством Д. А. Крайнова.

²⁴ Н. Рерих. Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой. ЗОРСА, т. V, 1903.

ляются восточноприбалтийскими и относятся к развитому неолиту. Вместе с янтарными изделиями здесь встречены фрагменты керамики, в том числе ямочно-гребенчатой и близкой к волосовской. К сожалению, в настоящее время трудно установить подлинные условия нахождения. Очевидно, все же следует отвергнуть связь указанных изделий с курганными захоронениями и воспринимать их как находки на стоянке.

Однако сущность этих находок продолжает оставаться загадкой. Такому огромному количеству несомненно дорогого янтаря, сосредоточенному в пределах одного памятника, на большом расстоянии от места производства изделий, трудно найти объяснение. Кому могло принадлежать это богатство? Броггер, предполагая транспортировку кончанского янтаря с Куршской Косы, высказывал предположение, что он шел водным путем, по Неману, Вилюю, Западной Двине, до ее истоков, затем по р. Ловати в Ильменское озеро, а потом по Мсте до с. Кончанского. Протяженность этого пути примерно 1200 км²⁵. После открытия центра производства янтаря в Лубанской низменности это расстояние может быть сильно сокращено.

Заканчивая рассмотрение некоторых сторон обмена в неолите, следует сказать, что наиболее сложными вопросами для решения являются, несомненно, сама организация его и связанная с этим деятельность горняков и мастеров, изготовлявших янтарные украшения. Данный вопрос требует специальной разработки и может быть проведен только на широком материале. При этом необходимо достаточное количество информации о поселениях, связанных с шахтами. К сожалению, такие данные для многих районов отсутствуют. Совершенно обязательным для правильного решения данных вопросов является и проведение многочисленных спектральных анализов по кремню и янтарю, чем в сущности мы не располагаем. Однако едва ли теперь можно согласиться с Кларком по вопросу существования «странствующих купцов» типа наших «коробейников», разносящих каменные топоры по различным далеко живущим племенам.

По-видимому, следует полагать, что добыча материала происходила на землях общины и продукция принадлежала именно ей, в силу чего мастера какую-то часть времени, необходимого для добычи кремня, жили за ее счет. Думается, что и обменивающимися сторонами были не индивиды, а целые коллективы. В настоящее время мы очень далеки от полного решения этих вопросов, однако они не должны сходить с повестки нашего дня.

²⁵ А. Brogger. Den arktiske stenalder i Norge. Christiania, 1909.

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

О НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА
В НЕОЛИТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

В настоящее время можно считать общепризнанным, что такие взаимосвязанные и взаимообусловленные социальные категории, как обмен и разделение труда, играли немаловажную роль уже в развитии первобытного общества. Они составляют как бы две стороны общего процесса роста производительных сил, в сфере производства и в сфере обращения. Вместе с тем в нашем распоряжении оказался большой фактический материал, позволяющий представить себе конкретные формы обмена в первобытную эпоху вообще и в неолитическое время в частности.

Как оказалось в свете исследований последних лет, одной из важнейших отраслей обмена в эпоху неолита являлся каменный сырьевой материал (преимущественно кремьень и кремнистые породы), пригодный для изготовления орудий труда, а также его различные полуфабрикаты — заготовки крупных орудий, нуклеусы и другие изделия. В иностранной литературе уже давно можно было встретить отдельные отрывочные сведения о распространении кремня далеко за пределами района его добычи. Классическим примером этого являлись нуклеусы из специфического кремня мастерской Гран-Прессиньи, обнаруженные в различных районах Франции вдали от мастерской¹.

Сейчас в связи с массовым изучением памятников кремнедобычи и первичной кремнеобработки, а также петрографическими анализами разных пород кремня удалось достаточно определенно установить распространение каменного сырья из различных пунктов его добычи в места, лишенные этих естественных ресурсов². На территории нашей страны встречен широкий ареал находок верхневолжского кремня, имеющего своеобразный лиловый цвет. Кремьень этот в виде пластин и орудий из них найден в Эстонии, Ленинградской обл. Известен также регион употребления кремня из шахт Северной Белоруссии³, проникновение зауральской кремнистой яшмы на далекие территории⁴.

В Европе пользуется известностью кшеменковский и швечеховский кремьень из польских шахт⁵, а также кремьень Англии, Норвегии, Бель-

¹ См., например: *I. de S.-Venant. Dessimination des produits des ateliers du Grand-Pressigny aux temps préhistoriques.* CIA. Paris, 1902.

² *J. F. S. Stone, F. S. Wallis. Second and Third Reports of the Sub-Committee of the South-Western Group of Museums on the Petrological Identification of Stone Axes.* PPS, 1947, n. s., v. XIII; 1951, n. s., v. XVIII, part II; *Г. М. Ковнурко. О распространности кремня на территории европейской части СССР. «Новые методы в археологических исследованиях».* М.—Л., 1963.

³ *Н. Н. Гурина, Г. М. Ковнурко. Шахты по добыче кремня в Западной Белоруссии.* СА, 1964, № 2.

⁴ *Л. Я. Крижевская. Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии.* СА, 1961, № 2.

⁵ *S. Krukowski. Krzemionki Opatowskie.* Warszawa, 1939.

гии и ряда месторождений других стран⁶. На юге Старого Света, на Кавказе и Ближнем Востоке, использовался в основном обсидиан, огромное количество которого поступало из центров добычи на периферию в основном в виде сырьевого материала, а также готовых изделий. Укажем еще на проникновение в дальние районы янтаря и янтарных поделок⁷. Таким образом, очевидно, что распространение каменного сырья, полуфабрикатов и в меньшей мере орудий труда, олицетворяющее собой обмен товаров и соответствующие социальные взаимоотношения, не являлось каким-то случайным, спорадическим явлением, а прочно вошло в быт неолитического человека. При этом, судя по его количественному и территориальному размаху, речь здесь идет не о древнейшей и наиболее примитивной форме внутриплеменного обмена (взаимные подарки и пр.), а о межплеменном обмене, неизбежно порождающем развитие производства, требующем наличия излишков, поступающих «на экспорт».

К сожалению, археологические источники почти совсем не сохранили обменываемого на камень материала, что сильно обедняет наши представления о самом характере обмена. Для реконструкции этого процесса обратимся к этнографии. Как следует из этнографических материалов, у народов, живших до недавнего прошлого в каменном веке, вопрос о сырье для изготовления орудий занимал первостепенное место⁸. Индейцы Северной Америки, австралийцы, жители островного мира совершали далекие путешествия за камнем. Известен особый ритуал обмена, несоблюдение которого могло повести к междоусобной войне и вооруженным столкновениям. Владельцы камня могли разрешать пришельцам самостоятельную добычу его, но чаще они его добывали сами и совершали акт обмена на определенной территории. Среди обменываемых продуктов у индейцев упоминаются шкуры животных, однако подробных сведений о количестве и качественном эквиваленте у этнографов не имеется. Приведенные выше соображения дают, на наш взгляд, основания рассматривать распространение поделочного камня (кремня, обсидиана) как свидетельство обменных экономических отношений в древности и считать их в принципе аналогичными достоверно известным у современных народов.

Теперь мы подходим к вопросу о значении этой формы обмена (мы не затрагиваем других, менее документированных археологическим материалом возможных отраслей обмена, например керамикой, предметами украшений и т. д.) для развития процесса разделения труда. Неразрывная связь общественно-экономических категорий теоретически обоснована марксистской политической экономией. Положение Ф. Энгельса о первом общественном разделении труда в форме выделения пастушеских племен из остальной массы варваров остается основополагающим. Но, развивая это положение, следует заметить, что на огромной территории лесных массивов и более северных широт, прочно освоенных человеком в неолитическое время, пастушеские племена, естественно, не формировались. Скотоводство, а за ним земледелие развились там позднее и в иных, чем на юге, формах. Между тем общий процесс роста производительных сил неминуемо происходил, облекаясь в конкретно-исторические формы. Одна из них — развитие обмена, знаменующего цепь социально-экономических

⁶ G. Clark. The Age of British Flint Mines. «Antiquity», June 1933.

⁷ В. М. Массон. Изучение обмена и торговли первобытной эпохи. «Тезисы докладов к симпозиуму теоретического семинара «Обмен и торговля в древних обществах». Л., 1972; Н. Н. Гурина. К вопросу об обмене в неолитическую эпоху. Там же; К. Х. Кушнарева. Обмен и торговля Закавказья в древности. Там же.

⁸ Американская литература, посвященная этому вопросу, чрезвычайно велика. См., например: R. F. Heizer, A. E. Treganza. Mines and Quarries of the Indians of California. «California Journal of Mines and Geology», Report 40, v. 40, N 4, 1944; W. H. Holmes. Handbook of American Antiquities, part I. Bureau of American Ethnology, Bull. 60. Washington, 1919.

связей, с одной стороны, и рост производительности труда — с другой. Конкретным проявлением последнего является совершенствование приемов добычи и первичной обработки камня — наличие шахт и серии специализированных мастерских для изготовления орудий труда. Исследования многочисленных памятников этого типа позволили установить определенную систему в изготовлении орудий, начиная с добычи сырья и кончая финальными процессами производства. Так, известны мастерские для первичного расщепления породы, расположенные преимущественно у мест выходов сырья, так называемые стоянки-мастерские, изготавливавшие полуфабрикаты: топоры, нуклеусы и пластины; «домашние» мастерские для заканчивающих процессов: шлифовки, ретуширования и т. д.⁹

Особого внимания заслуживают кремнедобывающие шахты, конструкция которых поражает своим совершенством. Рациональное устройство центрального звена, подбоев и штреков, умение предотвратить обвал специальным креплением, отобрать нужную породу и разработать способ ее выработки¹⁰ — все это свидетельствует о высоком мастерстве древнего шахтера и исключает, как кажется, случайный набор работавших. Лучшим доказательством высокосовершенной конструкции шахт является тот факт, что они в своем первоначальном виде (лишь с незначительными изменениями) просуществовали почти весь исторический период вплоть до последнего столетия. Все вместе взятые памятники, связанные с разными фазами изготовления орудий труда, шахты в совокупности с прилегающими к ним мастерскими и различные типы последних характеризуют сложный процесс производства с дифференцированными операциями. Разделение труда проявляется не только в существовании особой хозяйственной сферы, но и в разделении функций внутри нее. Таким образом, мы имеем здесь не изначальные его ступени, а достаточно высокий его уровень (во всяком случае в конце неолита). Этот уровень предусматривает уже определенный опыт, сложившиеся традиции и передачу их последующим поколениям. «... мастера, развивавшие здесь свое искусство, — писал Ф. Энгельс о неолитических мастерских, — работали, вероятно, за счет [...] коллектива»¹¹. Конечно, они не были ремесленниками в современном смысле этого слова. По-видимому, в свободные от горных работ месяцы (а работы, безусловно, носили сезонный характер и происходили в теплое время года и при иных подходящих экологических условиях) они занимались теми же видами хозяйства, что и остальные члены коллектива. Однако это не противоречит выделению новой отрасли хозяйства — горного дела, отрасли, не связанной непосредственно с добычей средств существования. Именно данное обстоятельство — возможность части населения заниматься только производством орудий труда — и явилось, как представляется, исходным моментом для зарождения ремесла. Оно, следовательно, уже стояло у порога общественного развития.

Итак, всеобщий закон роста производительных сил, выражающийся в разделении труда и развитии обмена, воплощается в различные конкретно-исторические формы. Одну из них мы попытались воспроизвести.

⁹ М. Р. Касымов, Л. Я. Крижевская. О классификации кремнеобработывающих мастерских. СА, 1969, № 1.

¹⁰ Н. Н. Гурина. Кремнедобывающие шахты в СССР. «Actes du VII-e Congrès Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques en 1966». Praha, 1970.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 160.

К. Х. КУШНАРЕВА

ОБМЕН И ТОРГОВЛЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ
В ДРЕВНОСТИ

Обмен в первобытном обществе возникает на базе специализации отдельных общин на том или ином виде производства. Определяющим фактором при этом, особенно на ранних стадиях первобытной истории, является географическая среда, в которой проживают общины. «Различные общины находят [...] различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это — те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары»¹. Таковы экономические предпосылки возникновения первобытного обмена.

Обмен на ранних стадиях человеческой истории далеко не всегда фиксируется археологически. Классические примеры широкого распространения янтаря из Прибалтики, кремня из Верхнего Поволжья и Северо-Западной Белоруссии, раковин *Spondylus* из Эгейского бассейна и другие являются для археологов своего рода исключениями. На Кавказе, в частности, следы первобытного обмена прослеживаются далеко не во всем регионе и не на всех стадиях его развития. Такое положение вещей в какой-то мере предопределяет направление и круг исследований историка, который при воссоздании ранних экономических связей «дописьменного» периода Кавказа вынужден привлекать близкие этнографические модели, а также пользоваться письменными документами древних цивилизаций Передней Азии.

Первобытный обмен — явление многоплановое². Внутриобщинный, внутривосемной и межплеменной виды обмена являются выражением внутриэтнического и межэтнического разделения труда. Одновременно все эти виды обмена стимулируют и регулируют внутриэтнические и межэтнические экономические, социальные и культурные связи. Количество форм обмена в первобытных и раннеклассовых обществах не поддается точному учету³.

Отголоски этих сложных и всеобъемлющих процессов донесли до нас данные фольклора некоторых первобытных народов. Весьма красноречиво, скажем, это отразилось в мифах австралийцев, у которых обмен входил в самое «сердце жизни». Под «сердцем жизни» австралийцы подразуме-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I. Л., 1953, стр. 359.

² В. Р. Кабо. Обмен и его социальная роль в первобытном обществе. «Обмен и торговля в древних обществах». Л., 1972, стр. 3.

³ М. J. Hershkovits. Economic Anthropology. New York, 1952, p. 180; А. Л. Оппенгейм. Торговля на Ближнем Востоке. В МКЭИ. М., 1970, стр. 7.

вают «жить, любить, охотиться, обмениваться вечно, без всякого страха»⁴. И так, главным стимулом межплеменного обмена являлась специализация первобытных коллективов, основанная на экологическом разнообразии районов расселения последних. Мощные выходы обсидиана в пределах Армянского нагорья эксплуатировались первобытным человеком начиная с эпохи палеолита. Специализация на добыче и обработке этого высококачественного сырья продолжалась вплоть до появления металлов. Эта специализация и предопределила характер обмена на длительный период времени.

Для установления путей обмена по неорганическим остаткам наиболее эффективные результаты дают методы точных наук⁵. Исследованиями группы английских ученых (С. Renfrew, J. Dixon, J. Cann) с помощью нейтронной активизации и оптической спектрографии обсидиана из ряда месторождений, а также его образцов из древних памятников Ближнего Востока и последующим сопоставлением результатов этих анализов удалось найти ключ к определению основных направлений движения обсидиана в этом обширном регионе⁶. Аналогичные опыты были применены и советскими исследователями, наметившими «обсидиановые пути» в пределах Северного Кавказа⁷.

Обсидиан являлся первым археологически зафиксированным предметом обмена южнокавказских и восточноанатолийских племен. Слабые следы этого процесса намечаются уже в верхнем палеолите (рис. 1—2).

Для VII—IV тысячелетий до н. э. зафиксированы постепенно нарастающие экономические связи с населением окружающих территорий (рис. 3). Так, в этот период из восточных месторождений Арагаца, Немрут-дага, Баязета обсидиан идет на юг, вплоть до Персидского залива (Тали-Бакун), и на восток, в районы Южного Прикаспия (Чешми-Али). Каппадокийские месторождения Ачигёл, Чифтлик, Каракёю снабжают запад, включая Хаджилар, а также юг, т. е. Восточное Средиземноморье, вплоть до Иерихона (рис. 3).

Обсидиан направлялся и в разные районы Закавказья. Значительный масштаб спроса на него в период неолита—энеолита зафиксирован в «зоне снабжения», в таких районах, как Араратская равнина (Техут, Кхсяк-блур и др.), Южная Грузия (Арухло, Абелия и др.), приаракский Азербайджан (Кюль-тепе)⁸. Вместе с тем, скажем, население Северо-Западного Азербайджана использовало не только этот вид сырья. Поблизости добывались различные сорта кремня (Казахский район, гора Татмы), из которого жители местных поселков изготавливали главным образом вкладыши для серпов⁹.

В противовес неолитической Европе, где самую значительную роль играла торговля готовыми изделиями либо заготовками, обсидиан из южных месторождений поступал в виде сырья. На поселение Абелия, например, было завезено шесть крупных валунов общим весом около 60 кг. (Переправка сырья в отдельных случаях наблюдается и в Юго-Восточной

⁴ Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе. ТИЭ, т. LIV. М.—Л., 1960, стр. 117.

⁵ С. Renfrew. Trade and Cultural Processes in European Prehistory. «Current Anthropology», 1969, v. 10, N 2—3.

⁶ С. Renfrew, J. Dixon, J. Cann. Obsidian and Early Cultural Contact in the Near East. PPS, 1966, p. s., v. XXXII, map 1—6.

⁷ В. В. Наседкин, А. А. Формозов. Вулканическое стекло из стоянок каменного века Краснодарского края и Чечено-Ингушетии. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 167—171.

⁸ К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубиншвили. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, стр. 21, 33.

⁹ Р. Б. Арабова. Использование твердых пород камня обитателями энеолитического поселения Шому-тепе. «Материалы к сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1970 г. в Азербайджане». Баку, 1971.

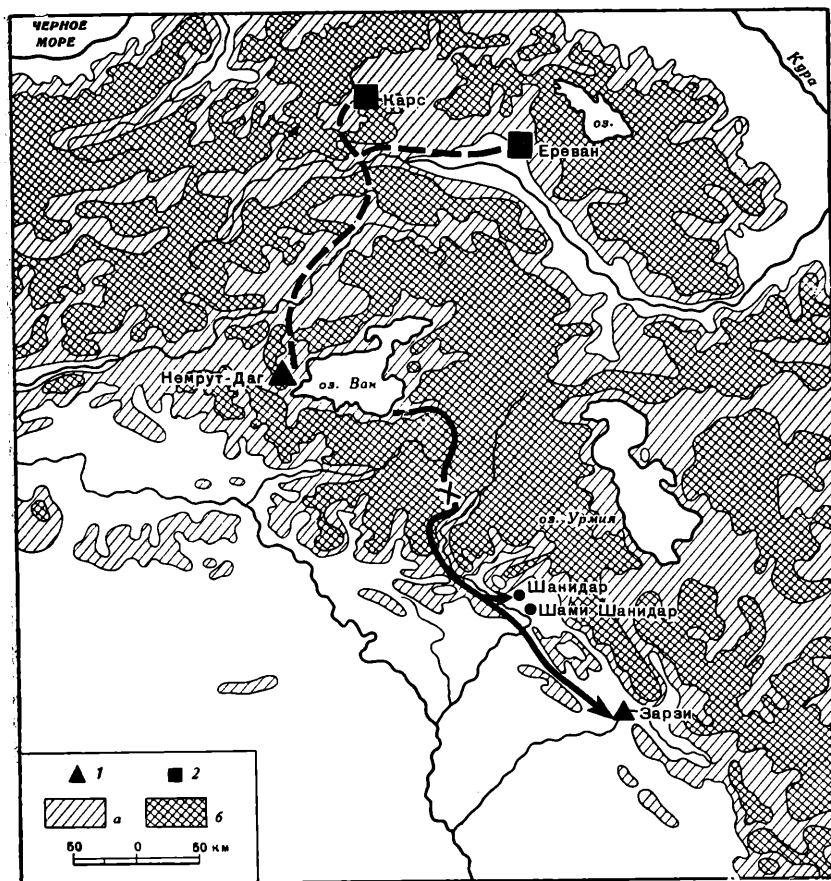

Рис. 1. Движение обсидиана из Армении в верхнем палеолите (по С. Renfrew и др.)
 1 — группа 4с; 2 — группа 4с-ф; а — 900 м над уровнем моря; б — 1800 м над уровнем моря

Европе, где в поселении культуры Люкка в Канцеле оказались глыбы обсидиана весом в 36 кг.)¹⁰ Представляется, что причины поставок сырья, а не готовыми изделиями нужно прежде всего искать в экономике южнокавказского общества того периода с его низким уровнем развития производительных сил, приводившим к постоянному участию всех членов первобытных коллективов в поддержании необходимого жизненного уровня. Предметом массового обмена в таких условиях должно было быть сравнительно легко добываемое обсидиановое сырье, а не готовые изделия, требовавшие для своего изготовления значительно больше трудозатрат.

Наиболее оживленные экономические связи прослеживаются с относительно близкими к месторождениям поселениями (рис. 4). Так, в Чатал-Эйюке (200 км от источника) обсидиан составлял 93%, а в Загросе и Тель-Шемшаре (250 км от источника) — 80% всей массы каменной индустрии. Вместе с тем в поселениях, удаленных от источников более чем на 800—1000 км, находки обсидиана исчисляются всего несколькими осколками (Али-Кош, Бейдха, Иерихо). Таким образом, на примере перемещения обсидиана устанавливается, что далекие расстояния в тот период являлись серьезным препятствием для обменно-торговых операций древних общинников. В условиях, когда осел и лошадь еще не были одомашнены,

¹⁰ Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 244.

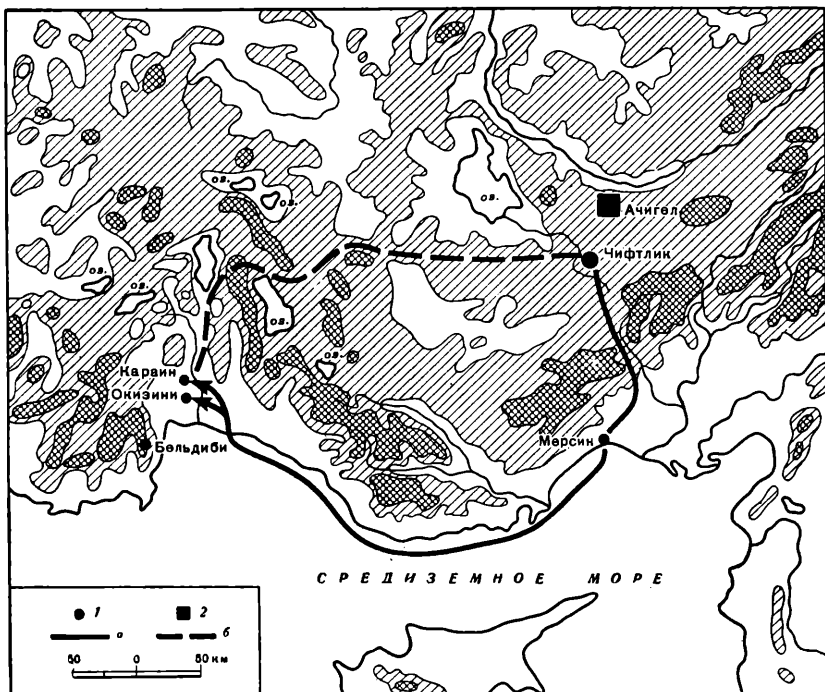

Рис. 2. Движение обсидиана из Каппадокии в верхнем палеолите (по С. Renfrew и др.)
 1 — группа 2в; 2 — группа 1е — ф; а — вероятный путь; б — возможный путь

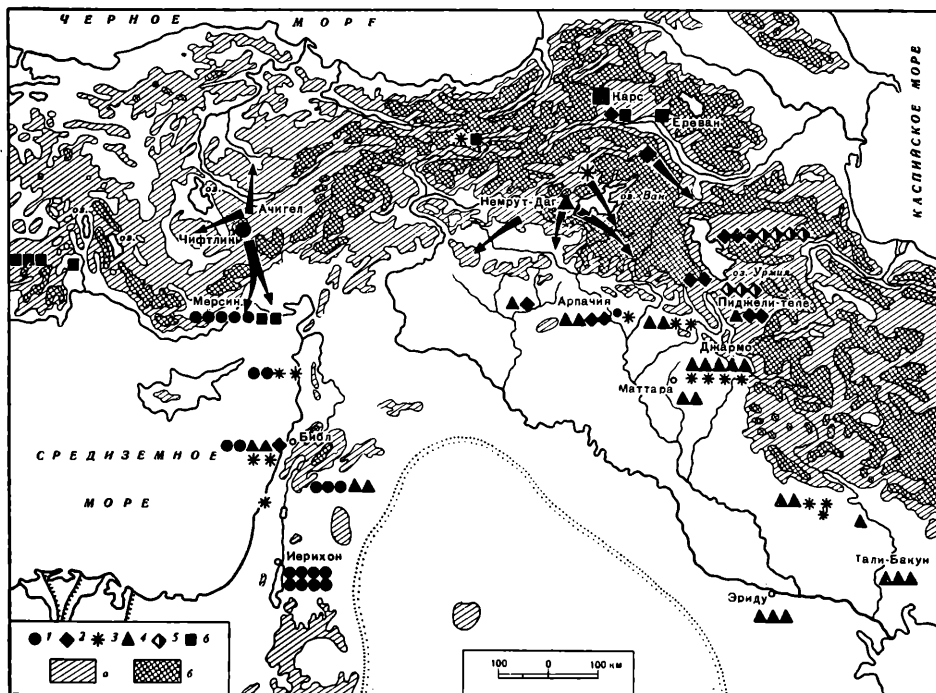
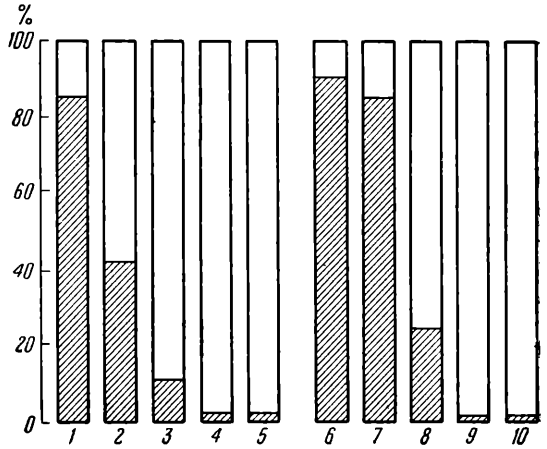

Рис. 3. «Торговля» обсидианом на Ближнем Востоке в VII—II тысячелетиях (по С. Renfrew и др.)
 Группы: 1 — 2в; 2 — 3в; 3 — 1д; 4 — 4с; 5 — 3с; 6 — 1е — ф; а — 900 м над уровнем моря; б — 1800 м над уровнем моря

Рис. 4. Процентное соотношение находок обсидиана с остальной массой каменной индустрии

- 1 — Тель-Шемшара;
- 2 — Джармо;
- 3 — Тепе Гуран;
- 4 — Сараб;
- 5 — Али Кош;
- 6 — Чатал-Эйюк;
- 7 — Мерсин;
- 8 — Тель-Джудейде;
- 9 — Биба;
- 10 — Иерихон

ограниченные возможности пешего хождения наталкивались на огромные трудности и должны были резко лимитировать масштабы обмена. Отголоски такого рода явлений мы находим в сложившихся в течение многих поколений «песнях обмена» у тех же австралийцев. В одной из них говорится об умирающем, не вынесшем трудностей похода человеке. Этот человек пустился в путь с целью совершения обмена ¹¹.

Не менее сложным и опасным делом была морская торговля в Средиземноморье, на осуществление которой в VII—VI тысячелетиях до н. э. указывают находки каппадокийского обсидиана на островах Эгейи ¹². Показательными в этом плане оказались подсчеты обсидиана в поселении Солиагос. Здесь вес 1000 фрагментов, добытых археологами за два сезона раскопок, составил всего 4 кг. И если первая цифра документирует широкое применение обсидиана в качестве важного рабочего материала, то вторая указывает на его рациональное и экономное использование, связанное с трудностями перевозок по морю.

Степень удаленности месторождений предопределяла и формы обмена. Если источник находился сравнительно близко, нуждающаяся в нем община организовывала специальные походы за сырьем. Если поставщиков и покупателей разделяло дальней расстояние — совершался многоступенчатый обмен. Для понимания механизма такого рода обмена особенно наглядна этнографическая модель, зафиксированная у папуасов Новой Гвинеи. Это так называемый обмен «те», или «замедленный обмен». Жители Запада посылают на Восток каменные топоры, раковины и другие предметы и лишь через несколько месяцев получают оттуда свиней, ножи, перья. Обмен производился через специальных посредников: первый из них передает предмет второму, второй — третьему и т. д., причем первый посредник знает только непосредственно следующих за ним. В дальнейшем предмет обмена теряется из виду. Когда предмет, скажем топор, доходит до клиента, тот берет его и посылает взамен свинью, которая продлевает тот же длинный обратный путь. Получив свинью, владелец топора затем благодарит своих ближайших посредников, и обмен кончается. Это единичный акт обмена. Но обычно множество актов соединяются воедино, и на восток идут сотни топоров, а на запад — сотни свиней ¹³.

Аналогичный обмен распространен и у аборигенов Юго-Восточной Австралии, где одним из главных предметов торговли было растение пит-

¹¹ Н. А. Бутинов. Указ. соч., стр. 118.

¹² С. Renfrew, J. Dixon, J. Cann. Указ. соч., стр. 48.

¹³ Н. А. Бутинов. Указ. соч., стр. 132.

чери, употреблявшееся как наркотическое средство. Продажа питчери шла также через многих посредников. Исследователь Эйстон видел однажды 500 таких посредников, одновременно ожидавших груза питчери, который они должны были затем развести в разные концы страны¹⁴.

Обсидиан меняли, вероятно, на своеобразных ярмарках или рынках, о существовании которых у современных примитивных народов рассказывает этнография. Скорее всего сделки производились на поселениях и в первую очередь — на расположенных недалеко от источников. Имеются некоторые археологические намеки на существование подобных «пунктов обмена»; это в первую очередь могли быть питавшиеся баязедским обсидианом поселения Тильки-тепе и Яник-тепе. Путем экстраполяции установлено, что вес обсидиановых находок в известном поселении Джармо составлял примерно 4 тонны. Цифра эта наводит на мысль, что на всем протяжении жизни поселения здесь также мог существовать рынок сбыта, обсидиана. Аналогичные пункты обмена могли быть и в упоминавшихся уже Чатал-Эйюке и Тель-Шемшаре.

Вопрос о том, что получали взамен поставщики обсидиана, остается фактически нерешенным. Здесь могли быть в первую очередь материалы, подвергающиеся со временем разрушению. Вместе с тем для V—IV тысячелетий до н. э. есть основания указывать на проникновение в быт южнокавказских племен красочной посуды халафско-обеидского круга (Техут, Кюль-тепе, Тильки-тепе), имевшей широкий спрос на международных рынках. В Тильки-тепе, например по предположению Г. Чайлда, обосновалась целая халафская община, занимавшаяся разработкой местного обсидиана и распространившая изящную расписную посуду¹⁵. Исключительный интерес в этом плане представляют находки подобного импорта высоко в горах Дагестана (Гинчи), отстоящих на тысячи километров от места, где эта посуда производилась¹⁶.

Бесспорным показателем обмена могут служить также отдельные редкие вещи явно не местного происхождения. Это — бирюза из кюль-тепинского могильника, скорее всего иранского происхождения, медная поделка из того же поселения со значительной примесью никеля, характерного для иранских и анатолийских месторождений, раковины Сургеа, завезенные с Персидского залива или Индийского океана. Наконец, весьма убедительным документом, фиксирующим факт наличия товарообмена в тот период, являются единичные находки на поселениях Геой-тепе и Арухло оттисков штемпельных печатей на комках глины, опечатывавших крышки кувшинов либо тюки с товаром и утверждавших таким образом право собственности владельца (скорее всего общины) на содержимое тары¹⁷. Такая наполненная содержимым тара становилась товаром, предназначенным, очевидно, для обмена.

Вместе с обменом товарами ширились экономические и культурные связи. Для контактов использовались те же торговые магистрали. Ведущую, определяющую роль при этом, бесспорно, должны были играть цивилизации Передней Азии. Однако восприятие и дальнейшее развитие этих влияний могли осуществляться лишь в достаточно развитой среде, способной поглотить все привнесенные новшества. Общество Кавказа в V—IV тысячелетиях до н. э. по уровню своего развития было готово к такому восприятию, и мы наблюдаем, как под влиянием месопотамских архитектурно-строительных традиций на Южном Кавказе начинают появляться круглые постройки типа толосов, а стены этих сооружений воз-

¹⁴ Н. А. Бутинов. Указ. соч., стр. 118.

¹⁵ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 176.

¹⁶ М. Г. Гаджиев. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тысячелетиях. КСИА, вып. 108, 1966, рис. 19, 7.

¹⁷ Т. Burton-Brown. Excavations in Aserbaijan. London, 1951, pl. VIII, 1646; Т. Н. Чубиншвили. К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971, табл. XI, 3.

двигаются из плано-конвексных кирпичей¹⁸. Проникшие в Закавказье единичные экземпляры расписной посуды халафского круга становятся для кавказских гончаров своеобразными эталонами и вызывают серию подражаний, что в свою очередь стимулирует местное производство. Широко распространяется и долго бытует на Кавказе, особенно в Дагестане, посуда с обмазанной поверхностью, налепным, прочерченным и дырчатым орнаментами¹⁹. Истоки ее указывают на иное направление влияний, идущих из западной части обширного переднеазиатского мира. Прототипы подобной керамики мы находим в памятниках сиро-килийского неолита в Амуке (А, В) и в Чатал-Эйюке. Наконец, контактами с переднеазиатскими племенами логично объяснить и первые опыты кавказских металлургов.

Однако в целом все эти собранные по крупницам, разрозненные в пространстве и во времени явления дают все же весьма отдаленное представление о специфике и месте обмена у южнокавказского населения в VII—IV тысячелетиях до н. э. При оценке последнего решающую роль должны играть общеисторические критерии. Находясь в прямой зависимости от относительно низкого экономического уровня общества, обмен в тот период должен был носить коллективный характер, так как в основе его лежала коллективная собственность родовых общин. Это был пример «общества, основанного на общей собственности»²⁰, где товарное производство еще отсутствовало. При таких условиях обмен должен был играть еще незначительную роль в экономической жизни общества.

Что касается III тысячелетия до н. э., то о торговле на Ближнем Востоке мы узнаем из многочисленных шумерских, аккадских и эламских клинописных текстов²¹. Выясняется, что обширная территория в тот период была охвачена сложной и разветвленной сетью международной и внутренней торговли, интенсивно использовавшей морское и речное судоходство, а также дальние и труднопроходимые сухопутные дороги. Эти дороги, бесспорно, тянулись и на север, в районы Кавказа.

Кавказ в III тысячелетии до н. э. мы также застаем на новой ступени развития: уровень производительных сил и общий прогресс культуры значительно возросли²², в связи с чем должны были расшириться масштабы внутреннего и внешнего обмена. Однако для Закавказья, в частности, внутренние связи археологически фиксируются слабо, хотя памятники куро-аракской культуры исследованы достаточно полно. Это в большой мере должно быть объяснено наличием здесь, на обширной территории Закавказья, Северо-Восточного Кавказа и Восточной Анатолии, определенного этнокультурного единства, экономические связи в пределах которого в силу крайне сходных форм материальной культуры археологами не могут быть реконструированы. Показателем более далеких связей на первых порах остается обсидиан, на который еще продолжался спрос на южных рынках. Из обсидиана изготовляли изящные вещи, в частности вазы (мастерская в Алалаке). Однако масштабы этой торговли во второй половине III тысячелетия до н. э. резко сокращаются, что непосредственно увязывается с повсеместным употреблением металлических орудий²³.

Кавказ изобилует металлургическим сырьем. Только в пределах Закавказья насчитывается свыше 300 месторождений меди. Есть основания

¹⁸ Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева. Новые данные по энеолиту Южного Кавказа. «Мацне» (Тбилиси), 1967, № 6.

¹⁹ М. Г. Гаджиев, Г. В. Котович и др. Древние культуры Южного Кавказа. СА, 1972, № 2, стр. 217.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 419.

²¹ А. Л. Оппенгейм. Указ. соч., стр. 7; Ю. Б. Юсифов. Социально-экономическая история Элама. М., 1968, стр. 45.

²² К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Указ. соч., стр. 60.

²³ L. W. Woolley. Alalakh: Teil Atchana. London, 1955, p. 295.

полагать, что уже с начала III тысячелетия до н. э. начинается интенсивное освоение определенной части этих месторождений. Специализация общин на добыче и обработке обсидиана постепенно сменяется специализацией на добыче руд и металлургии. Эта новая отрасль производства постепенно входит в сферу обмена. Благодаря аналитическим экспериментам Е. Н. Черных установлено, что торговые пути из Закавказья тянулись на север, в Предкавказье, племена которого в III тысячелетии до н. э. использовали целиком привозной металл²⁴. Высокая степень концентрации отсутствующего на Кавказе никеля в изделиях ранней группы майкопских курганов говорит о получении металла с юга — из Ирана и Малой Азии. В этой торговле южнокавказские племена должны были осуществлять посредническую роль. Несколько позднее последние сами становятся поставщиками металла, что доказывается сходством химического состава изделий второй майкопской группы с рудами Кафанских, Кедабекских и Белоканских месторождений²⁵. Таким образом, для III тысячелетия до н. э. в целом речь может идти уже о непосредственных экономических связях между племенами, живущими по обе стороны Кавказского хребта.

К сожалению, подобная работа по сопоставлению состава кавказских медных руд и металлических предметов из памятников Передней Азии не проделана. Однако можно предполагать, что металл из богатых месторождениями Армянского нагорья направлялся и на юг. Ограниченные рамки закавказского металлообрабатывающего производства в тот период, представлявшего собой типичный пример общинного ремесла, несомненно, должны были тормозить возможность выхода дополнительной продукции, которую можно было бы реализовать при обмене (кстати, ближневосточные рынки, по-видимому, и не нуждались в получении готовой продукции такого сорта; в этих странах в рамках дворцовых и храмовых хозяйств существовало уже высоко развитое и крайне дифференцированное металлообрабатывающее ремесло). В этой ситуации значительно выгоднее было добывать и экспортировать металлургическое сырье, которое должно было встречать непрерывный спрос на некоторых южных рынках. Напомним, в частности, что металлообработка Шумера целиком базировалась на привозном металле. Торговля медью сменила торговлю обсидианом. Металл должен был совершать свой путь по той же традиционной сети коммуникаций. Однако изменились транспортные средства, что коренным образом должно было повлиять на возможности товарообмена. Место пеших торговцев заняли караваны вьючных ослов, подробное описание которых мы находим в написанных несколькими веками позднее табличках из Каниша.

Обнаружение в районе Еревана клада из 19 медно-мышьяковистых орудий (тесла, клевцы, топор)²⁶, изготовленных в одной из мастерских Алавердского меднорудного района, а также картографирование аналогичных изделий, распространившихся отсюда в других направлениях, указывают на начавшуюся к концу III тысячелетия до н. э. в связи с прогрессом металлообработки практику обмена не только сырьем, но и готовыми изделиями. Состав этого клада, включающего серию однотипных, не бывших в употреблении вещей, а также отсутствие близости литейной мастерской скорее могут свидетельствовать в пользу принадлежности его одному из участников обмена.

Конец III тысячелетия до н. э. в Закавказье знаменуется крупными социальными сдвигами. Скотоводство как форма хозяйства выдвигается

²⁴ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 35.

²⁵ Там же, стр. 46.

²⁶ А. А. Мартиросян, А. О. Мнацаканян. Приереванский клад древней бронзы. КСИА, вып. 134, 1972.

на первый план, происходит первое крупное разделение труда. Скотоводство в тот период, по-видимому, являет собой уже пример расширенного воспроизводства, избыток продукта которого наряду с металлом начинает поступать в сферу обмена.

В начале II тысячелетия в юго-западных пределах Армянского нагорья общество находилось на грани образования классов. Здесь процветала крупнейшая торговая фактория, охватившая своей деятельностью обширную территорию²⁷. Торговля была караванной, с помощью выносливых дамасских ослов, поднимавших груз до 60 кг и совершавших с этим грузом до 35 км в день. Центром ее был Каниш, архивные документы которого проливают свет на фактологическую и социально-экономическую сторону этой торговли. Каниш был пунктом по обработке и сбыту меди. Медь продавали в разных видах, в частности в виде топоров и серпов. Сюда в результате операций торговых агентов стекался металл из окружающих стран. Металл выступал не только как товар, но уже и как денежное платежное средство, денежный эквивалент. Единицами были мина, сикль. Наряду с ними в качестве меновых единиц употреблялись металлические бруски и кольца разного веса.

Существование такого высокоразвитого центра не могло не оказывать влияния на соседние страны. В торговлю в какой-то мере должны были быть втянуты и южнокавказские племена, выступавшие поставщиками металла, особенно те из них, которые населяли богатую медными рудниками западную часть, почти граничащую с северной группой малоазийских колоний (Самуха, Турхумит). Существование этого направления торговых путей позднее подтвердится десятками кладов. Рудные богатства, очевидно, выкачивались и из областей вокруг Ванского озера — Аргана, Мадена, Сасунских и Рштунийских гор. Однако эта торговля, к сожалению, письменными источниками не документирована.

Во II тысячелетии до н. э. в Закавказье и прилегающих областях происходят распад этнокультурного единства и постепенное обособление местных локальных культур. В области социальных сдвигов этот период знаменуется дальнейшим ростом производительных сил и бурным развитием ремесла, что в свою очередь приводит к появлению веских признаков быстрого разложения родового строя. Ремесло окончательно отделяется от сельского хозяйства, знаменуя тем самым начало второго крупного разделения труда. Появляется избыток ремесленных продуктов, производство становится товарным. Особенно вырывается вперед основанная на местных рудах металлообработывающая отрасль, наводнившая внутренние и внешние рынки готовыми изделиями. Систематический обмен становится теперь насущной потребностью общества, частью его экономической структуры. Заинтересованной в обмене в первую очередь оказывается выдвинувшаяся к этому времени богатеющая родо-племенная знать. Именно в этой среде усиливается спрос на изысканные заморские вещи, которые мы постоянно находим в богатых погребениях.

Археологические свидетельства описываемого периода документируют широкие международные связи населения Южного Кавказа. Печати из Лчашена и Артика типа *mitannian elaborate style* указывают на торговлю с хурритскими племенами, которая, как полагает Б. Б. Пиотровский, шла по верхнему течению Евфрата, севернее оз. Ван²⁹. Ювелирные изделия и оружие из Триалети и Кировакана документируют экономические связи с хеттским миром и Средиземноморьем³⁰, а определенный тип мечей

²⁷⁻²⁸ Н. Б. Янковская. Международное торговое объединение Каниша. ВДИ, 1965, № 3; она же. Клинописные тексты из Кюль-тепе в собрании СССР. М., 1968.

²⁹ Б. Б. Пиотровский. Предисловие к кн.: М. М. Дьяконов. Урартские письма и документы. М.—Л., 1963, стр. 11.

³⁰ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, табл. CVI; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, рис. 28.

и кинжалов — с Северо-Западным Ираном³¹. В торговлю с Южным Кавказом оказывается втянутой и Ассирия, откуда в могильники Лчашена попадали различные ювелирные изделия³², а в Карабах — изящная глазурированная посуда³³. Через ту же Ассирию на Южный Кавказ шли предметы египетской и финикийской торговли³⁴.

Сложная и разветвленная сеть внутренних и внешних экономических связей требовала большого штата людей, занятых в этой сфере. О том, каким многодолжностным был штат в соседнем Канише, мы узнаем из архивных документов этого международного торгового объединения. Наиболее интересной фигурой при непосредственных торговых сделках представляется *tamkarum* — «оптовый продавец, продавец в кредит, вообще кредитор»³⁵. Имеются специальные термины для обозначения скупщика, фрахтовщика, агента и контролера торгового дома, брата — компаньона из того же дома, отца — главы торгового дома, счетовода — кассира торгового объединения, казначея торговой общины, членов недельного присутствия торгового общинного объединения, тройки судебной коллегии.

Разумеется, мы далеки от прямолинейного перенесения канишской модели на общество Кавказа II тысячелетия до н. э., однако она проливает определенный свет на сложную и дифференцированную систему взаимоотношений в торговом мире соседнего общества, которые археологическими показаниями ни при каких обстоятельствах реконструированы быть не могут. При установлении характера торговли последние представляются ничтожно малыми по сравнению с данными письменных источников.

Принято считать, что показателем существования торговли, идущей через специальных посредников, являются так называемые клады торговцев³⁶. Эти клады состоят, как правило, из серии однотипных, не бывших в употреблении вещей, слитков, металлолома. Самым ранним комплексом такого типа для Кавказа можно считать упомянутый выше ереванский клад. Началом II тысячелетия до н. э. датируется клад в Уреки³⁷. С середины II тысячелетия количество таких специализированных кладов резко увеличивается, что сигнализирует не только о расширении масштабов торговли в целом, но и об участии в ней армии людей, занимающихся исключительно распространением металлоизделий. Таких кладов в Закавказье насчитывается уже значительно больше сотни. Любопытно, что в составе отдельных «кладов торговцев» мы находим серии предметов, отлитых в одной и той же форме. Это говорит о некоторых организационных моментах, в частности о связи определенных торговцев с определенными мастерскими.

Картографирование кладов помогает установлению путей обмена. Подавляющее их большинство концентрируется в западной части Закавказья³⁸ и тяготеет к районам, связанным с Анатолией. Торговые пути

³¹ М. Н. Погребова. К вопросу о связях Восточного Закавказья и Ирана в конце II — начале I тысячелетия до н. э. «История Иранского государства и культуры». М., 1971, стр. 190.

³² Б. Б. Пиотровский. Указ. соч., стр. 11.

³³ К. Х. Кушнарера. Археологические разведки в 1953 г. в районе сел. Ходжалы. МИА, № 67, 1959, стр. 383, цветная таблица.

³⁴ Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. СА, 1958, № 1, стр. 21.

³⁵ Н. Б. Янковская. Частный кредит в торговле древней Западной Азии. В МКЭИ. М., 1970, стр. 3.

³⁶ С. Child. The bronze age. Cambridge, 1930, p. 43.

³⁷ О. М. Джапаридзе. Краткий отчет об археологических разведках в Грузии в 1948 г. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 98.

³⁸ Д. Л. Коридзе. К истории колхской культуры. Тбилиси, 1965, карта.

ведут и через перевалы на север, в Предкавказье, куда продолжает поступать металл из Кафанских, Кедабекских, Белоканских и Шамлугских месторождений³⁹. Наконец, закавказские клады находят на Украине и в Молдавии⁴⁰.

Масштабы и уровень торговли постепенно приводят к необходимости превращения того или иного вида товара во всеобщий эквивалент — так называемые первобытные деньги. Явление это зафиксировано десятками этнографических примеров, когда такими «деньгами» становятся самые различные вещи⁴¹. «Форма денег сростается или с наиболее важным из предметов, которые получают путем обмена извне и действительно представляют собой естественно выросшую форму проявления меновой стоимости местных продуктов, или же — с предметом потребления, который составляет главный элемент местного отчуждаемого имущества, как, например, скот»⁴².

В Закавказье в условиях резкого преобладания скотоводческого хозяйства, дающего наибольший прибавочный продукт, скот так же, как, скажем, в гомеровской Греции⁴³ или микенской цивилизации⁴⁴, логически должен был стать одним из всеобщих денежных эквивалентов. К сожалению, археологических доказательств этому нет. Другим эквивалентом в богатом металлом Кавказе становится медь или бронза, которые со второй половины II тысячелетия до н. э. имеют обращение, в частности, в форме массивных колец разного веса, указывающего на различную их меновую стоимость. Самое тяжелое из известных колец найдено в Грузии, в кладе Квишари⁴⁵. Вес его составляет 2,7 кг и иллюстрирует недавно высказанную в связи с этнографическими параллелями мысль относительно того, что миниатюризация и гиперболизация некоторых предметов подтверждает выполнение последними функций всеобщего эквивалента, первобытных денег⁴⁶.

Работа по установлению весовых категорий кавказских денежных эквивалентов и сравнению полученных результатов с весовыми категориями эквивалентов, обращавшихся в других странах, может привести к достаточно важным результатам. В свое время любопытные соотношения установил Ж. Морган: взвешивая кольца из погребений Лалвара, он пришел к заключению о кратности весовых данных этих колец по отношению к ассирийским сиклям⁴⁷. Быть может, не случайным также является точное совпадение веса (300 г) оловянного кольца из Мухана в Армении⁴⁸ и кольца, взятого в Канише в качестве дворцового сбора с жертвенной ссуды храма Ашшура⁴⁹.

Появление всеобщих денежных эквивалентов является одним из основных показателей существования товарного производства. Есть все основания предполагать, что в этот период, во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э. на Кавказе окончательно завершается процесс перерастания первобытного обмена в торговлю.

³⁹ Е. Н. Черных. Указ. соч., стр. 46.

⁴⁰ Т. А. Ивановская. Искусство бронзового пояса из сел. Подгорцы. Харьков, 1929.

⁴¹ А. Н. Quiggin. A Survey of Primitive Money. London, 1949.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 98—99.

⁴³ М. О. Косвен. К вопросу о военной демократии. ТИЭ, т. XIV. М., 1951, стр. 256.

⁴⁴ Г. Чайлд. Археологические документы по предыстории науки. ВИМК, 1957, № 2, стр. 69.

⁴⁵ Г. К. Ниорадзе. Археологические раскопки в сел. Квишари. ВГМГ, т. XV-V. Тбилиси, 1948, стр. 7, рис. 14.

⁴⁶ В. М. Массон. Развитие обмена и торговли в древних обществах (см. настоящий сборник).

⁴⁷ J. de Morgan. Mission scientifique au Caucase. Paris, 1889, p. 107.

⁴⁸ А. О. Мнацаканян, И. Р. Селимханов. Исследование некоторых оловянных предметов, найденных в Армении. ИФЖ, 1971, № 1, стр. 285.

⁴⁹ Н. Б. Янковская. Клинописные тексты... , стр. 51.

А. Я. ЩЕТЕНКО

ОБМЕН И ТОРГОВЛЯ
ДОИСТОРИЧЕСКОГО ИНДОСТАНА

Обмен и торговля — исторические категории, тесно связанные с уровнем развития общественного производства, общественным разделением труда, товарным производством. Возникновение и развитие обмена предполагают наличие двух условий: разнообразие окружающей среды первобытных коллективов и определенную плотность населения¹.

На древнейших этапах человеческой истории географическая среда и способ производства в течение длительных периодов оставались неизменными, тогда как численность населения и его плотность постепенно возрастали. Но величина населения и его плотность, как отметил К. Маркс, — величины относительные, непосредственно связанные с уровнем развития средств сообщения. «Страна, сравнительно слабо населенная, но с развитыми средствами сообщения, обладает более плотным населением, чем более населенная страна с неразвитыми средствами сообщения; в этом смысле северные штаты Американского союза населены плотнее, чем, например, Индия»². Следовательно, коммуникация и рост народонаселения являлись главными факторами, «материальными предпосылками», по Марксу, возникновения обмена.

Первоначально акты обмена были единичны и касались в основном случайных излишков, будь то продукты или изделия труда. Однако дальнейшая специализация первобытных коллективов на основе экологического разнообразия мест их обитания, рост народонаселения, освоение новых путей сообщения и особенно первое крупное общественное разделение труда на два различных вида производства (земледелие и скотоводство) привели к возникновению регулярного обмена. Формы обмена, при котором товар обменивается на товар (потребительская стоимость товара — на потребительскую), не претерпевают изменения вплоть до второго крупного общественного разделения труда — выделения ремесла. Развитие ремесел вызывает к жизни товарное производство — уже не для собственного потребления, а для обмена. Сфера обмена расширяется, возрастают число и многообразие товаров, вступающих в процесс обмена. Появляется необходимость в эквивалентном товаре, в котором могли бы отождествляться меновые стоимости различных товаров. Такой товар, становясь эквивалентом, приобретает всеобщую или общественную форму эквивалента, которая с развитием обмена сростается лишь с определенными видами товаров. Другая необходимость, диктующаяся возросшими потребностями товарного производства, — сбыт готовой продукции, который становится делом специального класса — торговцев,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 364.

² Там же, стр. 365.

купцов. Это третье общественное разделение труда, возникающее в эпоху ранних цивилизаций, наиболее важное: «Здесь впервые появляется класс, который, не принимая никакого участия в производстве, захватывает в общем и целом руководство производством и экономически подчиняет себе производителей, становится неустранимым посредником между каждым двумя производителями и эксплуатирует их обоих»³.

Следовательно, торговля как высшая ступень общественного обмена появляется впервые в раннеклассовых обществах, где преобладают частная собственность и обмен между отдельными лицами (в противовес общественной собственности и обмену), где класс торговцев является посредником между производителями и рынком, где роль эквивалентного товара постепенно срастается с такими товарами, как металлы или зерно.

Изучение обмена и торговли по археологическим данным вызывает определенные трудности. Особенно это относится к дописьменным периодам истории человечества, когда определение характера обмена и торговли возможно лишь с применением данных этнографии. Сами же по себе археологические материалы — предметы человеческого труда — могут дать весьма ограниченную информацию. Она касается в основном перемещений изделий в пространстве по отношению к месту их изготовления и источникам сырья. Поэтому картографирование археологических находок, специальные анализы материалов, из которых они изготовлены (и сравнение их с источниками сырья), при учете возможных путей сообщения позволяют представить этапы древнейшего обмена. Как правило, археологически удается выявить обмен сырьем (добычу сырья) либо готовыми изделиями. Данные геологии, палеозоологии, палеоботаники с применением современных научных методов позволяют воссоздать географическую среду минувших эпох, а антропологические коллекции и пункты археологических поселений дают приблизительное представление о расселении по ойкумене первобытных коллективов, их образе жизни, влиянии на окружающую среду, контактах с соседями.

Древнейшее население Индостана было малочисленным и не оставило следов каких-либо межплеменных или иных контактов. Для эпохи палеолита сейчас известно 14 местонахождений, разбросанных на огромной территории⁴, связанных главным образом с источниками сырья. Так, жители поселений, открытых в Деканской траповой зоне, использовали для изготовления своих орудий халцедон, агат, яшму; на северо-западе Индостана употребляли кремль и кремнистый сланец; обитатели юга Декана — кварцит и кремнистый сланец⁵. Некоторое увеличение плотности населения наблюдается в мезолитическую эпоху, когда стоянки с микролитами оказываются на морском побережье, по берегам рек и на песчаных холмах вдали от воды. На юге Декана, в округе Тинневели, на морских дюнах собраны микролиты, среди которых есть несколько обработанных с двух сторон ретушью наконечников стрел, не характерных для каменного века Индии, но найденных на Цейлоне⁶. Это первое археологическое свидетельство контактов аборигенов Индостана, осуществленных, возможно, путем обмена.

В следующую эпоху, когда на смену присваивающей экономике палеолитических и мезолитических обитателей Индостана приходят производящие формы хозяйства, существенно увеличивается население полу-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 165—166.

⁴ П. И. Борисковский. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971, стр. 25, рис. 2.

⁵ H. D. Sankalia. Middle Stone Age Culture in India and Pakistan. «Science», v. 146, N 3642, 1964, p. 365—375, fig. 1.

⁶ П. И. Борисковский. Указ. соч., стр. 108.

острова⁷ и четко выделяются два основных региона: северо-западный, где направление контактов, вероятно в форме обмена, указывает на Западную и Среднюю Азию⁸, и п-ов Декан. В последнем четко прослеживаются районы полной изоляции (горные цепи, джунгли Ориссы и Ассама) и территории, на которых пролегли древнейшие пути, идущие от основных источников каменных разработок к поселениям Северной Мальвы и Южного Декана. На неолитических поселениях Майсура, где в предшествующий период основным сырьем для изготовления орудий были речные гальки, теперь предпочтение отдается орудиям из кремня, добывавшегося в каменоломнях на берегу р. Бхимы, отстоящих от многих поселений на 70—80 км⁹. В то же время для изготовления отбойников начинают использовать только один вид минерала — зеленоватую скальную породу пестаид. Изделия из этого материала зафиксированы по крайней мере в 12 пунктах, что предполагает наличие единого центра по их изготовлению в районе выходов этого сырья. В свое время М. Уилер, проведя учет находкам полированных каменных топоров на п-ове Декан, выдвинул идею о существовании единой «культуры каменного топора»¹⁰. Сейчас стало ясно, что распространение подобного рода топоров было связано, вероятно, с первобытным обменом, в результате чего либо готовые изделия, либо сырье доставлялись из района Карпатака. На это указывает серия петрологических анализов гранитных топоров из Сонегана (Махараштра), подтвердивших их идентичность горным породам Карнатака¹¹.

В середине III тысячелетия до н. э. на территории Северо-Западной Индии существуют памятники хараппской культуры. Они представлены двумя типами: крупными городскими центрами и сельскими поселениями. Характерной чертой городов является активная коммерческая деятельность, охватившая не только соседние территории, но и расположенные в сотнях километров от долины Инда.

В месопотамских городах найдено около 30 печатей индийского происхождения, а также точные их копии. Как полагают, эти печати использовались в качестве пломб, которыми опечатывались такие товары, как хлопчатобумажная ткань, хлопок, зерно, лес, пряности. Изделия из слоновой кости (вставки для инкрустации, гребни), каменные сосуды¹² составляли другую статью хараппского экспорта. Часть этих товаров, возможно через посредничество иранских племен, достигала Южной Туркмении¹³.

В импорте хараппской цивилизации большое значение имело сырье. Изучение древних рудных разработок позволяет уточнить основные источники, обеспечивавшие хараппских ремесленников дефицитным сырьем. Медь, олово, золото, серебро, возможно, шли из Афганистана (рудные разработки меди открыты между Кабулом и Курратом, золота — около Кандагара) и Ирана. Однако в последние годы открыты места древних разработок различных металлов и на территории Индостана: медь — в Белуджистане (Рабат и Шах Беллаул) и в Раджастане (карьеры

⁷ H. D. Sankalia. Prehistory and Protohistory in India and Pakistan. Bombay, 1963, fig. 111.

⁸ В. М. Массон. Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией. ВДИ, 1957, № 1, стр. 34—47.

⁹ B. Subbarao. Stone Age Cultures of Bellary. DCDC, N 7. Poona.

¹⁰ R. E. (M.) Wheeler. Brahmagiri and Chandravalli 1947: «Megalithic and Other Cultures in the Chitabdrug District, Mysore State». AI, N 4, 1958, fig. 51.

¹¹ B. and R. Allchin. The Birth of Indian Civilization. «India and Pakistan before 500 B. C.» Baltimore, 1968, p. 268.

¹² F. A. Durrani. Stone Vases as Evidence of Connection between Mesopotamia and the Indus Valley. AP, 1964, v. 1, p. 51—96.

¹³ А. Я. Щегенко. Раскопки на Алтын-депе в Южной Туркмении. КСИА, вып. 114, 1968, стр. 39—45, рис. 14.

в Девбари, Делваре и Кхотри, в радиусе 32 км вокруг Ахара)¹⁴, золото — на юге Декана, олово — в районе Хазарибадх (Бенгалия).

Не меньшее значение имел и ввоз полудрагоценных камней, которые шли на изготовление всевозможных украшений. Лазурит доставлялся из Бадахшана (Северо-Восточный Афганистан), бирюза, вероятно, из Хорасана (Северо-Восточный Иран), нефрит шел либо с Памира и Восточного Туркестана, либо из Тибета, либо из Северной Бирмы; зеленый полевой шпат (амазонит) — из Гуджерата или с холмов Нильгири (Южный Декан).

Наконец, строительные материалы (мрамор) поступали, вероятно, из Раджастана, а кедр — с Гималайских гор.

При таких огромных расстояниях особое значение приобретали средства сообщения, транспорт. Osteологические материалы с поселений хараппской культуры, изображения на печатях, модели запряженных повозок свидетельствуют о том, что на суше основным тягловым животным был бык-зебу и, возможно, верблюд, которые впрягались либо в двухколесные, либо в четырехколесные повозки. Вероятно, существовало несколько сухопутных торговых путей, связывающих хараппскую цивилизацию с городами Шумера¹⁵: один из них — через Южный Белуджистан — наиболее документирован археологическими материалами¹⁶.

В настоящее время общепризнанным считается и наличие морского торгового пути между двумя великими цивилизациями.

В устье Камбейского залива было раскопано хараппское поселение Лотхал, в котором открыты специальный док и складские помещения около него¹⁷. На Макранском побережье обследованы промежуточные пункты, хараппские поселения — Сотка Коп и Суткаген дор, вероятно, также бывшие в древности морскими портами¹⁸. Наконец, в Персидском заливе, на островах Бахрей и Файлака обнаружены специфические круглые печати, известные в Шумере и Лотхале, что заставляет предполагать существование посредника в морской торговле между городами долины Инда и Шумером¹⁹.

В связи с вышеизложенным особый интерес представляет интерпретация различными исследователями некоторых сведений из шумерских и аккадских документов, касающихся территории, именуемой Дильмун или Тельмун²⁰. Эта земля описывается как райский уголок, богатый и процветающий, как место, где восходит солнце (из чего исследователи делают вывод, что этот пункт находился к востоку от Шумера). Кроме того, из Дильмуна доставлялись всевозможные материальные ценности. Так, упоминается о доставке морским путем леса в Лагаш около 2450 г. н. э., а спустя столетие Саргон сообщает о том, что корабли из Дильмуна, Магана и Мелухха пришвартовались в его новой столице Акаде (Вави-

¹⁴ А. Я. Щетенко. Древнейшие земледельческие культуры Декана. Л., 1968, стр. 62.

¹⁵ А. Я. Щетенко. О торговых путях эпохи бронзы по материалам туркменистанохараппских параллелей. КСИА, вып. 122, 1970, стр. 59—63.

¹⁶ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964, стр. 192.

¹⁷ S. R. Rao. Excavations at Rangpur and Other Explorations in Guajarat. AI, N 18—19, 1963, p. 5—207.

¹⁸ G. F. Dales. Harappan Outposts on the Makran Coast. «Antiquity», v. 36, N 142, 1962, p. 86—92.

¹⁹ P. V. Glob, T. C. Bibby. A Forgotten Civilization of the Persian Gulf. «Scientific American», v. 203, N 4. New York, 1960, p. 62—71; S. R. Rao. A Persian Gulf Seal from Lothal. «Antiquity», v. 37, 1963, p. 96—99.

²⁰ A. L. Oppenheim. The Seafaring Merchants of Ur. JAOS, v. 74, 1954, p. 6—17; S. N. Kramer. Dilmun: Quest for Paradise. «Antiquity», v. 37, 1963, p. 111—115; он же. The Indus Civilization and Dilmun, the Sumerian Paradise Land. «Expedition», v. 6, N 3, 1964, p. 44—52; M. E. L. Mallowan. The Mechanics of Ancient Trade in Western Asia. Iran, v. III. London, 1965, p. 1—7.

лоне?). Другие документы свидетельствуют о том, что в 2000 г. до н. э. мореплаватели доставили в Ур лес, золото, серебро, много меди, куски лазурита, каменные бусы, гребни, украшения и вставки для инкрустации из слоновой кости и, вероятно, жемчуг.

Идентификация упомянутых в документах стран пока еще не решена окончательно. А. Л. Оппенгейм помещает Мелухху в нижнем течении Инда, С. Н. Крамер предполагает здесь Дильмун, тогда как М. Е. Л. Мелован переносит Тильмун на Бахрейнские острова. Как бы то ни было, но упоминаемые в документах товары (слоновая кость, кедр, хлопок — традиционные товары индийского экспорта) подтверждают вероятность существования морской торговли между указанными регионами. Эта торговля могла осуществляться при наличии морского флота. По крайней мере изображение судна есть на одной из печатей Мохенджо-Даро²¹, на расписном черепке из Лотхала. В Лотхале же найдена глиняная модель парусной лодки и каменные грузила-якоря²².

Морским путем, вероятно, доставлялось сырье и из близлежащих областей. Так, хараппские поселения Телод и Брахитрав обнаружены в эстуариях Нарбады и Танта на п-ове Декан²³. Здесь контакты осуществлялись с энеолитическими обитателями северного Декана²⁴, а через них, вероятно, и с Южным Майсуром, откуда в хараппские города доставлялось золото. С п-ова Декана в хараппские центры могли поступать зерно, лес, хлопок, полудрагоценные камни, золото. В обратном направлении шли изделия хараппских ремесленников²⁵: орудия труда (топоры, тесла, рыболовные крючки) и особенно — различные украшения. Бронзовые и медные булавки, кольца, браслеты, бусы из стеатита — вот те товары, которые доставлялись в поселения Центральной Индии и на юг Декана. В Невасе хараппские стеатитовые бусы составляли 93% всех найденных бус, а в Теккалакоте (неолитическое поселение Беллари) вместе с хараппскими стеатитовыми дисковыми бусами обнаружен золотой браслет, аналогичный браслету из хараппского поселения в Роджи на Катхиаварском полуострове. В Лотхале была открыта мастерская по изготовлению бус. Специальный горн, бронзовые сверла и огромное количество каменных бус в различных стадиях обработки говорят о массовом производстве украшений на экспорт, и одним из рынков сбыта этой продукции был п-ов Декан.

Итак, коммерческая деятельность хараппской цивилизации охватывала две группы партнеров: городские центры Шумера и неолитические и энеолитические поселения Декана. Можно предположить, что взаимоотношения между этими двумя группами партнеров и хараппской цивилизацией были неодинаковы. Археологически выявляется такая картина: печати найдены в городских центрах (Хараппе, Мохенджо-Даро, Чанху-Даро, Калибангане, Амри, Лотхале), в промежуточных пунктах торговли и в городах Месопотамии. Ни одной из печатей не обнаружено на сельских поселениях хараппской культуры и на других поселениях соседних с ней культур Индостана. Это позволяет предполагать, что печати были атрибутами нового класса торговцев, живших в городах. Здесь также найдены меры весов и гири различного достоинства. Поэтому можно допустить, что между городами долин Инда и городами Двуречья суще-

²¹ E. Mackay. Further Excavations at Mohenjo-Daro. New Delhi, 1938, pl. LXXXIX, A.

²² S. R. Rao. Shipping and Maritime Trade of the Indus People. «Expedition», 1965, v. 7, N 3, p. 30—37.

²³ Фрагменты хараппской керамики найдены в районе Бомбея, откуда также идут сухопутные тропы к золотоносным рудникам Южного Декана.

²⁴ А. Я. Щетенко. К проблеме происхождения энеолита Центральной Индии. «Индия в древности». М., 1964, стр. 31—48.

²⁵ А. Я. Щетенко. Древнейшие земледельческие культуры Декана, стр. 62, рис. 20.

ствовала развитая форма торговли, при которой роль эквивалентного товара могло играть зерно либо металлы — золото, медь, серебро. Слитки металлов разных форм были найдены в Мохенджо-Даро и Лотхале. С окружающей же сельской периферией и соседними племенами Декана хараппские торговцы могли вести непосредственный обмен — товар на товар.

Сказать что-либо определенное о характере хараппской торговли и обмене в настоящее время представляется затруднительным, так как письменность индской цивилизации еще не дешифрована. Можно лишь предполагать, основываясь на данных письменных источников, характеризующих одновременные хараппской цивилизации раннеклассовые образования Месопотамии и Малой Азии²⁶, что торговля играла ведущую роль в экономическом укладе городов долины Инда.

²⁶ И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959; Н. Б. Янковская. Международное торговое объединение Каниша. ВДИ, 1965, № 3; она же. Клинописные тексты из Кюль-тепе в собрании СССР. М., 1968.

А. Н. ЩЕГЛОВ

О ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО
В IV—III ВВ. ДО Н. Э.

Большое значение торговли в экономике античных государственных образований Причерноморья (как и всего античного мира) общеизвестно. Этот тезис, базируясь на достаточно прочной теоретической и фактологической основе, не нуждается ни в доказательстве, ни в опровержении. Вместе с тем далеко не ясным остается вопрос об удельном весе торговли в общем экономическом балансе того или иного центра в разные исторические периоды. Разработка этой проблемы связана с решением одной из коренных задач палеоэкономического моделирования — установления общего объема производства или во всяком случае его главнейших направлений. Однако исследование обеих проблем представляет большие трудности, что проистекает из ряда объективных (наличие, характер и состояние источников) и субъективных причин. К последним относятся методологический и методический уровни подхода к изучаемому материалу, определение репрезентативности источниковедческой базы, выбор и совершенствование методик исследования.

В настоящее время основным объектом изучения является внешняя торговля причерноморских центров с другими античными городами (или областями), а также варварским миром. Основные задачи, которые здесь ставятся, заключаются в выявлении главных и второстепенных направлений торговли и их изменений во времени; установлении относительного постоянства или спорадичности торговых контактов; определении категорий импортируемых товаров; установлении относительной интенсивности импорта. Новыми и, безусловно, перспективными являются опыты получения более достоверных вероятностных критериев для оценки относительного объема и интенсивности внешней торговли по массовому археологическому материалу (в первую очередь клейменной амфорной таре), поддающемуся статистической обработке¹.

Проблемы внутренней торговли античных государств Причерноморья по данным археологии исследователями практически специально не изучались и не ставились. В последние годы этой теме была посвящена только одна статья, касающаяся торговли на поселениях Европейского Боспора². Сказанное целиком относится и к Херсонесу³.

¹ И. Б. Брашинский. Характер греко-варварской торговли античного Причерноморья и некоторые вопросы методики ее исследования. «Обмен и торговля в древних обществах». Л., 1972, стр. 25 и сл. См. также его статью в настоящем сборнике.

² И. Т. Кругликова. Торговля в сельских поселениях Боспора. КСИА, вып. 130, 1972.

³ Изучению проблем только внешней торговли эллинистического Херсонеса посвящена работа В. И. Каца «Роль внешней торговли в экономике античного Херсонеса (IV—II вв. до н. э.)» (Автореф. канд. дисс. М., 1967). В книге В. И. Кадева «Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э.» (Харьков, 1970) торговле отведена целая глава, содержащая два раздела: о торговых связях

Настоящая статья является попыткой рассмотреть (в порядке постановки вопроса) некоторые аспекты внутренней торговли в Херсонесском государстве времени его максимального экономического подъема — во второй половине — конце IV—III в. до н. э. и ее связей с производством важнейших продуктов земледелия: хлеба и вина.

Берясь за изучение внутрисосударственной торговли (в данном случае между городами и сельскими поселениями, входившими в состав Херсонеса), мы прежде всего сталкиваемся с необходимостью решения двух задач. Первая из них — определение ареала внутреннего рынка — относительно более проста, так как совпадает по целям и методически взаимосвязана с выявлением территориальных владений Херсонеса для того или иного хронологического периода; в этом направлении в недавнее время были проведены значительные полевые работы, которые теперь позволяют составить примерное представление о размерах территории Херсонесского государства до начала войн со скифами⁴.

Вторая задача сложнее и пока в ряде случаев, по-видимому, неразрешима. Речь идет об участии импортных изделий во внутренней торговле. Совершенно очевидно, что на мелкие поселения херсонесской хоры привозные товары в основной массе поступали при посредстве рынков самого Херсонеса или подвластных ему городов, так как вряд ли небольшие сельские поселения были непосредственно связаны с заморской торговлей. Поэтому находки предметов импорта на них могут, по-видимому, рассматриваться с полным основанием как опосредствованный компонент внутренней торговли между городом и хорой.

Иное дело — подчиненные Херсонесу города Керкинитида и Калос Лимен. Неизвестно, насколько они были автономны во внешней торговле; во всяком случае археологические материалы из их раскопок сейчас не могут ответить на этот вопрос. Быть может, в дальнейшем при полной статистической обработке всего массового синхронного археологического материала (имеется в виду импорт) выявятся статистические неоднородности в общей картине импорта, которые позволят выделить факты непосредственных внешнеторговых контактов между указанными городами и другими греческими центрами. В настоящее же время есть только два косвенных свидетельства, позволяющих с некоторым основанием предполагать возможность существования прямых внешних торговых операций, совершавшихся в подчиненных Херсонесу городах. Первое из них — находка на дне моря группы гераклеийских амфор IV в. до н. э., части груза корабля, затонувшего у берегов Северо-Западного Крыма⁵. Однако сам по себе факт еще не говорит ни о том, что этот корабль держал путь в один из портов Северо-Западного Крыма (Керкинитиду или Калос Лимен), ни о том, что он шел непосредственно из Гераклеи Понтийской⁶, хотя оба предположения и

Херсонеса с другими античными центрами и о торговле с крымскими варварами. Вопросы внутренней торговли Херсонеса здесь не поднимались совсем. Существует еще работа С. А. Семенова-Зусера «Рыбный рынок в Херсонесе» (ВДИ, 1947, № 2), которая публикует надпись II в. до н. э. о сооружении в городе специального рынка для продажи рыбных соусов (см.: он же. Рыбное хозяйство и рынки на юге России в древности. Харьков, 1947).

⁴ А. Н. Щеглов. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху. АИКСР. Л., 1968, стр. 335 и сл.

⁵ В. Д. Блаватский, Б. Г. Петерс. Кораблекрушение конца IV—начала III в. до н. э. около Донузлава. СА. 1969, № 3 (см. также статьи этих авторов в АО 1965 г. и КСИА, вып. 109, 1967).

⁶ Корабль мог идти транзитом в Ольвию, даже не заходя в Керкинитиду, так как для античного торгового парусника расстояние от Херсонеса до Калос Лимена равнялось одному дневному переходу. От последнего до Ольвии — тоже один переход. Корабль затонул не у берегов Керкинитиды, а на пути между нею и Калос Лименом. Поэтому предположение О. Д. Дашевской («О происхождении названия города Керкинитиды». ВДИ, 1970, № 2, стр. 127, прим. 49) о том, что эта находка может

не могут быть окончательно исключены. Второе свидетельство — запрет свозить хлеб в иные пункты, кроме Херсонеса (IosPE, I², 401), показывает на возможность экспорта хлеба из других портов Херсонесского государства⁷, а следовательно, и на возможность налаживания прямых внешне-торговых контактов, минуя Херсонес. Впрочем, на этом пункте Херсонесской присяги мы подробнее остановимся ниже.

Необходимо сделать еще одно замечание. В современной литературе торговые связи между Херсонесом и подчиненными ему городами Северо-Западного Крыма (а иногда и с небольшими поселениями) обычно трактуются как внешнеторговые⁸. Это может быть справедливо только для торговли Херсонеса с ранней Керкинитидой, до ее включения в состав Херсонесского государства. В рассматриваемое в этой статье время все прибрежные города и поселения Северо-Западного Крыма и в политическом, и в экономическом отношении были полностью подчинены Херсонесу, а следовательно, и ввоз херсонесской продукции в эти города и сельские поселения неправомерно расценивать как экспорт (не считается же, например, торговля Пантикапея с другими боспорскими городами внешней).

Остановимся на некоторых вопросах внутренней торговли.

1. Торговля местными и импортными товарами. Торговые связи между городами и сельскими населенными пунктами херсонесской хоры лучше всего прослеживаются по массовым керамическим материалам, легко поддающимся статистической обработке. По данным С. Ф. Стржелецкого, общий объем всех видов керамических изделий херсонесского производства, поступавших на усадьбы ближайшей земледельческой округи Херсонеса, составлял 71% на усадьбе клера № 25 и 79% на ранней усадьбе клера № 26⁹. Материалы Тарханкутской экспедиции показывают, что завоз продукции керамических мастерских Херсонеса в Северо-Западный Крым в общем объеме составлял (в %): на поселения Береговое — 70, Аирчи — 80, Кульчукское — 82, Караджинское — 85, Тарпанчи — 86. Таким образом, в торговле между городом и сельскими поселениями хоры львиная доля (70—85%) приходилась на херсонесскую продукцию; торговля импортными изделиями занимала подчиненное положение (15—30%).

В торговле Херсонеса с подвластными ему городами изделия херсонесских ремесленников также составляли значительную часть привоза¹⁰. Однако по городам нет данных, позволяющих оценить общий объем торговли. Поэтому здесь приходится оперировать только материалами керамической эпиграфики.

По М. А. Наливкиной, «среди керамических клейм из раскопок Керкинитиды и Калос Лимена преобладают херсонесские»¹¹. Однако сопоставление синхронных групп клейменной керамической тары разных центров показывает, что херсонесская продукция в амфорах составляла только

служить «более определенным и ярким свидетельством непосредственных торговых связей Керкинитиды с Гераклеей Понтийской» в рассматриваемое время не представляется убедительным.

⁷ С. А. Жебелев. Херсонесская присяга. СПб. М.—Л., 1953, стр. 233.

⁸ Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 65; М. А. Наливкина. Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма. ПИСП. М., 1959, стр. 187—189, 192, 193 и сл.; О. Д. Дашевская. Эллинистическая расписная керамика из Северо-Западного Крыма. СА, 1967, № 1, стр. 168 (автор говорит об «экспорте» художественной керамики из Херсонеса в Северо-Западный Крым). Исключение составляет статья С. Ф. Стржелецкого «Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху» (ПИСП, стр. 77), но он объединяет внутреннюю торговлю с греко-варварской, что тоже неверно.

⁹ С. Ф. Стржелецкий. Клery Херсонеса Таврического. ХС, вып. VI. Симферополь, 1961, стр. 101, 107.

¹⁰ М. А. Наливкина. Указ. соч., стр. 189.

¹¹ Там же.

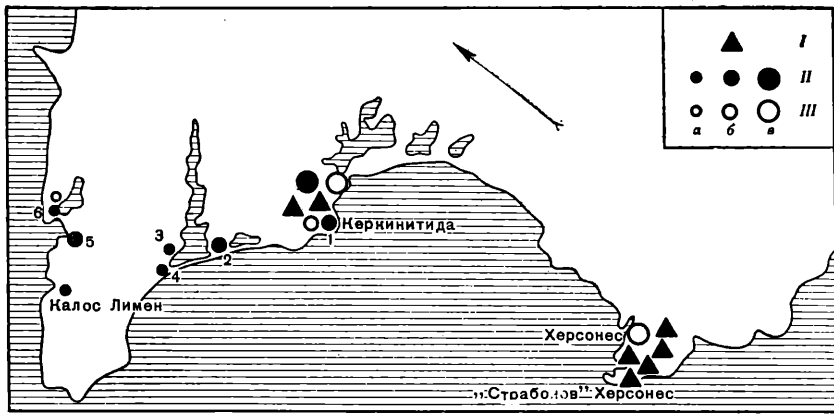

Рис. 1. Распространение монет Херсонеса и Керкинитида на территории Херсонесского государства

I — клады херсонесских монет; II — отдельные находки херсонесских монет; III — отдельные находки монет Керкинитида (отдельные находки: а — меньше 5 кв. м.; б — от 5 до 10 кв. м.; в — больше 10 кв. м.); 1 — «Чайка»; 2 — Южнодоуэлавское; 3 — Западнодоуэлавское; 4 — Беляус; 5 — Панское I; 6 — Междовое (Ярылгач)

около 35% всего ввоза в Керкинитиду для конца IV—III в. до н. э. (для сравнения: на усадьбе 6 сельского поселения Панское I херсонесские амфорные клейма составляют 89%). Здесь, очевидно, надо учитывать также отмечавшуюся выше возможность непосредственных внешнеторговых контактов Керкинитида. А кроме того, общий процент привозных товаров в городах должен был быть значительно выше, чем на сельских поселениях.

Так или иначе, но мы, по-видимому, вправе говорить о том, что внутренняя торговля в Херсонесском государстве базировалась в основном на товарах местного производства. При этом керамическое производство Херсонеса практически полностью обеспечивало нужды внутреннего рынка в масштабе всего государства почти всеми видами продукции. Исключение составляют кровельная черепица и пифосы, которые в основном привозились из Синопы, а также группы чернолаковой и художественной керамики.

2. Денежный рынок. Нумизматические материалы показывают, что основным платежным средством на всей территории Херсонесского государства была херсонесская медная и серебряная монеты, а следовательно, внутренний денежный рынок целиком зависел от эмиссий монетного двора Херсонеса¹². Распределение монетных кладов и отдельных находок монет в Западном Крыму показано на рис. 1. Четыре крупных клада медных и серебряных монет Херсонеса IV—II вв. до н. э. происходят из ближайшей земледельческой округи города на Гераклеийском полуострове¹³; один клад медных монет, зарытый в последней трети IV в. до н. э., обнаружен на земледельческой территории «Страбонова» Херсонеса (Маячный полуостров)¹⁴, два клада херсонесских медных монет IV—III вв. до

¹² К. В. Голенко, А. Н. Щеглов. Три позднеэллинистические тетрадрахмы из Северо-Западного Крыма. ВДИ, 1971, № 1, стр. 44.

¹³ А. К. Тахтай. Два клада херсонесских античных монет 1944 года (предварительное сообщение). ХС, вып. IV, 1948; А. М. Гилевич. Клад херсонесских монет IV—II вв. до н. э. АО 1968 года. М., 1969; она же. Новый клад монет из окрестностей Херсонеса. СА, XXVIII, 1958.

¹⁴ А. М. Гилевич. Клад монет из округи Страбонова Херсонеса. СА, 1960, № 4.

н. э. найдены в ближайших окрестностях Керкинитиды¹⁵, а на территории самого города находки херсонесских монет преобладают над находками монет Керкинитиды¹⁶. На других сельских поселениях Северо-Западного Крыма встречаются почти исключительно херсонесские монеты¹⁷. Только на городище «Чайка», расположенном неподалеку от Керкинитиды, монет этой последней найдено больше, чем херсонесских¹⁸.

Сказанное позволяет заключить, что эпизодические выпуски керкинитидских монет в IV и около середины III в. до н. э.¹⁹ не только не участвовали в широком масштабе в денежном обращении на всей территории Херсонесского государства, но и не покрывали даже нужд самого города и его ближайшей аграрной зоны. Скорее всего, эпизодическая чеканка монет Керкинитидой преследовала не экономические, а политические цели, аналогично тому как это происходило, например, в Феодосии²⁰.

3. Регламентация торговли основными продуктами производства. 11-й пункт упоминавшейся выше Херсонесской присяги гласит: οὐδὲ σίτον ἀπὸ τοῦ πεδίου ἀ[πα]γώγιμον ἀποδωσῶμαι οὐδὲ ἐξ [α]ἰῶ ἄλλαι ἀπὸ τοῦ πεδίου, ἀλλ' [ἤεις] Χερσόνασον (и хлеб, свозимый с равнины, я не буду ни продавать, ни вывозить с равнины в какое-либо иное место, но только в Херсонес). С. А. Жебелев видел в этом пункте стремление государства монополизировать в своих руках прежде всего экспортную торговлю хлебом, поступавшим как из херсонесских владений, так и скупавшимся у скифов Северо-Западного Крыма, а также «упорядочить его хлебное дело»²¹. А. И. Тюменев, возражая С. А. Жебелеву, полагал, что здесь речь идет только об обеспечении Херсонеса хлебом, в котором он постоянно испытывал острый недостаток²².

Работы С. А. Жебелева и А. И. Тюменева написаны до начала широких полевых исследований на территории херсонесской хоры, когда ни размеры, ни характер ее устройства не были известны. В свете последних исследований можно утверждать, что основной хлебной житницей Херсонеса была обширная равнинная территория (πεδίου) в прибрежной части Северо-Западного Крыма, полностью колонизованная Херсонесом, а не отдельные небольшие участки вокруг херсонесских городов и укреплений, вклинившиеся в сельскохозяйственные земли скифов, как это представлялось двум названным авторам²³. Археологические материалы позволяют предполагать, что выращиваемого здесь хлеба вполне хватало не только на покрытие собственных потребностей внутри Херсонесского государства, но он мог поступать и на экспорт. И в этом смысле трактовка параграфа Херсонесской присяги о возможной внешней торговле хлебом

¹⁵ М. А. Наливкина. Раскопки в Евпатории. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 130; А. М. Гилевич. Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет IV—III вв. до н. э. НЭ, т. VIII, 1970.

¹⁶ М. А. Наливкина. Торговые связи... стр. 193.

¹⁷ Т. Н. Высотская. Древнегреческое поселение в пос. Межводное. АО 1968 года, стр. 296; О. Д. Дашевская. Раскопки Южного Донузлавского городища в 1960 году. КСОГУ и ОГАМ. Одесса, 1961, стр. 57; она же. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961—1962 годах. КСОГАМ. Одесса, 1963, стр. 51; она же. Работы Донузлавской экспедиции. АО 1967 года. М., 1968, стр. 215; она же. Античная башня на городище Беляус. КСИА, вып. 116, 1969, стр. 91. Кроме того, херсонесские монеты конца IV в. до н. э. найдены в окрестностях Калос Лимена и на поселении Панское I.

¹⁸ Лубезное сообщение Е. И. Леви, которой я очень благодарен.

¹⁹ О датировке монет второго выпуска см.: А. М. Гилевич. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса. НиС, т. 3. Киев, 1968, стр. 10.

²⁰ Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до нашей эры. М., 1956, стр. 173.

²¹ С. А. Жебелев. Указ. соч., стр. 232 и сл.

²² А. И. Тюменев. Херсонесские этюды. VI. Херсонес и Керкинитиды. ВДИ, 1955, № 3, стр. 46, прим. 2.

²³ Я оставляю в стороне вопрос о взаимоотношениях Херсонеса с туземным населением хоры, как не связанный непосредственно с данной темой.

у С. А. Жбелева представляется более убедительной, чем выводы А. И. Тюменева.

Вместе с тем нельзя не увидеть в этом параграфе важнейшего законодательного акта, в котором государство регламентирует прежде всего внутреннюю торговлю хлебом. Очевидно, в Херсонесе существовал единый хлебный рынок, где только и можно было продавать хлеб под государственным контролем независимо от того, поступал ли он на внутренний рынок или шел на экспорт. Можно предполагать, что внутренний хлебный рынок в Херсонесском государстве, как и денежный, был целиком подчинен непосредственно Херсонесу.

Не исключено, что такое же положение существовало и в торговле вторым основным продуктом сельскохозяйственного производства — вином. На это, может быть, косвенно указывает массовое клеймение херсонесских амфор, начавшееся вскоре после создания обширной высокоспециализированной виноградарской базы в окрестностях Херсонеса, «Страбонова» Херсонеса, Калос Лимена и в других местах прибрежной зоны Северо-Западного Крыма. Во всяком случае, прямая зависимость массового производства амфорной тары в Херсонесе от производства вина несомненна²⁴, как несомненен и государственный контроль за выпуском тары, осуществлявшийся астиномами.

4. Оптовая и розничная торговля. Материалы раскопок сельскохозяйственных усадеб на территории херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму позволяют предполагать, что во внутренней торговле основными продуктами производства оптовая торговля имела большой, если не преобладающий, удельный вес в общем торговом балансе. Так, например, при раскопках крупной усадьбы 6 на сельском поселении Панское I в 1969—1971 гг. были открыты два крупных склада амфор. В первом из них (помещение 3) из 37 амфор 30 херсонесских, в том числе 15 клейменных. Во втором (помещение 13) — из 19 амфор 14 херсонесских. Таким образом, херсонесские амфоры из двух складских помещений одной усадьбы составляют 79,6% общего количества находившейся здесь тары. Из 39 херсонесских амфорных клейм 28 содержат имена двух астиномов (Диоскурида — 11 экз., Аполлония — 9 экз.) и монограмму (X — 8 экз.). Иными словами, 72% всей клейменной херсонесской тары (или товара в ней) было приобретено тремя крупными партиями, 18% — небольшими партиями (по два-три клейма каждого астинома) и только 10% составляют находки одиночных клейм.

Крупными партиями покупались также керамические строительные материалы. Примером может служить практически полностью сохранившаяся синопская черепица крыши на усадьбе у бухты Ветреной, в окрестностях Калос Лимена²⁵.

В розничную торговлю, очевидно, поступала массовая столовая простая и расписная херсонесская керамика, а также чернолаковая и художественная посуда, терракота, некоторые изделия из камня, изделия из металла. Возможно, в розничную продажу могли поступать импортное вино и масло. Не исключено, что на последнее указывает находка на поселении Панское I в одном из помещений усадьбы 6 херсонесской амфоры с клеймом астинома Батилла. На плечиках этой амфоры процарапано граффито E и цифровые обозначения, скорее всего указывающие стоимость товара. Если верно предположение, что знак E обозначал *ελαιον*, то в амфоре содержалось 100 котил масла по цене 42 драхмы за один метрет. На амфоре же проставлена цена за 1 амфору — 29 драхм и 2 обола — вероятно, стоимость масла, перелитого при розничной продаже в херсонес-

²⁴ С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического, стр. 153.

²⁵ А. Н. Щеглов. Исследование сельской округи Калос Лимена. СА, 1967, № 3, стр. 255.

скую тару (вряд ли стоило бы ставить цену, допустим, на синопской амфоре с маслом: ее стандартный объем должен был быть известен покупателю; Херсонес же своего масла не производил, а стандартный объем его амфор был иным).

В настоящей статье мы кратко и, как уже говорилось, только в порядке постановки проблемы коснулись нескольких вопросов внутренней торговли в Херсонесском государстве. Детальное рассмотрение этой проблемы должно составить предмет специального исследования. Более или менее успешное ее решение возможно только при условии полной статистической обработки наличного массового материала с применением математических методов исследования и широких метрологических изысканий. Только тогда можно будет попытаться реконструировать общий объем внутренней торговли Херсонеса и ее удельный вес в экономике этого государства.

И. Г. ШУРГАЯ

ВОПРОСЫ БОСПОРО-ЕГИПЕТСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ
В ХЛЕБНОЙ ТОРГОВЛЕ
ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ
РАННЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Проблема хлебной торговли в Восточном Средиземноморье в период после установления в Египте власти Птолемеев неоднократно была предметом обсуждения в отечественной науке и в первую очередь в связи с исследованием экономической жизни Боспорского царства в III в. до н. э. Интерес к названной теме возник вслед за публикацией открытых в Египте документов из архива Зенона, управляющего имением диойкета Аполлония, сановника Птолемея Филадельфа¹. В документах упомянуты послы боспорского царя Перисада II при александрийском дворе. Сразу же возникла серия вопросов. Какие цели могли стоять перед послами Перисада в далеком Египте? Не было ли связано боспорское посольство с тем, что в первую очередь интересовало боспорского царя в Восточном Средиземноморье, — со сбытом зерна в греческих центрах, с которым у боспорцев в начале III в. до н. э. уже были явные трудности? Итак, вполне естественна постановка вопроса о конкуренции двух держав-хлеботорговцев — Египта и Боспора, сбывавших зерно в Восточном Средиземноморье. И уже применительно к Боспору был поставлен существенный вопрос: не явилась ли подобная конкуренция основной причиной экономических затруднений, которые переживал Боспор в III в. до н. э.? Ведь именно к этой поре относится резкое сокращение экспорта хлеба с Боспора в Восточное Средиземноморье.

Вопрос о боспоро-египетской конкуренции впервые зазвучал в трудах М. И. Ростовцева, отвергавшего в конечном счете ее реальность². С. А. Жебелев, наоборот, признавал эту конкуренцию вполне возможной, полагая также, что именно в итоге оттеснения Боспора Египтом с хлебных рынков Восточного Средиземноморья, главным образом с афинского, наступил кризис боспорской экономики, повлекший за собой общее ослабление Боспорского государства³. В последующей научной литературе позиция С. А. Жебелева пересматривалась лишь по вопросам состояния экономики Боспора в III в. до н. э. и в последующее столетие. При этом справедливо отмечалось, что С. А. Жебелеву был не известен ряд фактов боспорской экономики, открытых археологическими исследовани-

¹ H. I. Bell. Greek Sightseers in the Thaum in the Third Century B. C. «Symbolae Osloenses», f. V. Osloae, 1927, p. 33; Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 260—261.

² M. I. Rostoutzeff. Greek Sightseers in Egypt. «Journal of Egyptian Archaeology», v. XIV, 1928, p. 13.

³ С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, стр. 84, 147—148.

ями лишь в послевоенные годы⁴. Позиция С. А. Жебелева по вопросам боспоро-египетской конкуренции была поддержана В. Ф. Гайдукевичем⁵, а сравнительно недавно В. Д. Блаватский, обращаясь к этой теме, привел серию убедительных аргументов в пользу реальности торгового соперничества двух районов эллинистического мира⁶.

Сомнения в возможности торговой конкуренции Боспора и Египта в Средиземноморье наиболее полно изложены М. К. Трофимовой⁷, высказавшей ряд любопытных суждений, в числе которых, на наш взгляд, особо следует отметить критику позиции М. И. Ростовцева, как уже говорилось, отрицавшего эту конкуренцию. М. К. Трофимова доказала несостоятельность позиций, исходя из которых М. И. Ростовцев отвергал боспоро-египетскую конкуренцию, показав, что его мнение «введено в рамки концепции, уподобляющей международные отношения древности современным»⁸.

Утверждая или ставя под сомнение факт боспоро-египетской конкуренции, о котором в источниках нет прямых указаний, мы поневоле вынуждены обратиться к косвенным свидетельствам. Область древней истории, эпохи, от которой по целому ряду важнейших явлений до нас дошли лишь отрывочные сведения, содержащиеся в разнообразных видах источников — литературных, эпиграфических, археологических, — это, как известно, раздел исторической науки, в котором построение выводов возможно только при учете всех существующих прямых и косвенных показаний источников, при тщательной их корреляции.

Но сначала обратимся к фактам, наиболее близко соприкасающимся с интересующей нас проблемой, и в первую очередь — к боспорскому посольству при дворе Птолемея II Филадельфа, в связи с которым и был поставлен вопрос о боспоро-египетской конкуренции в Средиземноморье в III в. до н. э.

Не приводя текста, который многократно цитировался в отечественной литературе как в оригинале, так и в переводах, и отослав читателя к публикации Б. Н. Гракова⁹, остановимся только на терминологии, использованной в документе к представителям двух государств при александрийском дворе. Здесь наблюдается терминологическое различие между послами Перисада и феорами из Аргоса: «... τοὺς παρὰ Παιρισάδου πρεσβευταὶς καὶ τοὺς ἐξ Ἀργεῶν θεωροὶς...»¹⁰ Таким образом, представители Перисада II — послы (τοὺς πρεσβευταὶς), представители Аргоса — феоры, т. е. члены священного посольства феории (τοὺς θεωροὶς). Причем в приписке о средствах их передвижения обе категории хотя и именуется одним словом — «послы» (в тексте читаем: «... τῶν τοὺς παρὰ Παιρισάδου καὶ Ἀργεῖοις πρεσβευταὶς...»), но выше уже было показано, что одни воспринимаются как собственно послы, другие — как послы религиозной миссии. Если обратиться к другим категориям памятников, происходящих из Египта, в которых упоминаются иностранные представители при дворе Лагидов, то можно убедиться, что терминологическое различие в группах представителей проводится и там: одно послы — τοὺς πρεσβευταὶς, другое феоры — τοὺς θεωροὶς.

⁴ Д. Б. Шелов. Рецензия на кн.: С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. ВИ, 1954, № 2, стр. 166.

⁵ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 76—78; он же. История античных городов Северного Причерноморья античной эпохи. АГСП. М.—Л., 1955, стр. 120.

⁶ В. Д. Блаватский. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964, стр. 101 и сл.

⁷ М. К. Трофимова. Из истории эллинистической экономики (К вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III в. до н. э.). ВДИ, 1961, № 2, стр. 46 и сл.

⁸ Там же, стр. 48.

⁹ Б. Н. Граков. Материалы... стр. 261.

¹⁰ Там же, стр. 261—262.

О различных должностях иностранцев, пребывавших в Египте, с указанием центров, откуда они происходили или приехали в Египет, сообщается в надписях на погребальных урнах, открытых в раннеэллинистических некрополях Александрии. Это так называемые вазы Гадра, среди которых нам известно около 30 с надписями указанного типа¹¹. В числе упомянутых в надписях на вазах погребенных есть военачальник критянонаемников¹², начальник конницы (без указания происхождения)¹³, полемарх (по происхождению гортинец) и без указания должностей или рода занятий граждане различных городов Средиземноморья, приехавшие в Александрию или проживавшие в ней.

В надписях на вазах четыре раза названы послы¹⁴, пять раз — члены священных посольств, причем в двух случаях указаны главы феорий¹⁵. Таким образом, как можно видеть, четко проведена терминологическая разница и здесь.

Это некоторые из известных в науке упоминаний об официальных представителях при александрийском дворе, причем проводится точная терминологическая грань между членами священных миссий, направленных на религиозные празднества, так же, как, например, *Σοτηρία*¹⁶ — *θεῶρος* — и послами, *πρεσβεῦταις*, цель прибытия которых в Александрию — политическая.

Таким образом, приведенные примеры заостряют наше внимание на том, что представители боспорского царя Перисада II в Александрии именно *πρεσβεῦται* в прямом значении этого слова, прибывшие в Египет по делам политического характера. И скорее всего это могли быть дела, касавшиеся интересов, общих для обеих стран. Это не могли быть проблемы, связанные со взаимными территориальными претензиями. Боспор был слишком далек в этом смысле от Египта, а Египет времен Птолемея Филадельфа, хотя и имел значительные территориальные интересы в северной Эгее и в районе черноморских проливов, о его территориальных притязаниях в Понте нам ничего не известно. Территориальные же интересы Боспора не распространялись далеко за рамки его границ. Интересы двух держав могли касаться лишь одного: это торговля хлебом в Средиземноморье и в первую очередь — с Афинами. Ничего другого здесь предположить нельзя, учитывая, что для Боспора интересующей нас поры это был вопрос первостепенной важности. Важнейший вопрос экономической жизни страны был на внешней арене первостепенным политическим вопросом. Причем касался он именно Египта. Так что же другое можно предполагать о целях посольства Перисада II в Александрию?

Экономическая политика Боспора и связанные с ней его политические интересы в Средиземноморье на протяжении V и особенно в IV в. до н. э. определялись возможностями сбыта хлеба в Средиземноморье. Появление на рынках Средиземноморья с конца IV—начала III в. до н. э. египетского хлеба привело к резкому сокращению экспорта хлеба с Боспора в указанный район. В лице Афин Боспорское царство потеряло од-

¹¹ A. C. Merriam. *Inscribed Sepulchral Vases from Alexandria*. «American Journal of Archaeology», 1885, v. 1, p. 18—33; R. Pagenstecher. *Dated Sepulchral Vases from Alexandria*. «American Journal of Archaeology», 1909, v. XIII, N 4, p. 387—416.

¹² Ссылки приводим по изданию Р. Пагенштехера (указ. соч., стр. 408—414, № 13).

¹³ R. Pagenstecher. Указ. соч., стр. 408—414, № 19.

¹⁴ Приводим, к примеру, одну из надписей на вазе: *Λθ, Ὑπερβερεταίου*, *Φαρμούδι Τιμασιθέου τοῦ Διονυσίου Ῥοδίου πρεσβεύτου διὰ Θεοδότου ἀγοραστοῦ* (R. Pagenstecher. Указ. соч., стр. 408—414, № 22). Послы (*πρεσβεῦται*) упомянуты также на вазах в указанной публикации: № 2, 3, 20.

¹⁵ Например: *Ἴστοις ἐνός καὶ εἰκοστού, μηδὸς Λάϊου. Διὰ Σαραπίωνος, Ἱερωνίδης Λάμπωνος Φωκαεὺς ἀρχιδέωρος* (R. Pagenstecher. Указ. соч., стр. 408—414, № 5; там же, № 1, 14, 21, 23).

¹⁶ В одной из надписей на вазе назван именно этот праздник (R. Pagenstecher. Указ. соч., № 23 — упомянут дельфийский феор на празднестве *Σοτηρία*).

ного из наиболее мощных потребителей своего зерна. Постоянно испытывавая нужду в привозном хлебе, Афины в течение V—IV вв. до н. э. половину необходимого хлеба привозили с Боспора. Из речи Демосфена против Лептина (Demosph. Adv. Lept., 32) известно, что это составляло 400 000 медимнов (т. е. более 1 млн. пудов) зерна в год. С вывозимого из Пантикапея зерна взималась льготная пошлина, равная $\frac{1}{30}$ стоимости груза. Это свидетельствовало об огромной заинтересованности боспорских правителей в торговле с Афинами. Интенсивный сбыт хлеба Афинам был настолько выгоден Боспору, что после того как при Левконе I была присоединена Феодосия, то из нее был разрешен вообще беспошлинный вывоз хлеба в Аттику. Ежегодный денежный доход Боспора от торговли с Афинами достигал суммы примерно в 400 талантов. Учитывая сбыт боспорского хлеба в другие центры Средиземноморья (например, на Эгину, Лесбос), можно предполагать, что в целом доход Боспора от сбыта хлеба в Восточном Средиземноморье значительно превышал указанную сумму.

Итак, вопрос о боспоро-египетской конкуренции рассматривается прежде всего в связи с афинским рынком.

Взгляды М. К. Трофимовой, отрицающей существование подобной конкуренции, основаны на том, что при отсутствии высокоразвитого товарного производства не может быть и самой проблемы торговой конкуренции. По мнению М. К. Трофимовой, свободная торговля не играла преобладающей роли в экономических контактах эллинистических держав, так как слишком велика была роль иных форм хлебоснабжения: крупные хлебные дары нуждающимся полисам, а вместе с тем грабежи территорий, богатых хлебом, захваты хлебных караванов¹⁷. Вследствие этого зерно не всегда приобретало форму товара, а роль свободной торговли в хлебоснабжении полисов не была решающей¹⁸. Отрицание свободной хлебной торговли М. К. Трофимова подкрепляет действительными имевшими место такими явлениями, как продажа хлеба зависимым территориям¹⁹. Однако заметим, вопрос о торговой конкуренции стоит не в этой области торговли, а применительно к торговле независимых полисов.

Таким образом, в окончательном виде вывод М. К. Трофимовой содержит отрицание возможности торговой конкуренции Боспора и Египта, протекавшей, если бы конкуренция могла быть, «в формах, подобных современным (одно из государств склоняется к упадку в результате поражения на международном рынке)»²⁰.

Вопросы внешнеэкономического принуждения не имели смысла в экономических контактах независимых друг от друга государств, какими были Боспор, Афины и Египет. Вне связи с тем, какими путями Спартокиды или Птолемеи, крупнейшие хлеботорговцы древности, накапливали у себя хлебные богатства (большая часть их поступала к ним путем различных форм внешнеэкономического принуждения, а также и через посредство различных видов экономической зависимости), они сбывали хлеб путем свободной купли-продажи покупателям, не зависимым от них как политически, так и экономически, какими, например, были Афины.

Итак, при сложности и многообразии распределения хлебных богатств в Средиземноморье господствующей формой хлебоснабжения была свободная торговля, т. е. обычная торговля. Не следует, как нам кажется, пе-

¹⁷ М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 56—63.

¹⁸ М. К. Трофимова пишет: «... торговые связи были далеко не единственной формой экономического общения государств в эллинистический период» (стр. 59); далее та же мысль: «Экономические связи облекались не в форму торговли, а то в форму даров, то — непосредственно захвата» (стр. 63). Вряд ли дары и особенно грабежи и захваты можно считать формами экономического общения.

¹⁹ М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 65.

²⁰ Там же, стр. 68.

реоценивать роль иных форм хлебоснабжения, когда речь идет о хлебной торговле наиболее мощных производителей хлеба, какими были Боспор и особенно Египет эпохи Птолемеев. Обе названные державы именно в свободной хлебной торговле получали наибольший экономический эффект в виде денежных сумм. Поэтому понятно, что они не скупались на хлебные дары тем полисам, в постоянной покупательной способности которых были заинтересованы. Единичный дар зерном, пусть даже очень значительный, служил своего рода реальной возможностью жертвователя обеспечить регулярными поставками покупателя. Примером подобного жертвования можно считать известный дар Спартока III в 289—288 гг. до н. э. Афинам. Понятно, что интересы крупных держав-хлеботорговцев были направлены на то, чтобы укрепиться в качестве постоянного поставщика на наиболее емком рынке. Все это при наличии двух или более заинтересованных сторон в сфере свободной торговли неизбежно вело к торговому соперничеству, каковое и имело место в III в. до н. э. между Боспором и Египтом.

Факты показывают, что в конце V, в IV и на рубеже IV—III вв. до н. э. на Боспоре производство хлеба было связано главным образом с его сбытом на внешнем рынке. Об этом свидетельствуют хорошо известные события политической истории Боспора и его основного контрагента в торговле Афин, из которых явствует, что обе стороны стремились активно развивать торговлю²¹.

Торговля хлебом с центрами Восточного Средиземноморья в течение двух столетий была важным фактором в экономической жизни Боспора. Это даже привело к известным переменам в районе, примыкающем к боспорским городам, откуда в торговые порты Боспора поступал хлеб. Археологический материал — остатки небольших сельскохозяйственных поселений на территории европейской и азиатской частей Боспора — свидетельствует о том, что они появились тогда, когда Боспор вел активную торговлю хлебом, т. е. в конце V—IV в. до н. э.²² Выгоды хлебной торговли и определяли главным образом направление политических интересов Спартокидов в Восточном Средиземноморье. Из афинского декрета 287 г. до н. э. в честь Спартока III известно, что после освобождения Афин от македонского гарнизона он принес в дар городу 15 000 медимнов (38 000 пудов) хлеба²³.

Этот бесспорно политический акт свидетельствует о стремлении боспорского правительства продолжать торговые связи с Афинами, скорее всего именно сбывать хлеб. Боспор оказался государством, обладающим большими хлебными богатствами, экспорт которых в Средиземноморье был для него источником экономических выгод. Вот почему, когда такой емкий хлебный рынок, каким были Афины, оказался в руках Птолемеев,

²¹ Т. В. Блаватская, специально исследовавшая политические связи Боспора и Афин в IV в. до н. э., показала на основе источников, насколько тесно переплетались интересы этих двух государств в указанное время. Анализируя Трапезитскую речь Исократы, Т. В. Блаватская указывает на значительную роль в жизни Афин торговых и банкирских слоев, связанных с Боспором, причем это были не только афинские граждане, но порою и метеки, занимавшиеся перевозками хлеба из Пантикапея в Афины. В начале IV в. до н. э. (394 г. — время произнесения Трапезитской речи) Т. В. Блаватская предполагает наличие договора *τὸ συμβόλιον* (между Боспором и Афинами), основное содержание которого сводилось к совершению судебных процессов боспорских граждан в Афинах (Т. В. Блаватская. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959, стр. 121, 127).

²² В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 35; он же. Некоторые вопросы экономической истории Боспора. ВДИ, 1966, № 1, стр. 50. Д. П. Каллистов в теоретическом аспекте рассмотрел указанный процесс (Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 229—230).

²³ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 76; В. Д. Блаватский. Пантикапей. . . , стр. 104; Б. Н. Граков. Материалы. . . , стр. 239—241.

это не могло пройти безболезненно для боспорской экономики и привело к ее значительным изменениям²⁴.

Археологические исследования последних лет показали, что кризис боспорской экономики III в. до н. э. не был всеобщим. Деградация и спад в одних сферах экономической жизни государства сопровождалась подъемом в других. В частности, с III в. до н. э. на Боспоре огромный размах приобретает развитие виноделия, обслуживавшего нужды внутреннего рынка, продолжается развитие городских ремесел. И вместе с тем к началу III в. до н. э. относится денежный кризис, значительно подорвавший боспорские финансы²⁵. Взгляды исследователей, объясняющих указанный кризис денежного обращения на Боспоре, расходятся. По мнению В. Ф. Гайдукевича, утрата Боспором выгодных позиций на хлебных рынках Средиземноморья и привела к упадку и дезорганизации боспорской денежной системы²⁶. Д. Б. Шелов объясняет это явление причинами внутреннего порядка²⁷.

Активно развивавшаяся перестройка экономики Боспора и новая ориентация внешнеэкономических связей в сторону малоазийских центров приходятся на одну эпоху, совпадающую по времени с вступлением Египта в средиземноморскую торговлю. Не свидетельствует ли это о том, что толчком к кризисным явлениям в боспорской экономике, повлекшим за собой ее перестройку, обращение к торговым связям с малоазийскими центрами как своего рода компенсации за утрату выгодных торговых позиций в Аттике и упадок денежного обращения, послужило отеснение Боспора с прежних позиций в хлеботорговле с Египтом? С. А. Жебелев в свое время не располагал археологическими материалами, которые сейчас находятся в руках исследователей, поэтому кризисные явления в боспорской экономике ему представлялись в виде процесса, охватившего все ее сферы²⁸. Но археологические материалы, полученные за последние десятилетия и позволяющие уточнить позиции С. А. Жебелева, свидетельствуют о том, что кризисные явления в боспорской экономике имели место именно в тех ее сферах, которые были связаны с внешней торговлей Боспора хлебом и в первую очередь — с боспорско-аттической торговлей²⁹. А на фоне этих новых данных особенно убедительно звучит тезис С. А. Жебелева о том, что боспорская хлебная торговля «неизбежно должна была сократиться с поступлением на греческие рынки египетского хлеба»³⁰.

Уже при первых Птолемах размер ежегодного урожая зерна в Египте достигал в среднем 40 миллионов артаб³¹. Производимый в столь огромном количестве хлеб являлся одной из основных царских монополий, и более четверти его урожая шло на экспорт. Ежегодно Птолеми вывозили до 10 миллионов артаб хлеба³². Весь этот хлеб сбывался в центрах Средиземноморья, а доходы от хлебной и иной торговли золотым потоком

²⁴ См. об этом: В. Ф. Гайдукевич. Некоторые вопросы экономической истории Боспора. ВДИ, 1966, № 1, стр. 58—59.

²⁵ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 77; Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VII—II вв. до н. э. М., 1956, стр. 146—149.

²⁶ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 76—77.

²⁷ Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 149—150.

²⁸ С. А. Жебелев. Северное Причерноморье, стр. 84 и сл.

²⁹ Абсолютно прав В. Д. Блаватский, указывая на причины прекращения чеканки золотой и серебряной монеты, а вместе с тем отмечая и прекращение массового выпуска золотых изделий в ювелирных мастерских Боспора. Он пишет: «...значительный приток драгоценных металлов на Боспор, имевший место в IV в. до н. э., в начале следующего столетия, очевидно, резко сократился, что было вызвано большими изменениями в международной экономической жизни» (В. Д. Блаватский. Пантикапей. . . , стр. 107).

³⁰ С. А. Жебелев. Северное Причерноморье, стр. 85.

³¹ F. Heichelheim. Sitos. RE, Suppl. VI, p. 848.

³² А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, стр. 208.

шли в казну Птолемеев³³. Экономическая мощь их была столь велика, что, преследуя те или иные политические цели в Средиземноморье, Птолемеи щедро раздавали нуждающимся полисам богатые хлебные дары, строили храмы, оказывали денежную поддержку.

Таким образом, в III в. до н. э. Птолемеи выступили как мощные экспортеры хлеба в Средиземноморье и, имея большой и хорошо оснащенный флот, владея многими полисами на островах Эгейского архипелага и малоазийском побережье, господствовали на важных торговых путях Восточного Средиземноморья. Вполне естественно, что более удаленный от основных центров эллинского мира и экономически более слабый Боспор вряд ли мог в значительной мере противостоять Птолемеям в хлебной торговле Средиземноморья. Для Афин как для покупателя египетский хлеб оказался значительно более выгодным, чем боспорский, как по условиям его доставки, так и по качеству³⁴.

Таким образом, нет оснований отрицать в экономике ряда крупных эллинистических монархий, среди которых наше внимание занимают Боспор и Египет, наличие производства хлеба, основанного на эксплуатации местного населения, единой по своим целям — получение товарного хлеба для экспортной торговли.

Утрата Боспором своих позиций в хлебной торговле Средиземноморья в III в. до н. э. не должна рассматриваться как абсолютное прекращение хлебных поставок Боспора в отдельные центры Средиземноморья в указанный период. Однако ко II в. до н. э. вывоз хлеба Боспором в центры Средиземноморья прекратился, а оживление боспорской экономики в III в. до н. э., как было сказано выше, произошло на основе развития городских ремесел и виноделия.

Оттеснение Боспора птолемеевским Египтом вряд ли могло способствовать развитию связей между двумя государствами. Источники не сохранили сведений о характере взаимоотношений Египта и Боспора в III в. до н. э., но в ряде случаев мы можем оценить политическую ориентацию Боспора в событиях III в. до н. э. в Восточном Средиземноморье, прибегнув к анализу некоторых известных исторических фактов. В 287—286 гг. до н. э. боспорский царь Спарток III вместе с афинянами празднует освобождение их города от македонского гарнизона Деметрия Полиоркета, прислав им по этому случаю упоминавшийся нами хлебный дар. Когда же в 250 г. до н. э. македонский царь Антигон Гонат разгромил египетский флот в битве при Косе, обнаружили признаки солидарности Боспора с Македонией. После этой победы македонян, в результате которой был отрезан путь египетскому хлебу в эгейский бассейн, в Пантикапее были выпущены монеты, на реверсе которых воспроизводилась триумфальная эмблема (по случаю косской победы), скопированная с тетрадрахм Антигона Гоната³⁵. Это утверждает нас в мнении, что Боспор, в чисто политическом смысле далекий от событий и войн, которым так богат III в. до н. э. в Восточном Средиземноморье, небезучастен к явлениям, прямо или косвенно касающимся его интересов как хлеботорговца. В итоге поражения египтян в 250 г. до н. э. Боспор либо надеялся получить, либо получил возможность на какой-то срок улучшить свои дела в сбыте хлеба

³³ Примечательно высказывание В. Тарна: «...пшеница была вторым Нилом, огромной рекой, питаемой тысячами ручейков и текущей вплоть до столицы. Птолемеи были крупнейшими хлеботорговцами, каких только видел мир» (В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, стр. 176).

³⁴ В. Д. Блаватский подсчитал, что боспорский хлебный экспорт IV в. до н. э. в Афины, т. е. лучших времен боспорской хлебной торговли, в 28 раз уступал вывозу хлеба Птолемеями в III в. до н. э. (В. Д. Блаватский. Пантикапей... стр. 103).

³⁵ На эту серию боспорских монет впервые в указанном аспекте обратил внимание В. Ф. Гайдукевич (В. Ф. Гайдукевич. Некоторые вопросы... стр. 58—59).

в Восточном Средиземноморье. Предпринятое незадолго до этого (в 254 г.) посольство в Египет боспорского царя Перисада II, может быть, и ставило своей целью найти дипломатические пути в решении сложной для Боспора проблемы хлебного сбыта в Средиземноморье.

По-видимому, только в свете изложенного можно понять, почему для III в. до н. э. мы не имеем каких-либо данных об александрийском импорте на Боспоре, тогда как, например, в Ольвии и даже в Херсонесе мы отмечаем явные признаки александрийского ввоза³⁶. Особенно яркую картину в этом отношении дает Ольвия. В раннеэллинистическом некрополе Ольвии обнаружены александрийские вазы Гадра, находки которых вне Александрии крайне редки. Керамика Гадра встречается только в тех центрах, которые состояли в тесных контактах с столицей Птолемеев, — на Родосе, в Афинах, Киренаике³⁷. Из ольвийского же некрополя происходят александрийские образцы агонистических погребальных амфор³⁸ и местная ольвийская керамика с явными признаками александрийских влияний в ее декорировке³⁹. В эллинистических слоях ольвийского городища открыты образцы александрийской скульптуры и птолемеевские монеты III в. до н. э.⁴⁰ И, наконец, в Северо-Западном Причерноморье, в непосредственной близости к Ольвии — в Тире, найдены свидетельства существования синкретического греко-египетского культа на рубеже III—II вв. до н. э., появившегося в указанном районе значительно ранее⁴¹. В близкой к Ольвии и Тире Истрии памятники греко-египетского культа относятся к III в. до н. э.⁴²

Таким образом, вся приведенная выше совокупность фактов свидетельствует, что северо-западный район Причерноморья по сравнению с северо-восточной его частью, т. е. с Боспором, выделялся в контактах с эллинистическим Египтом. Причем такая картина отмечается только в III в. до н. э., так как уже ко II в. до н. э. относится свидетельство Агафархида, по которому можно судить о существовании в то время (II в. до н. э.) постоянного пути из Боспора в Египет через Родос.

Перечисленные факты подтверждают, что в III в. до н. э. в торговле с Причерноморьем Египет ориентировался на западную часть названного района. Это также является косвенным свидетельством реальности торгового соперничества Птолемеев и Спартокидов в раннеэллинистическую эпоху, не способствовавшего, на наш взгляд, развитию торговых связей Боспора и Египта в период наибольшей торговой активности последнего в Причерноморье, которая приходится на III в. до н. э.

Подведем итоги нашим рассуждениям.

Итак, вне зависимости от практиковавшихся в Средиземноморье различных форм хлебоснабжения (хлебные дары, захваты хлебных караванов и т. д.) преобладающей формой хлебоснабжения была свободная торговля хлебом, в сфере которой в III в. до н. э. и столкнулись интересы Боспора и Египта. Именно к этому времени относится известный упадок боспор-

³⁶ Исключение составляет фрагмент статуи царицы из дома Птолемеев, найденной в Керчи и датируемой серединой III в. до н. э. (Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. СА, 1958, № 1, стр. 24).

³⁷ И. Г. Шургая. О торговых сношениях Ольвии с Александрией Египетской в эллинистическую эпоху. ВДИ, 1972, № 3, стр. 18.

³⁸ И. Г. Шургая. Агонистические амфоры в некрополях Северного Причерноморья. СА, 1971, № 3, стр. 190—194.

³⁹ И. Г. Шургая. О торговых сношениях Ольвии..., стр. 20—21.

⁴⁰ Там же, стр. 23—24.

⁴¹ В. В. Латышев. Древности Южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889—1891 гг. МАР, 1892, № 9, стр. 58—59 (=IOSPE, 12, 5); И. Г. Шургая. О торговых сношениях Ольвии..., стр. 24—27.

⁴² D. M. Pippidi. Sur la diffusion des cultes égyptiens en Scythia Mineure. «Studii clasice», VI. București, 1964, p. 108, 111.

ской экономики и обусловленный им кризис денежного обращения первой половины III в. до н. э. Кризисные явления коснулись главным образом тех сторон экономической жизни Боспора, которые были связаны с производством и сбором хлеба на внешнем рынке и в целом с боспорско-афинской торговлей. В качестве компенсации на Боспоре с III в. до н. э. начинают развиваться виноделие и ремесленное производство, а во внешних сношениях активизируются связи с малоазийскими и южно-понтийскими центрами. Распространение предметов александрийского импорта в Северном Причерноморье приходится главным образом на его западный район с Ольвией во главе. Следовательно, в торговле с Северным Причерноморьем в III в. до н. э. Египет ориентировался на Ольвию, не включив в сферу своих торговых интересов восточные районы Северного Причерноморья, в частности Боспор. Это служит одним из свидетельств напряженности контактов Боспора с Египтом в указанное время, вытекавшей из их взаимоотношений на хлебных рынках Восточного Средиземноморья.

В. П. ШИЛОВ

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
КОЧЕВЫХ ПЛЕМЕН И АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ

Изучение металлических изделий западного происхождения, главным образом медных и серебряных сосудов из сарматских могил в междуречье Дона и Урала, показывает, что они встречаются здесь с III в. до н. э. по V в. н. э., т. е. в течение почти восьми веков. Исходя из сообщений Страбона (VII, 4, 5; XI, 2, 3) о роли города Танаиса как торгового центра боспорских греков, а также находок металлических сосудов в Нижнем Поволжье, в Прикамье и Танаисе, А. М. Волкович пришла к выводу, что основным поставщиком их в Поволжье—Прикамье являлся город Танаис¹.

Д. Б. Шелов высказал иную точку зрения. Признавая ведущую роль города Танаиса в распространении этих изделий по варварской периферии, он в то же время допускал и иные пути проникновения их к сарматским и другим племенам — распространение этих предметов римскими легионерами или чиновниками и получение их в качестве трофеев при столкновении сарматов с римскими войсками или войсками античных городов Северного Причерноморья. По мнению Д. Б. Шелова, Танаис, получая подавляющую часть западных изделий из таких городов, как Пантикапей и Фанагория, являлся торговым посредником боспорских городов и сарматских племен. Автор допускал при этом, что часть западных изделий поступала в степи из Паннонии по Дунайскому торговому пути².

С этими выводами можно вполне согласиться, но с определенными оговорками. Анализируя западные и южноиталийские металлические изделия собственно Танаиса, Д. Б. Шелов пришел к заключению, что они поступали сюда в период с I в. н. э. (стадия VI Г. Эггерса) до середины III в. н. э.³ Если сопоставить данные, полученные Д. Б. Шеловым для городов Танаиса, с западным импортом сарматских курганов междуречья Дона и Урала, то получается крайне интересная картина. Оказывается, что в Танаисе полностью отсутствуют западные и южноиталийские металлические изделия вплоть до рубежа нашей эры, в то время как в уралодонских степях они хорошо известны в последних веках I тысячелетия до н. э.⁴

¹ А. М. Волкович. К южным связям Прикамья в последние века до н. э. и первые века н. э. «Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа», т. I. Л., 1941, стр. 231 и сл.

² Д. Б. Шелов. Итальянские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н. э. «Acta archaeologica hungarica», т. XVII. Budapest, 1965, p. 251—274.

³ Там же, стр. 261.

⁴ Медный клепаный котел III в. до н. э. из Жутовского могильника (курган 27 погребение 4) близ пос. Октябрьского Волгоградской обл.; раскопки автора в 1964 г.

Отсюда можно сделать заключение, что средне- и позднелатенский импорт поступал к сарматам помимо Танаиса. В период со второй половины III в. до середины V в. н. э., когда Танаис уже перестал существовать как крупный торговый центр, западный импорт продолжал поступать в южнорусские степи. Об этом свидетельствуют богатые курганные погребения, в инвентаре которых встречаются так называемые клепаные бронзовые котелки с железными ободками и дужками⁵. Очевидно, и в период наивысшего расцвета торговой деятельности Танаиса (I в.—первая половина III в. н. э.) часть изделий поступала сарматам помимо Танаиса, о чем свидетельствует различие форм южноиталийских и западных изделий, обнаруженных в Танаисе и в степях. Чрезвычайное значение для понимания взаимоотношения античных городов и варварской периферии имеют находки серебряных сервизов, обнаруженных в сарматских могилах Донской степи.

В 1964 г. Астраханская археологическая экспедиция ЛОИА на краю правой высокой террасы р. Есауловский Аксай, в 3 км выше пос. Октябрьского Волгоградской обл. исследовала Жutowский курганный могильник. 21 октября 1969 г. школьники средней школы пос. Октябрьского начали здесь раскопки кургана и примерно в центре на глубине 1,4 м обнаружили литой бронзовый сарматский котел, который был передан экспедиции. Он обнаружен в кургане 28, согласно экспедиционной нумерации. В центре кургана на древнем горизонте вокруг обширной могилы встречен выкид желтой глины диаметром 12 м и высотой 0,3—0,4 м. На выкиде обнаружена тонкая прослойка дерева, происходящая, видимо, от перекрытия могилы. Кроме того, в выкиде собраны обломки стеклянного и серолощеного гончарного сосудов.

В центре выкида открыта прямоугольная с округлыми углами яма, ориентированная длинной осью по линии запад—восток. Длина ямы 3 м, ширина 2,4 м, глубина 2,3 м от уровня древнего горизонта. Могила оказалась ограбленной. В засыпи могилы на различной глубине встречены кости взрослого человека, обломки стенок гончарного красноглиняного сосуда, обломок стенки с ручкой канфара дутого стекла. На дне могилы в восточной стенке (у юго-восточного угла могилы) обнаружена ниша шириной 0,6 м, высотой 0,25 м и глубиной 0,35 м. Она была пустой.

Западная часть могилы оказалась не тронутой грабителями. В юго-западном углу на уровне дна могилы находилась вторая ниша шириной 0,3 м, высотой 0,2 м и глубиной 0,25 м. На дне ее лежал богатый конский убор, состоящий из железных удиц с псалиями, 2 золотых крупных и 12 мелких фаларов, различных золотых подвесок и бронзовых пряжек. На дне могилы примерно посередине у западной стенки находился перевернутый вверх дном серебряный таз на высоком поддоне с фигурными ручками. На отогнутом крае таза имеется орнамент — круговой ряд крупной зерни, а ниже овы. Сбоку припаяны две литые дуговидные серебряные ручки, моделированные в виде двух бутонов цветов и с атташе в виде пальметок. Конический поддон украшен овами с острыми углами между ними; углы украшены точками. Высота таза вместе с поддоном 16 см, диаметр края 35,5, высота поддона 6,2, диаметр края поддона 12,7 см (рис. 1, 8).

Под тазом обнаружены еще семь сосудов великолепной сохранности: (1—2) два полусферических кубка с одной литой ручкой, моделирован-

Бронзовая сковородка айлесфордского типа II в. до н. э. из хутора Алитуб на р. Маныче в Ростовской обл., раскопки автора в 1962 г. Три бронзовых южноиталийских сосуда из Калиновского могильника (стадион А по Г. Эггерсу — I в. до н. э.); В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, № 60, 1959, стр. 484—523.

⁵ И. П. Берхин. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье. «Археологический сборник ГЭ», вып. 2. Л., 1961, стр. 151, рис. 6.

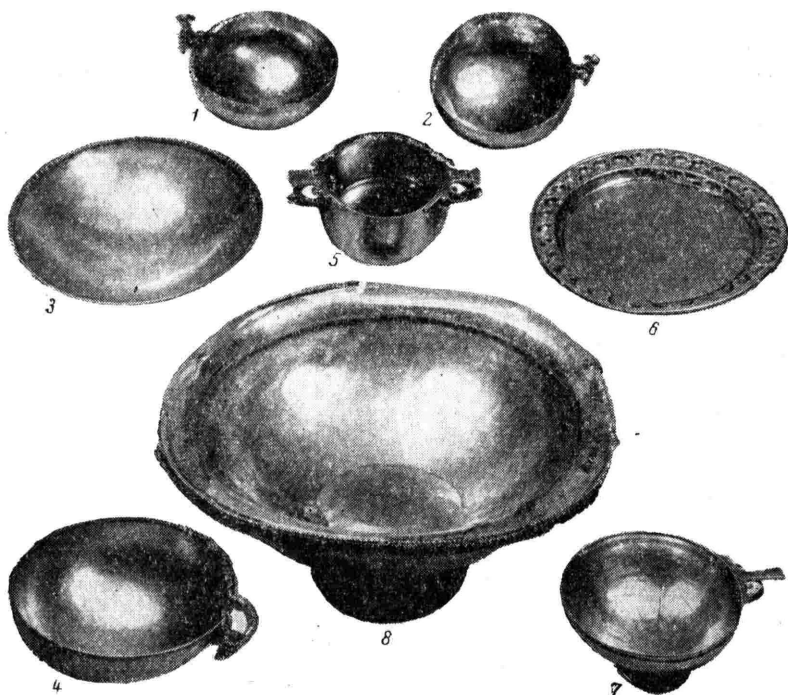

Рис. 1. Металлическая посуда из кургана 28 Жутовского могильника

ных в виде фигурок орла; высота кубков 4,6 см и 4,2 см; диаметр 11 и 10,8 см. В гнезде правого глаза одного орла сохранилась вставка из темного стекла, имитирующая глаз (рис. 1, 1—2); 3) полусферическая чаша, украшенная по краю с внутренней стороны круговым рядом ов. Высота ее 5,4 см, диаметр 20,4 см (рис. 1, 3); 4) полусферический кубок на кольцевидной припаянной подставке. Сбоку к краю приклепана двумя серебряными заклепками литая ручка, моделированная в виде фигурки орла со сложенными крыльями. Перья показаны косыми насечками. На доньшке с наружной стороны в центре процарапана греческая буква Δ. Высота кубка 6,4 см, диаметр края 15,3 см (рис. 1, 4); 5) низкий канфар на кольцевидной подставке с двумя фигурными ручками по бокам. Высота сосуда 4,9 см, диаметр края 8,7 см (рис. 1, 5); 6) серебряная тарелка с резко профилированным краем, орнаментированным расположенными по кругу позолоченными бутонами цветов. На донце у края припаяны три серебряные выпуклые пластинки, имитирующие форму морских ракушек. Здесь же на дне у одного из краев процарапана тамга. Высота тарелки 2 см, диаметр края 21,4 см (рис. 1, 6); 7) серебряная вазочка на высоком поддоне и с боковой ручкой, на верхней площадке которой воспроизведен тамгообразный знак. В центре припаяна литая фигурная ножка с вогнутым донцем, украшенная по краю узорами в виде лесбийского киматия. На дне с наружной стороны греческая надпись, нанесенная пунктиром, и две монограммы. Высота вазочки 6,4 см, диаметр края 12,7 см, диаметр поддона 5,4 см (рис. 1, 7).

Помимо этого, в могиле встречены железный топор, золотые нашивные пуговковидные бляшки с двумя отверстиями для пришивания, обломок стеклянного кубка с витой ручкой, обломки железа и других предметов.

По инвентарю и деталям погребального обряда захоронение кургана 28 датируется первой половиной I в. н. э. Особенно характерны низкий

канфар времени Тиберия—Клавдия, таз на высокой подставке и обломки стеклянных сосудов. Набор сосудов из погребения показывает, что здесь собран сервиз для питья вина — канфары, кубки, вазочка, таз на подставке, служивший для разбавления вина, и, наконец, тарелка. Происходит подавляющая часть серебряных сосудов этого сервиза, безусловно, из Южной Италии.

Вторая находка обнаружена в Садовом кургане, близ г. Новочеркаска. Здесь на выкиде желтого суглинка из могилы найден набор из восьми серебряных чаш, украшенных внутри позолоченными листьями лавра с напаянными на дне медальонами. Сверху эти чаши и золотые украшения конской сбруи были перекрыты, так же как вазы Жутовского могильника, крупным серебряным тазом с тремя ручками и сливом, несколько напоминающим лутерий. Это, безусловно, парадные чаши для возлияния вина. Комплекс относится к I в. н. э.⁶

С. И. Капошина полагает, что серебряные чаши Садового кургана появились здесь в результате военной добычи сарматского царя при столкновении с римскими войсками в I в. до н. э.⁷

Еще один набор из золотых, серебряных и медных сосудов для возлияний вина обнаружен в знаменитом кургане Хохлач, раскопанном в 1864 г. на территории города Новочеркаска. Он состоял из двух золотых кубков, серебряных канфаров, водолея, двух кувшинов и амфоры и двух кувшинов из бронзы. Курган Хохлач датируется также I в. н. э.

Таким образом, во всех трех случаях в захоронениях сарматской знати I в. н. э. встречены сервизы специфического назначения — сосуды для питья вина, в основном южноиталийского происхождения. Греческая надпись на одном сосуде и греческая буква Δ на доньшке второго из кургана 28 Жутовского могильника свидетельствуют, что они попали к последнему владельцу — сармату, с которым они и были захоронены, уже после того, как сосуды бывали в одном из греческих городов Северного Причерноморья, где на них, по-видимому, нанесли надписи. Таким городом не могла быть Ольвия, которая была разгромлена в середине I в. до н. э. гетами. Следовательно, это был один из боспорских городов. Если согласиться с мнением С. И. Капошиной, что наборы сосудов являлись военной добычей сарматских племенных вождей, то можно допустить, что они попали в их руки одним из двух путей.

Во-первых, во время крупных сражений сарматов с боспорскими или римскими войсками. При этом в сражении должен был участвовать крупный и богатый полководец римлян или боспорян, возивший с собой в поход богатые серебряные сервизы. Однако в письменных источниках I в. до н. э.—I в. н. э. нет упоминаний крупных сражений, во главе которых стоял бы богатый римский или боспорский полководец и где бы сарматы одержали победу. Наоборот, с конца II в. до н. э., когда Боспор перешел во владение Митридата Великого, последний резко изменил свою политику в отношении местных племен Северного Причерноморья. Эти племена служили для Митридата неисчерпаемым военным и экономическим

⁶ С. И. Капошина. Ценные находки археологов в районе Новочеркаска. «Вестник АН СССР», 1963, № 3, стр. 128—130; она же. Итальянский импорт на Нижнем Дону. «Записки Одесского археологического общества», т. II (35). Одесса, 1967, стр. 213; S. I. Kaposhina. A Sarmatian Royal Burial at Novochoerkassk. «Antiquity», v. 37, N 148, 1963, p. 256, 257; она же. Кельтский котел из Садового кургана у Новочеркаска. КСИА, вып. 116, 1969, стр. 76—79; она же. Итоги работ Кобяковской экспедиции. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 50; она же. Связи сарматских племен Нижнего Подонья со Средиземноморьем в I в. до н. э. и в первые века н. э. «Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности». М., 1967, стр. 145—150.

⁷ С. И. Капошина. Курганы сарматской знати на Нижнем Дону. «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 г.» М., 1963, стр. 13.

резервом в его борьбе с Римом. По политическим соображениям он даже обручал своих дочерей с местными племенными вождями. После смерти Митридата в 63 г. до н. э. ту же политику проводил его сын Фарнак, продолжая борьбу с Римом. К тому же такие правители, как Фарнак, Асандр и Полемон, были очень сильными и у них было достаточно сил, чтобы подавить сопротивление местных племен. Полемон даже разрушил, как сообщает Страбон, Танаис за неповиновение. Общеполитическая ситуация I в. до н. э. складывается не в пользу сарматских племен. Они терпели одно поражение за другим. Полководцем Митридата Великого Дифантом было разгромлено в Крыму войско скифского царя Палака и его союзников роксоланов под предводительством Тасия. В конце 40-х годов I в. н. э. римский полководец Юлий Аквилл с союзными войсками боспорского царя Котиса I и аорскими племенами одержал победу над войсками Митридата VIII и его союзников-сираков. Была захвачена «столица» сираков город Успа. Еще раньше полководец Митридата Нептолем нанес поражение варварам в конной стычке на льду Боспора Киммерийского (Страбон VII, 4, 18). Натиск же сарматов на западные границы Римской империи начинается позднее, чем описываемые наборы сосудов. Те же сравнительно мелкие стычки I в. н. э., которые происходили между сарматскими племенами и римскими войсками на западной границе Римской империи, вряд ли могли привести к захвату такой богатой добычи, как серебряные сервизы. К тому же победа обычно в то время была на стороне римлян. Так что этот путь получения богатых сервизов сарматскими племенными вождями должен быть отвергнут.

Второй путь — сосуды попали в руки сарматских вождей при захвате греческих колоний Северного Причерноморья. Однако об этом также ничего не известно из письменных источников. Так что и это объяснение должно быть отвергнуто.

Какими же в таком случае путями серебряные сосуды попадали к сарматской племенной верхушке? К. Тацит сообщает, что римляне преподносили наиболее могущественным варварским вождям дорогие вазы из серебра⁸. Любопытно, что на донцах одного из двух серебряных канфаров из раскопок начала XIX в. варварского погребения у дер. Хоби в Южной Германии, относящегося к первой четверти I в. н. э., написано имя владельца *Silius*⁹. Из сочинений Тацита известно, что Верхней Германией с 14 по 21 г. н. э. управлял Гай Силиус¹⁰. Отсюда К. Ф. Иогансон вполне резонно делает заключение, что набор сосудов из Хоби был, вероятно, подарен германскому вождю правителем Верхней Германии Гаем Силиусом¹¹. Видимо, аналогичная картина наблюдалась в I в. н. э. в отношениях между боспорскими правителями и римскими оккупационными войсками Таврики, с одной стороны, и сарматскими племенами — с другой. Страбон свидетельствует, что оседлые земледельцы и даже боспорские правители платили дань варварским племенам (Страбон VII, IV, 4, 6). Из-за непомерной величины требуемой варварами дани боспорский царь Перисад V, как уже отмечалось, вынужден был передать власть понтийскому царю Митридату Великому. В связи с этим можно предполагать, что дань, получаемая кочевой верхушкой от боспорских правителей и других греческих городов, выражалась не только в виде серебряных сосудов, но и в виде крупных ювелирных изделий, часто встречаемых как в скифских, так и в сарматских богатых захоронениях.

⁸ К. Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии, гл. V; см. также анонимный перипл о торговле с Индией *Περιπλοῦς τῆς Ἐρυθρᾶς θαλάσσης* (Leipzig, 1883, S. 24, 18, 49); К. Fr. Johanson. Hoby-Fundet. «Nordiske Fortidsminder», Bd. II, N. 3. København, 1823, p. 158 (примечание).

⁹ К. Fr. Johanson. Указ. соч., стр. 160.

¹⁰ К. Тацит. *Анналы*, I, 25.

¹¹ К. Fr. Johanson. Указ. соч., стр. 164.

Подкуп варварских вождей практиковался и ханьским двором. Китайские хроники буквально испещрены перечислениями даров, которые преподносились от имени китайского императора хуннским шаньюем. Это рис, шелковые ткани, вина, парадная одежда. А в кургане 6 могильника Ноин Улы оказалась лаковая чашечка с надписью II в. до н. э., где упоминается Шанлинь. Шанлинь — название крупного дворца-парка в окрестностях китайской столицы Чаньяня. Любопытно, что хуннский шаньюй Учжулю жоди посетил, судя по сообщению китайской летописи, в I в. до н. э. этот дворец императора. Одновременно в хуннских городках у Великой Китайской стены осуществлялась обычная торговля Китая и хуннов¹². Вместе с тем хунны непрерывно совершали набеги на Китай с целью захвата добычи. Получение даров варварскими вождями от оседлых городских центров, по-видимому, характерно для древних времен.

Безусловно, что какая-то часть бронзовых сосудов попала в руки сарматов в результате военной добычи¹³. Римская армия начиная со времени Марии и Августа постепенно принимает облик постоянной, профессиональной армии со стандартным вооружением и амуницией. Каждый легионер кроме оружия имел снаряжение, в которое входила и бронзовая посуда для варки пищи. На некоторых бронзовых изделиях встречены надписи владельцев-легионеров. Так, на котелке баргфельдского типа из Сисека, который, как известно, принадлежал к снаряжению солдата, имеется надпись с именем владельца и указанием центурии¹⁴. На одной из кастрюлек, найденной в районе Львова, также есть надпись владельца с указанием имени и когорты римского легиона¹⁵. Ее последний владелец, с которым она была погребена, приобрел ее, видимо, как военный трофей, поскольку в этой местности римские гарнизоны никогда не стояли. Исходя из этих данных можно предполагать, что ведерки и ковши являлись основным видом посуды, входившей в воинский инвентарь римского легионера.

Такие находки металлических сосудов, как Ахтиальский клад или Нырғындская в Прикамье, где никогда не было римских легионеров, свидетельствуют о существовании еще одного пути их проникновения — межплеменном обмене. Надо полагать, что изделия западноиталийского импорта попадали в Северо-Восточную Европу через сарматов.

Таким образом, можно утверждать, что западноиталийский импорт попадал в руки сарматской верхушки несколькими путями:

1. В результате подношений боспорских правителей родо-племенным вождям. Это были наиболее драгоценные художественные сервизы из серебра и золота.

2. Посредством торговых связей сарматских племен с Танаисом.

3. Дунайским торговым путем, как предполагал Д. Б. Шелов.

4. Как военные трофеи, добытые от римских солдат.

5. В результате межплеменного обмена. В этом случае изделия через посредство сарматов попадали и на далекую периферию (Ахтиальский клад, Нырғынды, бронзовый таз из района Саранска)¹⁶.

¹² А. Н. Бернштам. Очерки истории гуннов. Л., 1951, стр. 37, 38.

¹³ K. Cichorius. Die Reliefs der Trajanssäule. Berlin, 1896, tabl. 7.

¹⁴ V. Hoffiler. Antike Bronzegefäße aus Sissek. «Jahreshefte des Osterreichischen archäologischen Institutes in Wien». Bd. XI. Beiblatt, 1908, S. 120.

¹⁵ A. Radnoti. Die römische Bronzegefäße von Pannonien. «Dissertationes pannoniae», ser. II, 6. Budapest, 1938, S. 113.

¹⁶ А. М. Волкович. Указ. соч., стр. 231; П. Д. Степанов. Андреевский курган. «Этногенез мордовского народа». Саранск, 1965, стр. 51; он же. Андреевский курган (предварительное сообщение). «Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР». Саранск, 1964, стр. 206, 221.

М. А. ТИХАНОВА

К ВОПРОСУ ОБ ОБМЕНЕ И ТОРГОВЛЕ
В ЭПОХУ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вопросы социально-экономического строя носителей черняховской культуры и более узко — обмена и торговли уже начиная с 50-х годов широко привлекают внимание советских¹, а в известной мере зарубежных, особенно польских ученых². Однако в решении этих вопросов, как и других, связанных с черняховской культурой, — ее ареала, происхождения, этнической принадлежности, нет не только единомыслия, но налицо острая дискуссионность³. Объясняется это необходимостью решать все проблемы из-за отсутствия письменных и эпиграфических источников только на археологических и нумизматических материалах, до недавнего времени неполных и несистематизированных, слабой, а иногда и тенденциозной проработкой этих материалов, а также недостаточной теоретической подготовленностью исследователей⁴. Несомненно, значительную помощь в решении интересующего нас вопроса окажут проводимые в последнее время исследования черных и цветных металлов и силикатов, металлообрабатывающего и гончарного производства методами естественных и техниче-

¹ Основные работы: А. Т. Брайчевская. Отделение ремесла от земледелия и развитие торговли в раннеантском обществе. Автореф. канд. дисс. Киев, 1952; О. В. Фенін. Знахідки римських монет у Прикарпатті. «Археологія», т. 5. Київ, 1951, стр. 92—104; В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. САИ, вып. Г4-4. М., 1961; он же. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. М., 1967; он же. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.— V в. н. э.). САИ, вып. Д1-27. М., 1970; он же. К вопросу о развитии производства и денежных отношений у племен черняховской культуры. «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма». М., 1970, стр. 146—160.

² Основные работы: К. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich. Wrocław, 1949, str. 20—40; он же. Importy rzymskie w Polsce. Warszawa—Wrocław, 1960; J. Wielowiejski. Przemiany gospodarczospołeczne u ludności południowej Polski w okresie późnolateńskim i rzymskim. «Materiały starożytne», t. 6. Warszawa, 1960, str. 172—246; он же. Kontakty Noricum i Pannonii z ludami północnymi. Wr.—W.—Kr., 1970; C. Dąbrowska. Kultury zarubinecka i czerniachowska. «Materiały do prehistorii ziem polskich», cześć, V. Epoka żelaza, zeszyt. — 4. Okresy późnolateński i rzymski. Warszawa, 1970, str. 148—165.

³ См., например: В. В. Кропоткин. Рецензия на кн.: М. Ю. Брайчевский. Римська монета на території України (Київ, 1959). СА, 1961, № 1, стр. 300—305; Д. Т. Березовец. Рецензия на кн.: М. Ю. Брайчевский. Біля джерел слов'янської державності (Київ, 1964). СА, 1968, № 3, стр. 279—284; К. Маевский. Западнославянские земли в древности и Римская империя. ВДИ, 1958, № 1, стр. 159 и ряд других вышеназванных польских авторов.

⁴ По мнению В. И. Бидзиля, например, «в качестве примера неверного использования археологических материалов следует назвать книгу М. Ю. Брайчевского («Біля джерел...» — М. Т.), доказывавшего высокий уровень развития кузнечного ремесла у черняховцев на основании трех пунктов находок с нечерняховской территории» (КСИА, вып. 121, 1970, стр. 88).

ских наук⁵. Исследования эти уточняют уровень развития ремесла, его характер, а в дальнейшем, возможно, укажут на источники сырья, из которого изготовлялась продукция черняховских ремесленников, что позволит в свою очередь поставить вопрос об обмене и его организации. Однако проблема источников сырья остается пока не решенной. Определенными препятствиями при ее решении служат «интернациональность» металла того периода, а также применение сложных комплексных лигатур⁶.

Для правильного решения вопроса об обмене и наличии торговли, особенно внутренней, необходимо выяснить уровень развития ремесла в черняховском обществе. Как известно, ремесло на раннем этапе его развития — это работа на заказчика, из материалов заказчика или самого ремесленника, без посредства рынка — обмен на месте, передача изделий из рук в руки, без посредника, часто с оплатой натурой продукцией сельскохозяйственного труда. Ремесло это в основном не оторвано от земледелия, с элементом первоначально не товарного производства, а лишь товарного обращения⁷. Ремесло черняховской культуры — это ремесло такого раннего типа, когда ремесленник работал преимущественно (если не исключительно) на заказ, а не на рынок: на первой фазе развития ремесло существует лишь как дополнение к земледелию и только начинает от него отделяться⁸. В этих условиях работа ремесленника есть по существу работа для создания непосредственной потребительской, а не меновой стоимости, вследствие чего говорить о сколько-нибудь развитом товарном производстве и товарном обращении на данном этапе нет никаких оснований. То, что ремесленники, в частности ремесленники ведущей отрасли ремесла — кузнецы, были кузнецами-универсалами, работающими в основном на заказ (а не на рынок), подтверждают последние металлографические исследования Г. А. Вознесенской⁹. Такие кузнецы, по-видимому, обслуживали только свою общину. То же можно предполагать и относительно мастеров-ювелиров, а также гончаров, особенно учитывая сезонность их работы¹⁰. Никаких оснований говорить о массовой металлообрабатывающей продукции, как это делает М. Ю. Брайчевский, опираясь на данные Свентокшиского центра в Польше и крупного гончарного центра в районе Кракова, для носителей черняховской культуры у нас нет¹¹.

Касаясь проблемы ремесла в черняховском обществе, нельзя не затронуть вопрос о «бродячих» мастерах, также работавших на заказ. Для интересующего нас периода развитие «бродячего» ремесла, обслуживав-

⁵ Г. А. Вознесенская. Обработка железа у племен черняховской культуры. КСИА, вып. 121, 1970, стр. 34—38; она же. Металлообрабатывающее производство у лесостепных племен Восточной Европы в первой половине I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дисс. М., 1971; Т. Б. Барцева, Е. Н. Черных. О спектроаналитических исследованиях цветного металла черняховской культуры. СА, 1968, № 2, стр. 93—102; они же. Спектроаналитические исследования цветного металла черняховской культуры. КСИА, вып. 121, 1970, стр. 95—103; О. Ю. Круг, Э. Бажанов. Классификация и хронология светлоглиняных античных амфор II—IV вв. СА, 1967, № 1, стр. 52—59; О. Ю. Круг. Технические силикаты I тысячелетия н. э. (Материалы к истории племен черняховской культуры). Автореф. канд. дисс. М., 1971.

⁶ Т. Б. Барцева, Е. Н. Черных. Указ. соч., стр. 93—94, 102.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 328—329.

⁸ В. В. Кропоткин. Клады..., стр. 30; он же. Экономические связи..., стр. 123.

⁹ Г. А. Вознесенская. Обработка железа..., стр. 36; она же. Металлообрабатывающее производство..., стр. 13; В. В. Кропоткин. К вопросу..., стр. 150.

¹⁰ В. В. Кропоткин. Указ. соч., стр. 152; Т. Б. Барцева, Е. Н. Черных. О спектроаналитических исследованиях..., стр. 93. Хотя прямых указаний на работу ювелира на заказ в этой работе нет, зато этот вопрос для территории Центральной Европы (междуречье Средней Эльбы и Заалы) освещен в работе Г. Грюнберта: H. Grünert. Studien zur Produktion bei den Stämmen der Mittelelbb-Saale Gebietes in den Jahrhunderten um die Wende unserer Zeitrechnung. EAZ, 10 Jahrgang, 4. Berlin, 1969, S. 530—531; В. В. Кропоткин. К вопросу..., стр. 154. Ср.: W. Hołubowicz. Garncarstwo Wiejskie Albanie. «Archeologia Śląska». Wrocław, 1957; R. Hampe, A. Wilke. Bei Töpfern und Töpferinnen in Kreta. Mainz, 1962.

¹¹ М. Ю. Брайчевский. Біля джерел..., стр. 97 и сл., 119 и сл.

шего прежде всего потребности знати, совершенно закономерно. Для Запада, правда для несколько более позднего периода, у нас имеются и письменные источники. Для северо-востока Центральной Европы об этом же говорят археологические памятники. Вспомним, например, знаменитый Фромборкский (Фрауенбургский) клад в Польше (середина или вторая половина V в.); владельцем его был, судя по составу клада, именно бродячий мастер¹². Такой же бродячий златокузнец — выученик лучших мастерских Подунавья — мог изготовить и замечательное нагрудное украшение Борочинского клада с медальоном императора Ювиана (363—364 гг. н. э.)¹³. Изделием бродячего ремесленника, как справедливо полагает В. В. Кропоткин, могла быть и золотая подвеска из могильника в Рыжевке¹⁴. Итак, черняховское общество — это общество, находившееся еще на ступени постепенного разложения первобытнообщинных отношений, начального этапа отделения ремесла от земледелия с зачатками товарно-денежных отношений и соответствующими уровнем его развития формами обмена и торговли.

Между тем некоторые исследователи склонны рассматривать носителей черняховской культуры как общество, вступающее в фазу классовообразованная и имеющее развитые товарно-денежные отношения, выделившуюся прослойку («класс») купцов, зачатки городов и наличие личного землевладения¹⁵. При этом делается попытка восстановления прямой линии развития от общества скифской поры к обществу первой половины I тысячелетия н. э. и далее — к Киевской Руси¹⁶⁻¹⁷. Предполагается, что широкое распространение на территории лесостепи римских монет в виде кладов и единичных находок свидетельствует о широкой внешней и внутренней денежной торговле, в которой основными денежными единицами выступают серебряный римский денарий, а также монеты местной чеканки («варварские подражания»). Основным местным товаром был хлеб (зерно). Того же мнения у нас придерживаются такие исследователи, как Б. Д. Греков, П. Н. Третьяков¹⁸, Б. А. Рыбаков, а также А. В. Фенин, Э. А. Сыманович, Ю. В. Кузаренко¹⁹, за рубежом — А. Гейштор, Е. Веловейский, К. Маевский²⁰.

¹² См.: М. А. Тиханова. Борочицкий клад. СА, XXV, 1956, стр. 314; там же литература о Фромборкском кладе. Наше заключение о сходстве фибул клада с днестровскими и ольвийскими является ошибочным. Фромборские фибулы, как правильно указывает А. К. Амброз, являются местным южнобалтийским дериватом двуязычных «воинских» фибул и датируются V в. См.: А. К. Амброз. Фибулы Юга европейской части СССР. САИ, вып. Д130. М., 1966, стр. 65, 73.

¹³ М. А. Тиханова. Указ. соч., стр. 311, 312, 314. См также: К. Majewski. Uwagi do medalionu Jovianusa z Boroczys na Wolyniu. «Archeologia», X, 1958 (1960), str. 175—179 (специально о «бродячих» мастерах стр. 175).

¹⁴ В. В. Кропоткин. К вопросу... стр. 150—151.

¹⁵ М. Ю. Брайчевский. Біля джерел... стр. 272—278; А. Т. Смиленко, М. Ю. Брайчевский. Черняховское поселение в селе Леськи близ города Черкассы. МИА, № 139, 1967, стр. 61. Лишь в одной из работ в связи с критикой В. В. Кропоткина М. Ю. Брайчевский счел нужным признать: «...во всяком случае говорить, что экономика черняховского общества была товарной, не приходится» («Біля джерел...», стр. 219).

¹⁶⁻¹⁷ А. Т. Брайчевская. Отделение ремесла... стр. 10.

¹⁸ Б. Д. Греков. Культура Киевской Руси. М., 1944, стр. 11; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1948, стр. 45—46; Ср.: он же. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 149.

¹⁹ О. В. Фенин. Указ. соч., стр. 96; Э. А. Сыманович. Племена Приднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. Рукопись. Архив ИА АН СССР, стр. 683; Ю. В. Кузаренко. Экономический строй и быт восточных славян. «Очерки истории СССР. III—IX вв.» М., 1958, стр. 78.

²⁰ A. Cięsztor. Geneza państwa polskiego w świetle nowszych badań. KH, t. LXI (1954), N 1, str. 111. Выказываясь против вывоза зерна западными славянами, т. е. населением современной Польши, автор допускает наличие такового у восточных славян, т. е. с территории черняховской культуры (J. Wielowiejski. Przemiany... 1960, str. 214; К. Маевский. Указ. соч., стр. 159).

Б. А. Рыбаков тезис о вывозе зерна объясняет совпадением русской системы мер сыпучих тел — четверик и полосмина — с римской амфореусом (квадрантулом) и медимном, которую древние славяне, т. е. черняховцы, могли заимствовать у римлян²¹. Вопрос об имевшем место вывозе зерна из восточноевропейской лесостепи в черняховское время положительно решался и В. В. Кротокиным²²; позднее он отказался от этого тезиса, опровергнув его не только отсутствием сведений в письменных источниках, но и указанием на то, что в северопричерноморском мире, с которым было связано население черняховской культуры, пользовались в основном греческими (весьма нестабильными) мерами, а также тем, что древнерусские памятники IX—XIII вв. еще не знали таких мер, как четверик и полосмина; последние появляются впервые лишь в XV—XVI вв.²³ Помимо сказанного — и это основное — относительно низкий уровень социально-экономического развития черняховского общества не позволяет предполагать наличия здесь избыточного продукта в виде зерна, идущего в качестве товара на рынок²⁴.

В результате работ последних лет по собиранию и систематизации находок римских монет и римских «импортов» в Восточной и Центральной Европе становится очевидным, что начало массового притока римской серебряной монеты (денариев) относится ко второй половине II в. н. э., в частности в Восточную Европу — около 180 г.²⁵ Процесс этот был кратковременным; уже в самом конце II в. приток монет сократился, а к 235 г. полностью прекратился; исключение, быть может, составляли лишь западные и юго-западные окраины лесостепи (Верхнее Поднестровье, Прикарпатье и Молдавия), где известны клады и единичные находки монет конца III—IV в. н. э.²⁶ Объяснение этого явления обычно видят не только в начавшемся и развивавшемся социально-экономическом кризисе внутри самой империи и так называемой порче римской монеты (указ императора Каракаллы от 214 г. о введении новой монеты со значительным уменьшением содержания серебра — антонианы), но и в изменениях, происходивших в самом варварском обществе. Некоторые исследователи считают прекращение поступления римской монеты свидетельством затухания торговых связей с империей. В действительности, как показывают археологические материалы, связи населения восточноевропейской лесостепи с римскими провинциями не прекращаются, но на смену массовому притоку римского монетного серебра приходят многочисленные изделия мастерских восточных и западных провинций римского мира, в своей основной массе датируемые второй половиной III и IV в. н. э. На смену денежной внешней торговле, как и в Центральной Европе, приходит торговля меновая, когда привозимые изделия, в основном предметы, обеспечивавшие потребности знати, оплачивались тем или иным сырьем. При полном от-

²¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 42—43. К тому же амфора мера жидкости, а не сыпучих тел.

²² В. В. Кротокин. Клады... ВДИ, 1951, № 4, стр. 250.

²³ В. В. Кротокин. К вопросу... стр. 147—148; он же. Экономические связи... стр. 112—113. Ср. точку зрения Т. Домбровской, которая считает, что «тезис о развитии вывозе хлеба не имеет твердых оснований», и ссылается на работу В. В. Кротокина «Экономические связи...», стр. 108—114. (Т. Dąbrowska. Указ. соч., стр. 154).

²⁴ Ср.: В. В. Кротокин. Экономические связи... стр. 113. Переоценка уровня развития торговли черняховских племен нашла отражение и в популярных изданиях, например: «Археологічний музей», Київ, 1971, стр. 76.

²⁵ См. работы В. В. Кротокина. Дополнительно следует назвать работы немецкого археолога Г. Ю. Эггерса: *H. J. Eggers. Der römische Import im freien Germanien. Bd. I—II. Hamburg, 1951; он же. Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit. «Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz», 2 Jahrgang, 1955, стр. 196—244.*

²⁶ В. В. Кротокин. Экономические связи... стр. 42.

существовании сведений письменных источников приходится предполагать, что таковыми могли быть скот, кожи, меха, воск и прежде всего рабы. Эти «перечисления» широко распространены в литературе, но все они более чем гипотетичны и основываются, с одной стороны, на сообщениях Тацита для Германии значительно более раннего времени, с другой (для нашей территории) — на более поздних указаниях арабских источников. Нельзя также забывать, что, вероятно, значительная часть так называемых импортов могла попадать в лесостепь в порядке военной добычи или прямого грабежа, особенно если учесть военно-политическую обстановку, сложившуюся в то время.

Вернемся, однако, к внешней денежной торговле конца II в. н. э. Если принять дату начала интенсивного поступления римских денариев — вторая половина II в., точнее около 180 г. (правильность ее не вызывает сомнений), то встает закономерный вопрос: кто, какое население на лесостепных пространствах Восточной Европы получало за свои товары полноценное римское серебро? Пока была незыблемой датировка черняховской культуры II—V вв. (т. е. старая датировка В. В. Хвойки), которой продолжала и продолжает придерживаться часть археологов, ответ представлялся вполне ясным — носители черняховской культуры²⁷. Спорить можно было лишь о том, были ли это главным образом представители знати, как полагали автор настоящей статьи и В. В. Крopotкин²⁸, а широкие массы населения ее участвовали во внешней торговле и тем более не использовали римскую монету в качестве денежной единицы²⁹ в торговле внутренней (к тому же по существу нам совершенно неизвестной). Или, наоборот, римская монета имела хождение и во внутренней торговле, проникала и в другие слои населения, причем, как полагает А. В. Фенин³⁰, имела хождение и в последующее время вплоть до появления куфических монет. Но, повторяем, не возникало сомнений, что все это было черняховское население. Однако по мере дальнейшего расширения полевых изысканий и более углубленного изучения памятников черняховской культуры на широком фоне материалов Центральной, Западной и Северной Европы, а также Северного Причерноморья, ранняя датировка черняховской культуры оказалась неточной. Выяснилось, что основным аргументом в пользу ее нижней даты — II в. н. э. выступают по существу только римские монеты первых двух веков н. э., находимые единично на поселениях и в некоторых погребениях, и клады, зарытые несколько позже — в самом конце II и в первые десятилетия III в. н. э. Все же закрытые комплексы с датируемыми импортными и местными вещами говорят о более поздней дате, в основном о второй половине III и IV в. как о времени существования сложившейся черняховской культуры. Именно так датировали черняховские памятники еще Н. Ф. Беляшевский (1903) и П. Рейнке (1906), а в настоящее время М. Б. Шукин, В. В. Крopotкин, Г. Ф. Никитина,

²⁷ См., например, КСИА, вып. 121, 1970, стр. 3.

²⁸ М. А. Туханова. Археологические памятники Среднего Поднестровья в первой половине I тысячелетия н. э. КСИА УССР, вып. 2. Киев, 1953, стр. 191.

²⁹ На такую позицию обоих авторов указывали польские исследователи: J. Wielowiejski. *Przemiany...*, стр. 243; K. Godłowski. *Wymiana handlowa ludności kultury przeworskiej na Górnym Śląsku z imperium rzymskim*. «Archeologia», t. 16. Wr.—W.—Kr., 1965. Последний не вполне точно изложил точку зрения автора настоящей статьи, приписав ему утверждение, что в римских монетах усматривали прежде всего стоимость металла, а также возможность изготовления из них украшений. В то же время Т. Домбровская ошибочно утверждает, что «большинство русских исследователей отрицает денежную роль римских монет, признавая в них лишь стоимость металла» (указ. соч., стр. 154).

³⁰ О. В. Фенин. Указ. соч., стр. 98.

В. Д. Баран, Э. А. Рикман и автор настоящей статьи³¹, равно как и целый ряд зарубежных исследователей³².

Кем же было то население восточноевропейской лесостепи, к которому так интенсивно поступали полноценные римские серебряные денарии и которое зарывало в землю свои накопленные сокровища в опасный момент, когда с северо-запада двигались германцы? Какое население жило здесь до появления германцев, сложения готского политического союза и черняховской культуры?

На территории Верхнего Поднестровья и верховьев Буга можно говорить о носителях пшеворской культуры, проникавших сюда из соседней Малопольши, что зафиксировано памятниками начиная с I в. н. э. По-видимому, движение это было неодноразовым и завершилось где-то в конце III в.³³ На Нижнем Днестре и в междуречье Днестра и Прута это, очевидно, были сарматы и, возможно, какие-то гето-дакийские элементы. Значительно сложнее обстоит дело на Среднем Поднепровье. Как показали исследования Ю. В. Кухаренко, Д. А. Мачинского, Е. В. Максимова, М. Б. Щукина памятников зарубинецкой культуры, не только между концом зарубинецкой культуры (на правобережье — первая половина I в. н. э., на левобережье — начало I в. н. э.), но и между сменявшими или вытеснившими ее сарматами (памятники которых здесь заканчиваются в середине II в.) и собственно черняховскими памятниками разрыв не менее ста лет. Налицо, таким образом, ничем не заполненный hiatus. Говоря о непосредственных предшественниках носителей черняховской культуры, М. Б. Щукин предполагает, что это могло быть, во-первых, то население, которое оставило, к сожалению, плохо изученные памятники с очковыми фибулами (возможно, вариант позднезарубинецкой культуры)³⁴, во-вторых, население, оставившее памятники киевского типа и некоторые другие находки, свидетельствующие о контактах с Прибалтикой. Что касается Волины, то, по мнению М. Б. Щукина, «местная

³¹ М. Б. Щукин. О трех датировках черняховской культуры. КСИА, вып. 112, 1967, стр. 3—13; литература, стр. 8; он же. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор. СА, 1968, № 2, стр. 41—51; он же. К вопросу о хронологии черняховских памятников Среднего Поднепровья. КСИА, вып. 121, 1970, стр. 104—113; он же. «Европейская Сарматия» и черняховская культура (хронологические соотношения). Автореф. канд. дисс. Л., 1971, стр. 6, 14; В. В. Кропоткин. Хронология черняховской культуры и римско-византийские вещи в Восточной Европе. КСИА, вып. 121, 1970, стр. 52; Г. Ф. Никитина. Гребни черняховской культуры. СА, 1969, № 1, стр. 147—159; В. Д. Баран. Черняховская культура в междуречье Верхнего Днестра и Западного Буга в свете новейших исследований. КСИА, вып. 121, 1970, стр. 15; Э. А. Рикман, Н. А. Рафалович. К вопросу о соотношении черняховской и раннеславянской культур в Днестровско-Дунайском междуречье. КСИА, вып. 105, 1965, стр. 46, 48; Э. А. Рикман. Памятник эпохи Великого переселения народов по раскопкам поселения черняховской культуры у села Будешты. Кишинев, 1967, стр. 20—42; М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 176, 180, 191 и др.; она же. Раскопки поселения у с. Лепесовка. «Доклады и сообщения археологов СССР. II Международный конгресс доисториков и протоисториков». М., 1966, стр. 209—214; она же. К вопросу о связях Южной Скандинавии с Восточной Европой в первой половине I тысячелетия н. э. «Studia archaeologica im memoriam Harri Moora». Tallin, 1970, S. 204.

³² Например: J. Kostrzewski. Pradzieje Polski. Poznań, 1949, str. 201; J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. A. Textteil. München, 1956, S. 12; K. Jażdżewski. Poland. London, 1965, p. 152; T. Sulimirski. Znaleziisko z Zamościa i jego tło. «Archeologia Polski», t. XI, z. I. Wr.—W.—Kr., 1966, str. 141—142; T. Dąbrowska. Указ. соч., стр. 161; K. Godłowski. The Chronology of the Late Roman and Early Migration periods in Central Europe. Kraków, 1970, p. 109—110.

³³ M. Śmiszko. Kultury wczesnego okresu cesarstwa rzymskiego w Małopolsce wschodniej. Lwów, 1932, str. 105—111; он же. Доба політ поховань в західних областях УРСР. «Археологія», т. 2. Київ, 1948, стр. 109—110; М. Б. Щукин. «Европейская Сарматия...», стр. 11.

³⁴ М. Б. Щукин. «Европейская Сарматия...», стр. 14.

подоснова черняховской культуры пока не известна»³⁵. Никаких памятников рубежа и первых двух веков н. э., т. е. периода продвижения на эту территорию населения с восточнопоморско-мазовецкой культурой, вероятно, в самом конце II в. н. э., здесь не обнаружено³⁶. Таким образом, для Среднего Поднепровья и Южной Волыни вопрос о том, кем являлось население, находившееся в оживленных контактах с северопричерноморским югом и провинциями империи (свидетельством чего был массовый приток римской серебряной монеты), в настоящее время остается по существу открытым. Во всяком случае это население не было черняховским.

Что касается торговли собственно черняховцев, т. е. населения лесостепи второй половины III и IV в., то она была в основном не денежной, а меновой, за исключением, быть может, самых южных и западных окраин — Прикарпатья и Поднестровья, в том числе и Нижнего, т. е. современной Молдавии. Объясняется это прежде всего общей натурализацией экономики самой Римской империи, что не мешало поддержанию с ней постоянных и достаточно активных торговых связей. Свидетельством этих связей является повсеместное, вплоть до Волыни, распространение амфор — изделий малоазийских центров, в которых привозились вино, вероятно оливковое масло, а возможно, и нефть³⁷. О связях с восточными и западными провинциями империи говорят и многочисленные находки стеклянных сосудов в погребениях и на поселениях. Все они датируются временем не ранее второй половины III—IV в. и являются, по-видимому, изделиями сирийских, египетских и частично западных (Рейн) мастерских³⁸. К этому же времени относятся встречаемые в богатых захоронениях, а иногда и на поселениях стеклянные жетоны для игры в *calculi*, широко распространенной среди представителей знати в Северной и Центральной Европе³⁹. Следует также отметить единичные находки стеклянных пряслиц и подвесок из раковин, равно как и уникальную находку — обрывка золотой парчи в том же Переяславском могильнике⁴⁰; наконец, многочисленные бусы — четырнадцатигранные сердоликовые и стеклянные

³⁵ Там же, стр. 7, 14.

³⁶ М. А. Тиханова. Раскопки поселения... стр. 210.

³⁷ М. Б. Щукин. Вопросы хронологии... стр. 104—113; В. В. Кропоткин. Экономические связи... стр. 55—66; он же. Римские импортные изделия... стр. 9—11.

³⁸ М. А. Тиханова. Из материалов Дубоссарского отряда Молдавской экспедиции. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 94, 96; Э. А. Сымонович. Стеклянные кубки из Журавки. КСИИМК, вып. 102, 1964, стр. 8—12; Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея 1945—1948 гг. МИА, № 103, 1962, стр. 232—234; она же. О стеклянных сосудах с каплями из Причерноморья. СА, 1971, № 4, стр. 92, 100—101; В. В. Кропоткин. Экономические связи... стр. 85, 90; он же. Римские импортные изделия... стр. 30—32. В последнее время высказываются мысли о возможном местном производстве (в связи с открытием стекольной мастерской в Комарове на Днестре) части стеклянных сосудов, находимых на черняховских памятниках (В. В. Кропоткин. Римские импортные изделия... стр. 30), но, как указала Ю. Л. Шапова в личной беседе, материалы Комаровской мастерской технологически резко отличны от черняховских. Ср. точку зрения Э. Страуме (Норвегия), что толстостенные кубки с шлифованными овалами являются продукцией «варварских» мастерских, в том числе и Скандинавии, а также, возможно, Южной России (территория черняховской культуры. — М. Т.): Е. М. Straume. Where Were the Production Centres of the So-Called Oriental Glass from the Late Roman Period in Scandinavia. «Actes du VII Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques». Prague, 1966, 2, 1971, p. 926—928.

³⁹ В Переяслав-Хмельницком могильнике в одном из погребений найден целый набор игры в *calculi*: В. К. Гончаров, С. В. Махно. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького. «Археологія», т. 11, Київ, 1957, стр. 136; Э. А. Сымонович. Игральные счетные жетоны на памятниках черняховской культуры. СА, 1964, № 3, стр. 307—312; В. В. Кропоткин. Экономические связи... стр. 101—102; он же. Римские импортные изделия... стр. 41.

⁴⁰ В. В. Кропоткин. Римские импортные изделия... стр. 36; В. К. Гончаров, С. В. Махно. Указ. соч., стр. 134.

ные⁴¹. Последние являются, по-видимому, изделиями мастерских восточных провинций империи и попадали к черняховцам через северопричерноморские города. Правда, как уже говорилось, нет сомнений, что часть перечисленных видов изделий, как и единичные находки оружия, попадали в лесостепь не столько путем торговли, сколько добывались в военных походах путем грабежа.

В заключение нельзя не остановиться на той роли, которую играли в жизни черняховского общества связи с римским миром. Нет сомнения, что в поддержании торговли с «варварами» в первую очередь была заинтересована сама империя. Но не менее заинтересованной стороной выступала и верхушка черняховского общества. В то же время совершенно неверно было бы не учитывать то культурное влияние, которое оказывали торговые и военные связи с северопричерноморским, восточносредиземноморским, дунайским и западноримским миром на население черняховской культуры. В результате этих связей у черняховцев оказывались искусные ремесленники-гончары, которым обязано население лесостепи рассматриваемого периода как широким внедрением гончарного круга, так и самой конструкцией гончарных печей того типа, который был повсеместно распространен в римских провинциях. И то и другое засвидетельствовано археологически вплоть до северных окраин лесостепи (на Волини — Лепесовка), где встречена керамика, изготовленная на месте, с греческими надписями⁴². Этими связями объясняются подражание черняховской гончарной керамики в формах и орнаментации провинциально римским сосудам — кувшинам, кубкам, чашам, а также воспроизведение в глине металлических и стеклянных сосудов. Это воздействие прослеживается и в обработке цветных металлов, о чем говорит широкое распространение так называемых сплавов черноморского типа, из которых изготовлялись местные ювелирные изделия (фибулы, пряжки)⁴³. То же можно сказать и о черной металлургии⁴⁴. Нельзя не вспомнить о проникновении в лесостепь и отдельных медицинских инструментов, которые здесь также встречаются.

Что касается обмена — торговли черняховцев с другими племенами варварского мира, то пока мы не можем однозначно дать ответ на этот вопрос. Отчетливо выступают связи с северо-западом, нижневислянским и прибалтийским миром, а через него — и с более далекими западными районами. Но были ли это только связи торговые или, как это нам представляется, и этнические и какие формы принимали эти связи, пока неясно. Исследуя изделия из цветных металлов, химики и металлографы указывают, что наиболее ранние черняховские фибулы из многокомпонентного сплава близки, если не тождественны, по своему составу северным балтийско-нижневислянским⁴⁵.

Мы здесь не затронули вопроса о торговых путях. Вопрос этот сложный и требует специального рассмотрения. Одного из этих путей — морского (из устья Рейна — Зеландия — по Балтийскому морю — в устье Вислы и далее вверх по этой реке и Бугу) мы касались ранее⁴⁶.

⁴¹ В. В. Кропоткин. Экономические связи..., стр. 97; он же. Римские импортные изделия..., стр. 34—35. На северо-западных окраинах черняховского ареала известны находки бронзовых котелков — в Рудке, Сераховичах, Городище и Чернице (В. В. Кропоткин. Римские импортные изделия..., стр. 26, 94, 97).

⁴² М. А. Тиханова. Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг. СА, 1963, № 2, стр. 190; она же. Раскопки поселения..., стр. 214. Среди мастеров могли быть и пленные: В. В. Кропоткин. Экономические связи..., стр. 110; М. А. Тиханова. Гончарные печи на поселении у с. Лепесовка. КСИА, вып. 133, 1972.

⁴³ Т. Б. Барцева, Е. Н. Черных. Указ. соч., стр. 99.

⁴⁴ М. А. Тиханова. К вопросу о развитии черной металлургии в черняховской культуре. См. наст. сборник.

⁴⁵ Т. Б. Барцева, Е. Н. Черных. Указ. соч., стр. 101.

⁴⁶ М. А. Тиханова. К вопросу о связях..., стр. 205—206.

Ю. Н. ВОРОНОВ

К ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ АПСИЛИИ
В IV—VII ВВ.

(привозная стеклянная посуда из Цебельды)

Согласно Прокопию Кесарийскому (Bell. goth., VIII, 9, 15—17), Апсилия занимала в VI в. значительную часть Северной Колхиды. Это подтверждается и распространением выразительных памятников цебельдинской археологической культуры II—VII вв.¹ Через территорию Апсилии (Menander, II, 454) в VI—VII вв. проходил важнейший торговый путь, соединявший причерноморские центры Колхиды через Клухорский перевал с Северным Кавказом².

Существование этого торгового пути способствовало оседанию здесь значительного числа импортных изделий, среди которых видное место занимают стеклянные сосуды, находимые как в погребениях, так и на поселениях апсильев (окрестности с. Цебельда). Стеклянная посуда из Цебельды уже получила предварительное освещение в специальной литературе, где она датируется, как правило, IV—началом V в.³ В то же время комплексный анализ условий нахождения этих изделий в могильниках цебельдинской культуры (главным образом Шапкинский могильник) позволяет проследить их поступление в Апсилию на протяжении по крайней мере 350 лет (вторая половина IV—VII вв.)⁴.

В настоящее время с территории Апсилии известно более 50 стеклянных сосудов. Поверхность изделий обычно гладкая и блестящая, интенсивная иризация отмечается крайне редко. Цвет стекла на ранних этапах (IV—VI вв.) обычно оливково-зеленоватый, сосуды из комплексов второй половины VI—VII в., как правило, изготовлены из бесцветного стекла.

¹ Ю. Н. Воронов. История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья (по данным археологии). Автореф. канд. дисс. М., 1971, стр. 27—28.

² На основе анализа археологических данных исследователи делают закономерный вывод, что в VI—VII вв. «здесь проходил постоянно действующий путь из Средней Азии в Византию» (А. А. Иерусалимская. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. СА, 1967, № 2, стр. 72).

³ М. М. Трапш. Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960—1962 гг. ТАИ, XXXIII—XXXIV, 1963, стр. 264, рис. 4, 4—7; Г. К. Шамба. Стеклянная посуда позднеантичной эпохи из раскопок в районе Цебельды в 1962 г. «Тезисы докладов и сообщений научной сессии АГМ». Сухуми, 1965, стр. 31—32; Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, табл. XVII, 11—22; Г. К. Шамба. Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970, стр. 33—39, табл. XIX, 1—5; Н. П. Сорокина. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья. СА, 1971, № 4, стр. 87—100; Ю. Н. Воронов, В. А. Юшин. Погребение VII в. н. э. из с. Цебельда в Абхазии. КСИА, вып. 128, стр. 104, рис. 1, 9; М. М. Трапш. Культура цебельдинских некрополей. ТАИ, II, 1971, стр. 139—142.

⁴ А. К. Амброс. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. СА, 1971, № 2, стр. 107—111, табл. 1.

Анализ стеклянной посуды из Аписилии уже теперь позволяет выделить здесь 9 типов и по меньшей мере 20 вариантов.

Тип 1. Стаканы с округлыми стенками (рис. 1, 2, 11—14; 2, 1—3, 9—11; 3, 1, 2, 4). Выделяется четыре варианта: а) сосуды с синими напаями встречены в комплексах второй половины (рис. 1, 2)⁵ и конца (рис. 1, 11)⁶ IV в., второй половины V в. (рис. 1, 13)⁷, второй половины V—первой половины VI в. (рис. 1, 12)⁸ и середины—второй половины VI в. (рис. 2, 9)⁹; б) сосуды с сотовидной орнаментацией встречены на поселениях в слое второй половины V—первой половины VI в. (рис. 1, 14)¹⁰ и в погребальных комплексах конца V—первой половины VI в. (рис. 2, 2)¹¹, второй половины VI в. (рис. 2, 11)¹² и конца VI—первой половины VII в. (рис. 3, 4)¹³; в) сосуды, украшенные бесцветными нитями встречены в комплексах начала—первой половины VI в. (рис. 2, 1)¹⁴ и второй половины VI в. (рис. 2, 10)¹⁵; г) сосуды с овальной орнаментацией встречены в комплексах конца VI в. (рис. 3, 1)¹⁶ и первой половины VII в. (рис. 3, 2)¹⁷.

Тип 2. Стаканы усеченно-конусовидной формы (рис. 1, 3—10, 15; 2, 7—8). Выделяются два варианта: а) сосуды с синими напаями встречены в комплексах второй половины IV—первой половины V в. (рис. 1, 3, 7—10)¹⁸, второй половины V—первой половины VI в. (рис. 1, 4—5)¹⁹, середины—второй половины VI в. (рис. 2, 7—8)²⁰; б) сосуды без каких-либо украшений встречены в комплексах второй половины V—первой половины VI в. (рис. 1, 6, 15)²¹.

Тип 3. Кубки конической формы (рис. 1, 16—19; 2, 6, 12, 13, 16; 3, 9). Выделяется пять вариантов: а) сосуды с синими напаями и отогнутым краем встречены в комплексах середины—второй половины IV в. (рис. 1, 16, 17)²²; б) сосуды с синими напаями и прямым краем найдены в комплексах второй половины V в. (рис. 1, 18—19)²³ и середины VI в. (рис. 2, 13)²⁴; в) сосуды с овальным орнаментом встречены в комплексах первой половины VI в. (рис. 2, 6)²⁵; г) сосуды с каплевидным отростком на днище и с орнаментацией бесцветными нитями обнаружены в комплексах второй половины VI в. (рис. 2, 12)²⁶ и середины VII в. (рис. 3, 9)²⁷; д) роговидные сосуды с напаянными бесцветными нитями (рис. 2, 16)²⁸ известны в комплексах VI в.

⁵ Комплекс Ахаччарху-30 (Г. К. Шамба. Ахаччарху. ..., табл. XII).

⁶ Комплекс Ахьацараху-16 (А. К. Амброз. Указ. соч., табл. 1, 7).

⁷ Комплекс Ахьацараху-39.

⁸ Комплекс Абгидзраху-31 (А. К. Амброз. Указ. соч., табл. 1, 18).

⁹ Комплекс Церковный холм 4—4 (АГМ).

¹⁰ Пскальская крепость (Ю. Н. Воронов. Указ. соч., стр. 65).

¹¹ Комплекс Абгидзраху-36 (А. К. Амброз. Указ. соч., табл. 1, 23).

¹² Комплекс Ахьацараху-6 (А. К. Амброз. Указ. соч., табл. 1, 28).

¹³ Комплексы Абгидзраху-13 и 44 (А. К. Амброз. Указ. соч., стр. 110, табл. 1, 28).

¹⁴ Комплекс Абгидзраху-9 (А. К. Амброз. Указ. соч., табл. 1, 18).

¹⁵ Комплекс Ахаччарху-2 (Г. К. Шамба. Ахаччарху. ..., табл. IV).

¹⁶ Комплекс Абгидзраху-48 (А. К. Амброз. Указ. соч., табл. 1, 25—26).

¹⁷ Комплекс Апианча-25 (раскопки М. М. Гунба).

¹⁸ Комплекс Алраху-3 (А. К. Амброз. Указ. соч., табл. 1, 7). сборы автора в 50-х годах (АГМ).

¹⁹ Комплексы Алраху-7 и Абгидзраху-41 (А. К. Амброз. Указ. соч., табл. 1, 18, 21).

²⁰ Комплексы Церковный холм 4—3 и 6 (АГМ).

²¹ Комплекс Алраху-5 (А. К. Амброз. Указ. соч., табл. 1, 18), сборы автора в 50-х годах (АГМ).

²² Комплекс Абгидзраху-27 (А. К. Амброз. Указ. соч., табл. 1, 7).

²³ Комплекс Абгидзраху-54, сборы автора в 50-х годах (АГМ).

²⁴ Комплекс Абгидзраху-11.

²⁵ Комплекс Абгидзраху-12 (А. К. Амброз. Указ. соч., табл. 1, 22).

²⁶ Комплекс Церковный холм 4—5 (АГМ).

²⁷ Комплекс Абгидзраху-47 (А. К. Амброз. Указ. соч., табл. 1, 39).

²⁸ Ю. Н. Воронов. Указ. соч., табл. XLVII, 16.

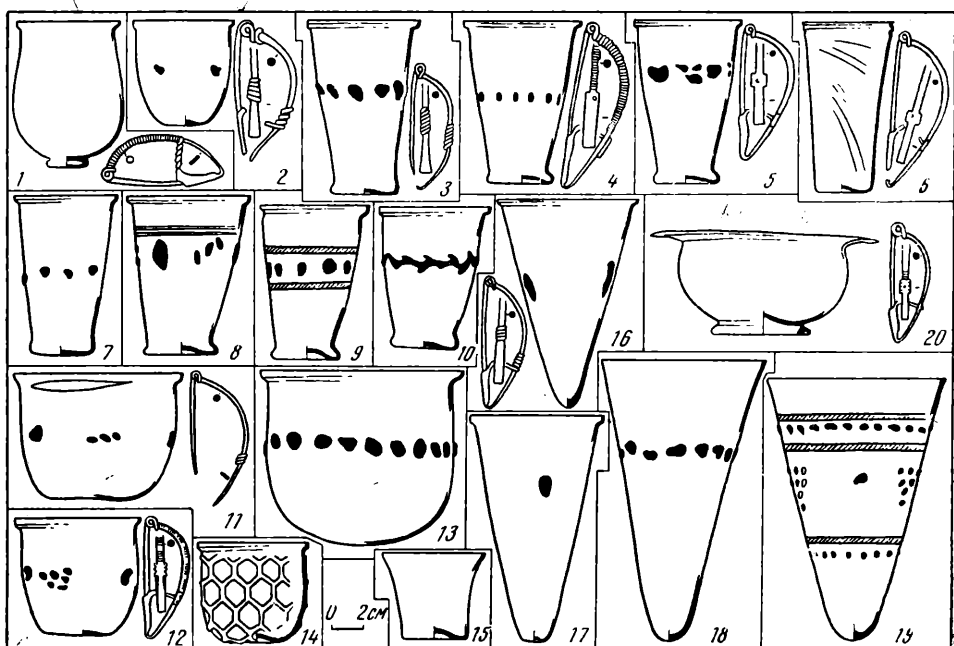

Рис. 1. Стекло́нная посу́да из комплексов IV — V вв. из Це́бельды

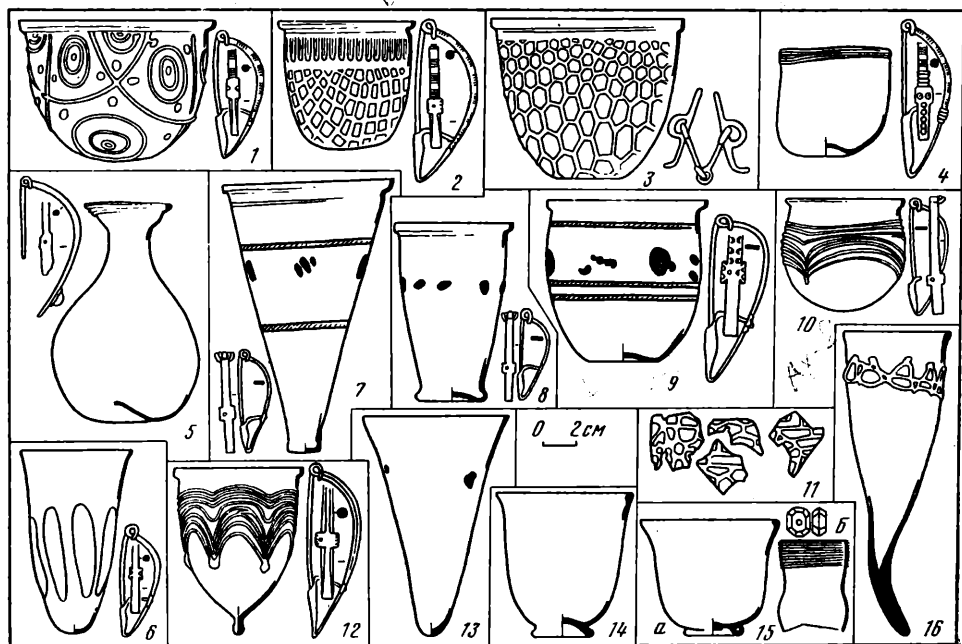

Рис. 2. Стекло́нная посу́да из комплексов VI в. из Це́бельды

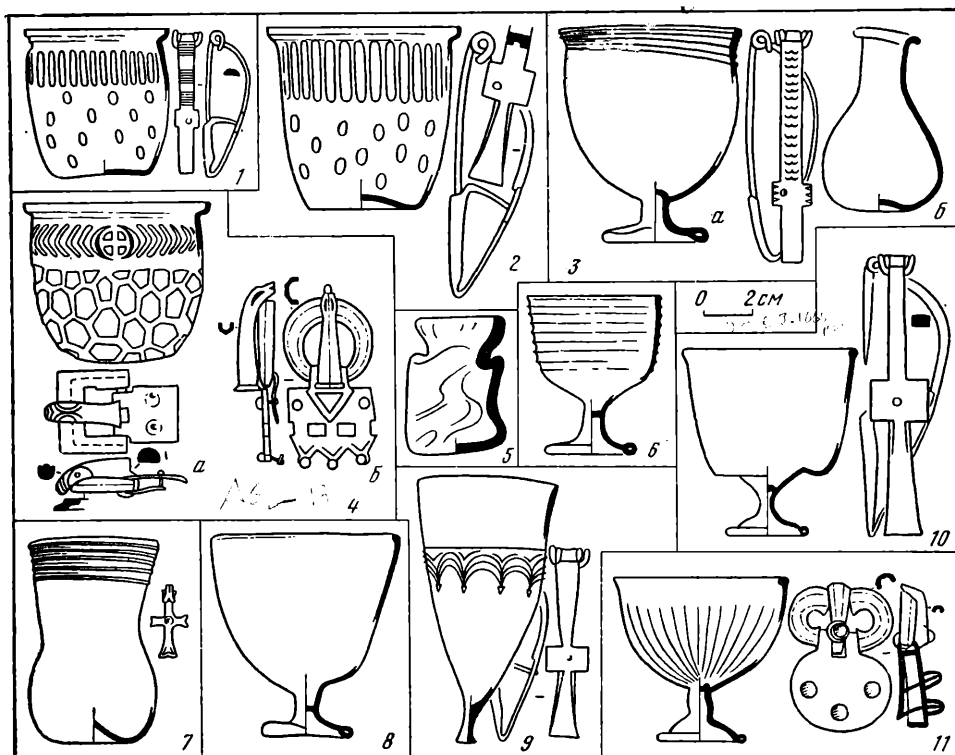

Рис. 3. Стеклопосуда из комплексов конца VI — VII вв. из Цебельды

Тип. 4. Стаканы на низком поддоне двух вариантов: а) сосуды с отогнутым краем встречены в комплексах конца IV—начала V в. (рис. 1, 1) ²⁹; б) сосуды с полым поддоном и прямым краем найдены в комплексах второй половины VI в. (рис. 2, 14, 15а) ³⁰.

Тип. 5. Чаша с полным поддоном найдена в комплексе второй половины—конца V в. (рис. 1, 20) ³¹.

Тип. 6. Стакан с округлыми стенками и пояском из ряда синих напаянных нитей вдоль края встречен в комплексе середины—второй половины VI в. (рис. 2, 4) ³².

Тип. 7. Стаканы с поперечным перехватом и пояском из ряда синих напаянных нитей вдоль края встречены в комплексах второй половины VI—начала VII в. (рис. 2, 15б; 3, 7) ³³.

Тип. 8. Флаконы трех вариантов: а) сосуды с воронковидным венчиком встречены в комплексах второй половины V—начала VI в. (рис. 2, 5) ³⁴; б) сосуды с отогнутым венчиком найдены в комплексах первой половины VII в. (рис. 3, 36) ³⁵; в) сосуды прямоугольных очертаний (рис. 3, 5) ³⁶.

²⁹ Комплекс Ахьацараху-14 (А. К. Амброз. Указ. соч., табл. 1, 15).

³⁰ Ю. Н. Воронов. Указ. соч., табл. XXXIX, 7, 8; XLV, 10, 14; XLVII, 13, 14.

³¹ Комплекс Ахаччарху-32 (Г. К. Шамба. Ахаччарху..., табл. XIV).

³² Комплекс Ауахуамаху-3 (А. К. Амброз. Указ. соч., табл. 1, 29).

³³ Комплекс Абгидзраху-15 (А. К. Амброз. Указ. соч., табл. 1, 30), сборы автора в 50-х годах (Ю. Н. Воронов. Указ. соч., табл. XLVII, 13).

³⁴ Комплекс Ахьацараху-30.

³⁵ Комплекс Абгидзраху-40 (А. К. Амброз. Указ. соч., стр. 110, табл. 1, 38).

³⁶ Случайная находка (Ю. Н. Воронов. Указ. соч., табл. XVII, 12).

Тип. 9. Рюмковидные бокалы встречены в комплексах первой половины (рис. 3, 3а)³⁷, середины (рис. 3, 6, 8, 10)³⁸ и второй половины (рис. 3, 11)³⁹ VII в.

Таким образом, стеклянная посуда в погребениях апсиллов встречается с середины IV в., когда в район Цебельды начинают поступать изделия вариантов 1а, 2а, 3а и 4а. В V в. помимо сохраняющих свое значение изделий вариантов 1а, 2а и 4а появляются сосуды вариантов 2б, 3б, 8а и типа 5. В VI в. наряду с использованием изделий вариантов 1а, 2а, 3б и 8а апсиллы приобретают сосуды вариантов 1б, 1в, 1г, 3в, 3г, 3д и 4б, типов 6 и 7. В комплексах VII в. сохраняются отдельные экземпляры сосудов варианта 1г, изредка встречаются изделия типа 7. Основное значение в VII в. имеют изделия типа 9.

Стеклянные сосуды с каплями синего стекла (варианты 1а, 2а, 3а, 3б) относятся главным образом к продукции восточноримских провинциальных мастерских (Египет, Сирия, Палестина и др.)⁴⁰. Предполагается также возможность производства такой посуды в Северном Причерноморье (Пантикапей или Фанагория)⁴¹. Сосуды с сотовидным орнаментом (вариант 1б) связывают обычно с мастерскими Сирии⁴². Центры производства рюмкообразных сосудов (тип 9) известны на Кипре, в Египте и Сирии⁴³. Использование цветных и бесцветных стеклянных нитей для украшения сосудов отмечено как в сирийских и египетских, так и в западноевропейских мастерских⁴⁴. Украшение сосудов из прозрачного стекла цветными, в частности синими, нитями (типы 6 и 7) имело широкое распространение главным образом в мастерских на Рейне⁴⁵. Сосуд типа 5 также сопоставляется с изделиями кельнского производства⁴⁶.

Проникновение импорта на территорию Апсолии могло осуществляться двумя путями: с Северного Кавказа через Клухорский перевал и со стороны Черноморского побережья, где располагались значительные римские центры Себастополь и Пителинт. При раскопках этих укреплений найдено, в частности, значительное число обломков различных стеклянных изделий (рюмкообразные бокалы, стаканы, флаконы и др.), которые также сопоставляются с продукцией мастерских Сирии, Палестины, Египта и других восточно-римских провинциальных производственных центров⁴⁷. Поступление стеклянной посуды в Апсолию со стороны приморских центров (прежде всего через Себастополь), а не с севера подтверждается сосредоточением основного числа стеклянных изделий на апсильских поселениях, расположенных ближе к морю, а также зарегистрированными в последнее время в Гилячском могильнике отдельными находками стеклянной посуды (сосуды вариантов 1а и 3а), проникавшей на Северный Кавказ «через приморские центры Восточного Причерноморья»⁴⁸, т.е. через Апсолию.

³⁷ Комплекс Абгидзраху-40 (А. К. Амброз. Указ. соч., стр. 110).

³⁸ Комплексы Абгидзраху-17 и Юстинианов холм 3—3, сборы С. И. Четверухина в 50-х годах.

³⁹ Комплекс Юстинианов холм 3—1 (Ю. Н. Воронов, В. А. Юшин. Указ. соч., рис. 41, 9).

⁴⁰ Н. П. Сорокина. О стеклянных сосудах. . . , стр. 100.

⁴¹ Там же.

⁴² Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея 1945—1959 гг. МИА, № 103, 1962, стр. 231—232.

⁴³ Н. П. Сорокина. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 152—153, рис. 9.

⁴⁴ Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея. . . , стр. 234.

⁴⁵ Н. П. Сорокина. Позднеантичное и раннесредневековое стекло. . . , стр. 140.

⁴⁶ Г. К. Шамба. Ахаччарху. . . , стр. 36.

⁴⁷ М. М. Трапш. Древний Сухуми. Сухуми, 1969, стр. 338.

⁴⁸ Н. П. Сорокина. О стеклянных сосудах. . . , стр. 100.

В. И. РАСПОПОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
О СОГДИЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ

Важная роль согдийцев в международной торговле с первых веков н. э. до времени арабского завоевания освещена письменными источниками. Данные этих источников нашли отражение во всех сводных трудах по истории Средней Азии и прежде всего — в классических работах В. В. Бартольда, где истории согдийской торговли и согдийской колонизации посвящены яркие страницы, обобщающие результаты исследований Э. Шаванна, П. Пелльо и других ученых¹. В. В. Бартольд отмечает два направления торговли согдийцев: восточное — со странами Дальнего Востока и западное — с Византией. К последним векам до н. э. относится возникновение караванного пути между странами Дальнего и Ближнего Востока. «Старые согдийские письма», относящиеся, как позднее установил В. Б. Хеннинг², к началу IV в. — «первый вещественный памятник» участия согдийцев в торговле с Китаем. В. В. Бартольд отмечает возникновение согдийских колоний на всех торговых путях в Китай. Происходит постепенное передвижение главных торговых путей с юга на север, и в связи с этим меняется степень участия в этой торговле отдельных народностей. «В последние века домусульманского периода роль посредников в караванной торговле между Востоком и Западом постепенно переходит от населения Ирана и Афганистана к согдийцам и более северным народам. Главным предметом вывоза из Китая был шелк»³. В. В. Бартольд отмечает скудость сведений о торговле шелком и о возникновении под влиянием этой торговли шелководства в Средней Азии.

В последние десятилетия в научный обиход вошли новые письменные источники, содержащие сведения, которые характеризуют торговлю в Средней Азии в эпоху раннего средневековья. Это Самаркандский договор 712 г., исследованный О. И. Смирновой⁴, и документы с горы Муг, прочитанные и интерпретированные А. А. Фрейменом, В. А. Лившицем, О. И. Смирновой, М. Н. Боголюбовым⁵. Интересно исследование «Золотые персики Самарканда»⁶ американского Китаиста Э. Шефера — ученика Б. Лауфера, автора «Sino-Iranica». Шефер отмечает большую роль согдийцев в торговле и в культурном воздействии Запада на Китай.

¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II. Л., 1927, ч. 1, стр. 182 и сл.; он же. История Туркестана (конспект лекций). Соч., т. II, ч. 1, стр. 114.

² W. B. Henning. The date of the Sogdian Ancient Letters. BSOAS, 1948, v. XII, pt. 3—4, p. 601—615.

³ В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 1, стр. 184.

⁴ О. И. Смирнова. Очерки из истории Согда. М., 1970, стр. 203 и сл.

⁵ «Согдийские документы с горы Муг», вып. I—III. М., 1962—1963.

⁶ E. H. Schafer. The Golden Peaches of Samarkand. A Study of Tang Exotics. Berkeley—Los Angeles, 1963.

Археологическими работами послевоенных лет накоплен значительный материал по внешней и внутренней торговле Согда, который не только может служить иллюстрацией к письменным источникам, но дополняет и изменяет ранее сложившиеся в науке представления. До сих пор мы знали согдийцев как посредников в торговле шелком между Китаем и Византией. Теперь установлено, что среднеазиатские купцы торговали также серебряными сосудами, как привезенными из Ирана и Византии, так и собственного производства, с народами Приуралья. С. П. Толстов, В. А. Лившиц и В. Г. Луконин прочитали надписи на серебряных сосудах⁷. Выяснилось, что многие из этих сосудов, найденных на Урале, имели согдийские и хорезмийские надписи. Так, например, блюдо с изображением Венеры и Анхиза, найденное на Урале, в дер. Кипчики, в 30 км от Кунгура, было изготовлено в Константинополе около 550 г.⁸ и вскоре попало в сокровищницу государя Бухары, о чем свидетельствует согдийская надпись, выполненная бухарским письмом: «Государь Бухары δΖWY». По палеографическим данным надпись сделана не позднее конца VI—начала VII в.⁹

Помимо серебряных сосудов, изготовленных в византийских мастерских и попавших в Согд, у нас имеются еще некоторые данные о связи Согда и Византии в VII в., хотя письменные источники свидетельствуют о контактах Византии со Средней Азией только в 60—70 годах VI в. Так, среди подъемного материала на городище Варахша найдены две пряжки, одну из которых можно считать привезенной из Византии, а другую, вероятно, изготовленной согдийским мастером по византийскому образцу. На одном из пенджикентских хумов имеется отпечаток пряжки, которая примыкает к весьма распространенной группе византийских пряжек «коринф». И, наконец, еще одна пряжка, связанная с византийским ремеслом, найдена на городище Кызыл-Кыр в Бухарской обл. Все эти пряжки датируются VII в.¹⁰ Около половины византийских монет и их подражаний, найденных на территории Средней Азии, также выпущены в VII в.¹¹ Византийские вещи, видимо, хорошо были известны в Средней Азии и высоко ценились, так как здесь им подражали. Таковы, например, золотые брактеаты, серебряный кувшин из с. Покровского с подражанием византийским штампам на дне; к числу таких предметов относятся также и некоторые бронзовые пряжки.

А. А. Иерусалимской установлено, что среди тканей, найденных в замке на горе Муг, есть шелковый фрагмент из Антинои. На росписях Балалык-тепе (конец VI—начало VII в.) изображены египетские и византийские ткани. Образец византийской ткани с «сердечком» того же типа, что и на росписи Балалык-тепе, найден в Дуньхуане. На стеновых росписях Варахши и Пенджикента изображены как византийские ткани, так и согдийские, испытавшие на себе влияние византийского текстиля¹².

⁷ С. П. Толстов. Монеты шахов Древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. ВДИ, 1938, № 4, стр. 120—145; он же. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 192—194; В. А. Лившиц, В. Г. Луконин. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах. ВДИ, 1964, № 3, стр. 155—176.

⁸ А. В. Банк. Византийское искусство в собраниях СССР. Л.—М., 1965, стр. 288, табл. 77.

⁹ В. А. Лившиц, В. Г. Луконин. Среднеперсидские и согдийские надписи... стр. 165—167.

¹⁰ В. И. Распопова. Византийские поясные пряжки в Согде. КСИА, вып. 114, 1968, стр. 34—36.

¹¹ М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики. «Труды САГУ», н. с., вып. XXIII, 1951, стр. 91—101; В. В. Кротова. Клады византийских монет на территории СССР. САИ, вып. Е4-4, 1962, стр. 46, 47, 51.

¹² А. А. Иерусалимская. «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ (К выставке «Сокровища искусства Древнего Ирана, Кавказа, Средней Азии»). Л., 1972;

Византийские ткани и предметы византийской торевтики могли привозить в Согд как непосредственно из Византии, так и через посредников. Находки в Согде скромных бронзовых пряжек византийских типов, как и найденная в Чилеке медная византийская монета, свидетельствуют скорее о существовании непосредственных связей Византии со Средней Азией в VII—начале VIII в.

А. А. Иерусалимская, исследовавшая материалы из погребений северокавказских могильников VII—IX вв., установила, что «среди найденных в северокавказских могильниках шелковых тканей преобладают согдийские (почти 60% шелкового импорта), китайские (18—20%) и византийские (около 25%)»¹³. Согдийские ткани «занданечи» попадали в Западную Европу, где высоко ценились и сохранялись до наших дней в сокровищах и раках европейских соборов¹⁴. Согдийские шелка найдены и на Востоке, в Дунхуане. Все это показывает, что в торговле шелком согдийцы были не только посредниками, причем удельный вес согдийских тканей в мировой торговле был довольно высоким.

Надо отметить, что шелк в эпоху раннего средневековья ценился дорого. В Самаркандском договоре 712 г. приводятся следующие цены: «И то из этого, что в качестве джизии с его земли будет дано рабами, зачтется ему каждая голова за двести дирхемов; а что (будет дано) большими штуками тканей, каждый из которых (зачтется) — за сто дирхемов, а малый — за шестьдесят дирхемов, что (будет дано) шелком, то каждый отрез (зачтется) за двадцать восемь дирхемов, а что червонным золотом — каждый мискаль за двадцать дирхемов, а чистым серебром — мискаль за мискаль»¹⁵. А. М. Беленицкий обратил внимание на сообщении Табари под 737 г. о том, что каган торговец Курсул выдавал в виде жалованья воинам «кусок шелка, а каждый (кусок) стоил 25 дирхемов»¹⁶.

Торговля с Византией шла через Северный Кавказ, по пути, которым следовало посольство Земарха и который описан у Менандра. Этим путем пользовались не только согдийские, но также и китайские купцы. В Мошевой Балке найдено погребение китайского купца VIII в.¹⁷ Караваны попадали в причерноморские порты, откуда уже по морю переправлялись в Византию. Вероятно, здесь существовали согдийские фактории, что засвидетельствовано в названии порта Судак — Сугдак¹⁸.

В VII в. среднеазиатские купцы осваивают также северный путь. В Прикамье они везли серебряные сосуды, изготовленные в Иране и Византии, а также посуду местной согдийской и хорезмийской работы. Как показал В. Ю. Лещенко, начало импорта серебряных сосудов приходится на VII в. и «основную роль в поступлении серебряного импорта на Урал на протяжении всего периода VII—XII вв. играли торговые пути из Средней Азии в Волжскую Болгарию»¹⁹.

Скорее всего к началу VIII в. относится распространение в Прикамье наборных поясов сибирско-среднеазиатского типа. Вероятно, пояса по-

она же. К вопросу о связях Согда с Византией и Египтом. «Народы Азии и Африки», № 3. М., 1967, стр. 119—126.

¹³ А. А. Иерусалимская. «Великий шелковый путь...», стр. 5; она же. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. СА, 1967, № 2, стр. 55—78.

¹⁴ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович. Из истории среднеазиатского шелкоткачества. СА, 1961, № 2, стр. 66—78.

¹⁵ О. И. Смирнова. Очерки из истории Согда, стр. 208; А. М. Беленицкий текст, относящийся к тканям, переводит следующим образом: «Что касается больших одежд, то каждая (будет оценена) в 100 дирхемов, а малая в 60 дирхемов, каждый кусок шелка (пойдет) за 28 дирхемов» (А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович. Указ. соч., стр. 71).

¹⁶ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович. Указ. соч., стр. 71.

¹⁷ А. А. Иерусалимская. «Великий шелковый путь»... стр. 6.

¹⁸ В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 1, стр. 550, 814—815; т. III, стр. 489—490.

¹⁹ В. Ю. Лещенко. Восточные клады на Урале в VII—XIII вв. (по находкам художественной утвари). Автореф. канд. дисс. Л., 1971.

падали в Прикамье через согдийских купцов. Так, в Прикамье найдены пряжки с флестончатой рамкой²⁰, которые не характерны для тюрок. Находки похожих пряжек известны в Пенджикенте. Отметим, что в прикамских погребениях встречаются как целые привозные пояса, так и местные с характерными ломоватовскими наборами²¹. Естественно предположить, что из лесного Приуралья среднеазиатские купцы вывозили меха, как это засвидетельствовано для более позднего времени:

Расцвет согдийской торговли и возникновение ее северных путей связаны со сложением в степях тюркских каганатов. Тюркские каганы покровительствовали согдийской торговле и колонизации, так как колонизационная деятельность согдийцев и их международная торговля, осуществлявшиеся по путям, проходившим через степь, были политически выгодны и приносили доходы тюркским каганам²². Согдийская колонизация шла по путям караванной торговли. Археологическое исследование Семиречья показывает, что в VII—VIII вв. согдийские колонии представляли собой целые города²³, в которых согдийские колонисты занимались земледелием, ремеслом и торговлей.

Новые материалы о согдийской колонии в Дуньхуане середины VIII в. опубликованы в прошлом году Л. И. Чугуевским²⁴. Это четыре фрагмента свитка на китайском языке, в котором содержатся результаты переписи мужчин пяти деревень Дуньхуанского уезда. В одной из этих деревень Цунхуасян, где проживали согдийцы, переписано 236 человек мужского населения. Интересно, что в этой деревне живут выходцы из разных областей Средней Азии. Согдийцы деревни Цунхуасян занимались земледелием, но оно играло здесь меньшую роль, нежели в других деревнях Дуньхуанского уезда. Интересно, что в Цунхуасян нет лиц, связанных с обслуживанием ирригационной системы, но зато есть должности, связанные с контролем за торговлей, которых нет в других деревнях. Эта согдийская колония находилась в непосредственном соседстве с почтовой станцией. Жители этого селения сами занимались торговлей и выступали в качестве посредников и поручителей приезжих купцов.

Согдийцы, жившие далеко от метрополии, поддерживали с ней постоянную связь. «Старые согдийские письма» свидетельствуют об обширных торговых операциях в Восточном Туркестане, которые проводили контрагенты самаркандских купцов. Это показывает, что доходы от торговли в согдийской диаспоре частично шли в метрополию. Э. Шафер отмечает, что в танском Китае не гарантировалась сохранность имущества чужеземцев²⁵. Когда умирал иностранец, даже имевший наследника, его имущество часто конфисковывалось государством. Такая практика также должна была способствовать оттоку доходов от торговли в Китае в Среднюю Азию. Учитывая размах согдийской торговли, можно представить, что эти доходы составляли крупную сумму. Л. И. Чугуевский приводит

²⁰ Р. Д. Голдина. Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме. ВАУ, вып. 9, Свердловск, 1970; В. Б. Ковалевская. К вопросу о «поломской культуре». МИА, № 169, 1969, рис. 1, 8.

²¹ В. Ф. Генинг. Деменковский могильник — памятник Ломоватовской культуры. ВАУ, вып. 6. Свердловск, 1964, рис. 6, 8.

²² С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

²³ А. Н. Бернштам. Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 34—42; МИА, вып. 14, 1950; Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. «Труды КАЭЭ», т. II. М., 1959; В. И. Распопова. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. «Труды КАЭЭ», т. IV. М., 1960; П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города Чуйской долины. Фрунзе, 1959.

²⁴ Л. И. Чугуевский. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана. СИНВ, вып. X. М., 1971, стр. 147—156.

²⁵ E. H. Schafer. The Golden Peaches of Samarkand. . . , p. 25, 285.

следующие данные: в 728 г. в уезде Цзинмань округа Тинчжоу поступление налогов составляло 259 650 вэней, из которых на местных крестьян приходилось менее $\frac{1}{3}$, остальное падало на иноземных купцов и купцов-китайцев²⁶.

Отметим археологические находки, свидетельствующие о торговле с Китаем. Это прежде всего довольно обширная коллекция китайских шелков, найденных на горе Муг²⁷. Здесь же имеется фрагмент картины на шелку²⁸, лаковые изделия²⁹. Торговали также бумагой. Даже исписанная по одной стороне бумага находила спрос в Согде³⁰. Имеются находки танских зеркал³¹. В Пенджикенте в стене дома VII в. был найден фрагмент китайского лакового сосуда.

В самом Китае обнаружены агатовый ритон, который китайские археологи считают привезенным из Средней Азии, а также несколько среднеазиатских серебряных сосудов³². В коллекции из Дуньхуана имеются образцы «занданечи». В китайском прикладном искусстве, в частности в торевтике³³ танского периода, наблюдается сильное согдийское влияние. В свою очередь в согдийском искусстве имеются точки соприкосновения с китайским искусством; в частности, на стене помещения VI объекта Пенджикента мы видим изображение китайского чиновника, сохраняющее характерные черты китайской живописи³⁴.

Археологические материалы подтверждают те многочисленные и интересные сведения о внешней торговле согдийцев, которые содержатся в письменных источниках, но, кроме того, они показывают, что согдийские купцы во внешней торговле выступали не только в качестве посредников, но в значительной мере вывозили на Восток, Запад и Север продукцию своих ремесленников. Таким образом, археология доказала связь согдийской внешней торговли с согдийским ремеслом, что не нашло отражения в письменных источниках. В равной мере только археологические материалы свидетельствуют о торговле в VII—VIII вв. с Византией и об освоении в VII в. торгового пути в Приуралье.

Купцы вели образ жизни, мало чем отличавшийся от образа жизни аристократии. Тратя свои доходы от внешней торговли внутри страны, они увеличивали платежеспособный спрос на изделия местных ремесленников. Таким образом, внешняя торговля стимулировала развитие ремесла и внутренней торговли.

VII век — век больших перемен во всех сторонах жизни Согда. На это время падают освоение северокавказского и камского торговых путей, массовая колонизация восточных областей, бурный рост городов, серийный выпуск мелкой разменной монеты. К тому же времени относятся расцвет монументального и прикладного искусства, сложение единого стиля керамики.

²⁶ Л. И. Чугуевский. Новые материалы... стр. 152.

²⁷ М. П. Винокурова. Ткани из замка на горе Муг. «Изв. ООН АН Тадж. ССР», вып. 14, 1957.

²⁸ А. А. Иерусалимская. «Великий шелковый путь»... стр. 14.

²⁹ Коллекция с горы Муг хранится в Отделе Востока Гос. Эрмитажа, № СА 9151—9154 — лаковые изделия.

³⁰ А. С. Поляков. Китайские рукописи, найденные в 1933 г. в Таджикистане. СС. Л., 1934, стр. 116.

³¹ В. И. Распопова. Зеркала из Пенджикента. КСИА, вып. 132, 1972, стр. 69.

³² Е. И. Лубо-Лесниченко. Археологические работы в Китае в 1966—1971 гг. Доклад на заседании сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР 18 февраля 1972 г.; Б. И. Маршак. Согдийское серебро. М.—Л., 1971, стр. 31, 33, 50.

³³ Там же, стр. 47—59; А. S. Melikian-Chirvani. Iranian Silver and Its Influence in Tang China-Pottery and Metalwork in Tang China. A Colloquy Held «29 June to 2 July 1970». «Colloquies on Art and Archaeology in Asia». London, 1971, p. 9—15.

³⁴ А. М. Беленицкий. Об археологических работах Пенджикентского отряда в 1958 г. «Труды Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР», т. XXVII. Сталинабад, 1961, стр. 94, рис. 6.

Наиболее изученным городом VII—VIII вв. является Пенджикент, где исследовано более $\frac{1}{4}$ территории шахристана. Здесь раскопаны десятки торгово-ремесленных заведений, расположенных вдоль улиц, и два базарчика, найдено более 4000 монет, нередко находки каменных гирь с указанием точного веса. Все это свидетельствует об оживленной розничной торговле в городе. Большая часть мастерских и лавок первой четверти VIII в. примыкала к богатым жилищам, но не была связана с ними проходами. В отдельных случаях удалось проследить, что мастерские и лавки были предусмотрены при планировке богатых домов.

Особенно характерен в этом отношении базарчик, выходящий на улицу, ведущую от южных ворот города к площади перед храмами³⁵. Он примыкал к глухому фасаду одного из наиболее богатых жилищ Пенджикента. Северная и южная стены базара являются продолжением стен этого дома. Базар и дом выстроены по общему плану на земле, по-видимому принадлежавшей одному владельцу. Помещения лавок и мастерских базарчика скорее всего сдавались в аренду ремесленникам и торговцам.

Можно предположить, что почти все лавки и мастерские Пенджикента сдавались в аренду ремесленникам и мелким торговцам. Владельцы этих лавок и мастерских были людьми состоятельными, о чем можно судить по их жилищам больших размеров со стенами, покрытыми росписями. Доходы от арендной платы были немалые, как об этом можно судить по «Истории Бухары» Наршахи. О. Г. Большаков и А. М. Беленицкий показали, что у Наршахи речь идет о доходах, получаемых от сдачи в аренду земельных участков под постройки, мастерских или торговых помещений, которые сдавались в аренду под жилье³⁶.

О том, что в Пенджикенте существовала практика сдачи в аренду производственных построек, мы знаем из согдийских документов³⁷.

Большинство торговых и производственных помещений имели широкие дверные проемы, выходящие на улицу. Прослежены и ямки от столбов перед входами в мастерские, имевшие навесы (айваны). Можно предполагать, что торговля велась при открытых дверях, часто под навесами. Для многих мастерских в отличие от жилых помещений характерно обилие монетных находок.

Таким образом, в Пенджикенте ремесленник и торговец сочетались в одном лице. Это характерно для мелкого товарного производства. Зависимость ремесленников от городских землевладельцев была прежде всего экономической, поскольку торгово-ремесленные заведения располагались на арендованной земле.

Хозяева дома, к которому примыкал базар, имели, вероятно, какое-то отношение к торговой деятельности. Это как будто подтверждается раскрытием сюжета росписи стен помещения 10, которое являлось домашним святилищем. У его восточной стены был алтарь. На сохранившемся в юго-восточном углу помещения участке росписи изображена пиршественная сцена. Здесь были изображения семи мужских фигур — участников пиршества, одетых в богатые одежды, подпоясанных наборными поясами, к которым горизонтально подвешены кинжалы в ножнах, футляры и кошельки. А. М. Беленицкий предполагает, что на этих «росписях художник изобразил сцену пиршества богатых купцов»³⁸. Кошельки у пояса и

³⁵ В. И. Распопова. Один из базаров Пенджикента VII—VIII вв. СИНВ, вып. X, стр. 67—82.

³⁶ А. М. Беленицкий. Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента. СА, 1965, № 3, стр. 189—191.

³⁷ В. А. Лившиц. Юридические документы и письма. «Согдийские документы с горы Муг», вып. II. М., 1962, стр. 57—61.

³⁸ А. М. Беленицкий. Работы Пенджикентского отряда в 1961 г. «Труды Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР», т. XII. Душанбе, 1964, стр. 75; цветное воспроизведение этих росписей опубликовано: А. Belenitsky. Central Asia. Geneva—Paris, 1968, pl. 144—145.

отсутствие мечей отличают этих пирующих от множества других изображений знатных согдийцев.

Данная роспись одновременно иллюстрирует как сходство в образе жизни знати и купечества, так и, по-видимому, их сословное различие. Это соответствует той характеристике социальной верхушки Согда, которую на основании анализа письменных источников дал В. В. Бартольд: «Особое место, по-видимому, занимала денежная аристократия, т. е. купцы, разбогатевшие благодаря караванной торговле с Китаем и другими странами. В рассказе о выселении согдийцев эти купцы названы у Табари рядом с «царями»; рассказ Нершахи о бухарских купцах свидетельствует, что они владели обширной недвижимой собственностью, жили в замках и по своему положению мало отличались от дикханов. Итак, мы имеем здесь дело с отдельными богачами, интересы которых были тождественны интересам аристократии, а не с многочисленным торгово-промышленным сословием, как в мусульманский период. Об антагонизме между дикханами и купцами мы не имеем никаких известий»³⁹. Что касается «многочисленного торгово-промышленного сословия», то оно, как это видно из раскопок в Пенджикенте, и в домусульманский период играло большую роль в городе, но резко отличалось от богатых купцов, составлявших «денежную аристократию» города.

В Пенджикенте, в шахристане, впервые раскопаны доисламские базарные улицы. Это заставляет пересмотреть установившуюся точку зрения на базары, которые, по сообщениям письменных источников, находились вне городских стен. Ранее их рассматривали как единственные базары той эпохи. Между тем, большие базары были периодическими, а постоянная торговля велась внутри городских стен на базарных улицах. Такая торговля была для современников настолько ординарным явлением, что о ней нет прямых упоминаний в письменных источниках. Интересен топоним «базар Самаркандского Согда», засвидетельствованный в вакуфных документах XI в.⁴⁰ Этот базар находился вне стен домусульманского Самарканда. К XI в. на его территории возникло несколько кварталов рабада, но можно предположить, что в более раннее время здесь собиралась ярмарка всего Самаркандского Согда.

В Пенджикенте наряду с местными монетами найдено примерно такое же число самаркандских и значительно меньше монет из Чача, Усрушаны, Семиречья, Ферганы, Бухары (?), Хорезма, Китая⁴¹. Единичные находки бронзовых самаркандских монет засвидетельствованы в Северном Хорезме, в кургане на Сырдарье, в Фергане, в Вахшской долине, в Сузах⁴². Пенджикентская монета найдена в Вахшской долине. Эти находки показывают, что мелкая монета была допущена к хождению за пределами княжества, где была выпущена. Но в то же время резкое преобладание местных монет показывает четко очерченные ареалы обращения медной монеты. Наибольшее число монет из других районов в Пенджикенте приходится на чачские, что указывает на направление связей. Но в то же время малочисленность находок монет из других районов свидетельствует, что в VII—VIII вв. еще не существовало единого рынка, а каждый район жил своей обособленной жизнью. Безусловно, в горных районах гос-

³⁹ В. В. Бартольд. Соч., т. II, стр. 239.

⁴⁰ О. Г. Большаков. Два вафа Ибрагима Тамгач-хана в Самарканде. СИНВ, вып. X. М., 1971, стр. 170—178.

⁴¹ О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963. Находки монет 1957—1971 гг. из раскопок Пенджикента дают такое же соотношение.

⁴² А. В. Гудкова. Ток-кала. Ташкент, 1964, стр. 112; Т. Агзамходжаев. Бронзовые украшения из Тюябугуза. ИМКУ, вып. 5. Ташкент, 1964, стр. 91, монета Тукаспадка; Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962, стр. 96; Т. И. Зеймаль. Вахшская долина в древности и раннем средневековье. Автореф. канд. дисс. Л., 1969, стр. 5.

подставало натуральное хозяйство. В Мадме Ю. Якубовым раскопаны дворец с обширными хранилищами (возможно, летняя резиденция Деваштича) и несколько крестьянских домов с большими кладовыми⁴³. Монета здесь найдена только одна, а керамика преобладает лепная. В руках феодалов, судя по документам с горы Муг, скапливались большие запасы сырья и продовольствия, полученные в качестве ренты (?). Однако мы не знаем, какая часть этих запасов предназначалась для собственного использования, а какая шла на продажу. В то же время в условиях города Деваштич выступает как покупатель не только ремесленной продукции, но и скота.

Согдийское общество эпохи раннего средневековья было проникнуто духом торговли. Это бросалось в глаза иностранцу. Недаром китайский автор VII в. сообщает о согдийцах: «Жители все — искусные торговцы; когда мальчику исполняется пять лет, его начинают учить грамоте, когда он начинает читать, его заставляют учиться торговому делу; прибыль высоко ценится большинством жителей»⁴⁴. Это было общество, где продавалось и покупалось все — начиная от башмаков за 1 драхму для государя, в покупке которых перед Деваштичем отчитывался один из его чиновников, и кончая половиной науса для погребения.

О значении купечества свидетельствует наименование Пайкенда «городом купцов». Этот важный торговый центр составлял особое владение. В Суй-шу сообщается о нем: «Оно не имеет государя, а находится под аньской (т. е. бухарской) державой»⁴⁵. В период арабского завоевания там также не было владельца⁴⁶. В Пайкенде выпускалась собственная медная монета, отличавшаяся по легенде от остальных среднеазиатских монет того времени. Легенда состоит из одного слова «Пайкенд» и не содержит имени или титула какого-либо правителя⁴⁷.

Таким образом, археологические источники существенно пополняют данные о внешней торговле Согда и дают возможность представить внутреннюю торговлю в ее связи с ремеслом.

⁴³ Ю. Якубов. Паргар в VII—VIII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1969. О том, что при раскопках Гардани-Хисор найдена всего лишь одна монета, мне любезно сообщил Ю. Якубов.

⁴⁴ В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 1, стр. 190.

⁴⁵ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 282.

⁴⁶ В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 1, стр. 239; т. V, стр. 289—290.

⁴⁷ В. А. Лившиц, В. Г. Луконин. Среднеперсидские и согдийские надписи. . . , стр. 167, прим. 91.

Р. М. ДЖАНПОЛАДЯН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТОРГОВЛИ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ

В средневековье через Армению проходили магистральные торговые пути Передней Азии. Одна дорога шла с запада Малой Азии на Дальний Восток через Иран, Индию. Другая — на юг через Иран и Сирию к Персидскому заливу и в Северную Африку. Дорога на север, в восточную Европу, проходила через Северный Кавказ¹.

Культурно-экономическая жизнь страны, находившейся в центре транзитной торговли, во многом зависела от направления торговых путей и их интенсивности. Если историческая обстановка складывалась так, что эти пути проходили по югу страны, то богаче становились южные города; когда же торговые пути меняли свое направление на север, то цвели и множились северные города. Интенсивность торговли ускоряла и развитие товарного производства, способствовала образованию национального рынка и расширению экономических связей между различными странами. В этой международной торговле участвовали и армянские купцы. Торговали они как своими товарами (ковры, ткани, лошади, минеральные и растительные краски, серебро, медь, ртуть и др.), так и теми, которые приобретали на рынках и ярмарках (южные пряности, благовония, китайский шелк, византийская парча, северная пушнина).

Внутренняя торговля в городах Армении была развита сравнительно слабо и по своей интенсивности уступала внешней. Такие города, как Двин и Мцбин, находившиеся на узловых пунктах транзитных путей, имели особое право международного обмена.

Двин — один из крупнейших торговых городов Передней Азии и Армении — с середины V в. становится центром экономической и культурной жизни Армении. В течение своего более чем тысячелетнего существования город был административным центром армянских царей, персидских и арабских наместников и других правителей. Неоднократно изменялось его политическое значение, но, несмотря на это, в течение всей жизни города экономическая его роль оставалась стабильной². В VI в. Двин был уже большим городом с многонациональным населением, с широкими международными торговыми связями. Далекое за пределами Армении пользовались известностью ремесленное производство двинских мастеров — шелковые и шерстяные ткани, ковры, вышивки, которые ценились очень высоко³.

Писатель и географ первой половины X в. в Абу-Исахак ал-Истархи

¹ Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э.—XV в. н. э.). Ереван, 1954, стр. 233 и др.

² Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении... стр. 103, 110.

³ К. Г. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952, стр. 11—35; А. М. Шахнаварян. Двин, историко-географический очерк. Ереван, 1940.

в своей «Книге путей царств» пишет о Двине (Дабиле) следующее: «Дабил больше Ардабила: город этот служит столицей Армении и в нем дворец правителя... Вокруг Дабилы стена очень высокая, здесь много христиан, и соборная мечеть города рядом с церковью. В этом городе выделяются шерстяные платья и ковры, подушки, сиденья, шнуры и другие предметы армянского производства. У них же добывается краска, называемая «кирмаз», и ею красят сукно. А кроме того, узнал я, что там же выделяют много шелковых материй... Город постоянно находился в руках знатных христиан»⁴.

Изучение богатого нумизматического материала из раскопок Двина также дало интересную картину истории денежного обращения, связанного с торговыми путями Передней Азии с V по XIII в.⁵ Так, согласно этим данным, в V—VII вв. на двинском рынке одновременно котировались как византийские дукаты, так и сасанидские динары. В одном из кладов VII в., найденном в Двине, имелись монеты со штампами более 30 иранских городов. Старая денежная система долгое время сохранялась арабами и после завоевания Ирана и Армении, пока в VIII в. не была утверждена единая монетная система в халифате, при которой основной монетной единицей стал серебряный дирхем. В середине VIII в. в Двине появляется свой монетный двор, однако в то же время здесь имели обращение не только дирхемы местного чекана, но и других мусульманских монетных дворов. В одном из кладов VIII в. имеются монеты 17 городов, в числе которых были такие, как Балх, Шаш, Ифрикия и др.

В IX—X вв. международной валютой были золотые и серебряные монеты, а медные предназначались лишь для внутреннего обращения, однако с XI и до начала XIII в. во время серебряного кризиса серебряные дирхемы исчезают и вместо них чеканятся медные⁶. В результате кропотливой работы, проведенной Х. А. Мушегяном, было выяснено, что дирхемы двинской чеканки обращались далеко за пределами Закавказья. По их находкам можно проследить и торговые пути двинских купцов. На основании найденных кладов, в которых были дирхемы) Армении IX в., устанавливаются торговые связи с Восточной и Северной Европой. Такие монетные клады были найдены в Старой Ладге, Угличе, Новгороде, Москве, Киеве, Финляндии (на о-ве Аланд), Швеции (на о-ве Готланд)⁷.

Рост товарного производства во многом способствовал развитию городов нового типа, в которых основная жизнь из бывшего административного центра переходит в торгово-производственное предместье.

Так создававшаяся в X—XI вв. историко-политическая обстановка, связанная с ослаблением Арабского халифата, усилением Византийской империи и Багратидского царства в Армении, дала новый толчок развитию торговли в северных областях Армении. Один из главных международных путей из Ирана стал проходить через Двин к Черному морю, другой — через Двин на север Партав — Северный Кавказ — в Восточную Европу. Среди городов, расположенных на этих путях, развиваются и процветают города Северной Армении: Ани, Карс, Арцн.

По свидетельству византийского хроника Георгия Кудрина, Арцн был городом «богатым, с многочисленным населением; там жили купцы местные и большое число сирийцев, армян и других народов; сильные

⁴ И. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении, Азербайджане. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXIX. Тифлис, 1901, стр. 19.

⁵ Х. А. Мушегян. Денежное обращение Двина по нумизматическим данным. Ереван, 1962, стр. 8—33.

⁶ Х. А. Мушегян. Денежное обращение Двина... стр. 26—27.

⁷ Там же, стр. 156—165.

своей численностью, они не находили нужным жить внутри стен». Армянские историки Аристакес Ластивертский и Матвей Едесский также писали о международной торговле Арца и о больших богатствах, накопленных в нем «с моря и суши»⁸.

Более характерным примером нового города средневековой Армении является Ани. В VII в. он был феодальным замком, в IX в., еще до того, как стал столицей Багратидских царей, Ани уже известен как торговоремесленный центр Северной Армении. Однако, расцвет и международную славу он получил лишь в XI в., во время нового подъема северных торговых путей.

Город Ани имел классическую топографию переднеазиатского средневекового города. Вышгород — цитадель, первоначальное ядро крепости, занимала естественную возвышенность. Здесь находился дворцовый комплекс, где жили цари и правители города. Планировка Ани складывалась постепенно, по мере превращения феодального замка и лежащего у его стен поселения в общегосударственную столицу и центр международной торговли. К северу от Вышгорода сначала образовался внутренний город, или нижняя крепость, огражденная стенами. В середине X в. в связи с ростом города появляется новая его часть — шахристан, или шахастан в армянских источниках, также огражденный мощными укрепленными стенами, однако он не замыкался в этих стенах и скоро вышел на обширное пространство предместья — рабата, и, как пишут современники, только при военной опасности население предместья находило приют за городскими стенами.

Археологические раскопки Ани, проведенные Н. Я. Марром, открыли интересную картину жизни и быта этого города как крупного ремесленного и торгового центра средневековья. Они показали, что производственно-хозяйственная территория города росла с большой быстротой. Была раскопана главная улица, тянувшаяся от главных ворот до Вышгорода. С двух ее сторон располагались общественно-деловые здания города, церкви, мечети, гостиницы, торговые дома, рынки, лавки⁹.

Центром деловой жизни Ани был новый город со своими рынками и торговыми домами. Около рынков, вокруг рыночной площади строились складские помещения, лавки, ремесленные мастерские.

Как правило, в больших городах кроме центрального общего рынка бывали и более мелкие специализированные. Так было и в Ани. Из персидской надписи на центральном минарете мечети в Ани Кей-Султана Шеддадида (1198 г.) мы узнаем, что продажа хлопка, хлопчатобумажных изделий и шерсти разрешается только на площади у мечети Абул-Мамаран¹⁰.

Кстати, интересен тот факт, что предок Кей-Султана, Абул-Сувар Шеддадид, эмир и богатый гражданин Двина, в свое время не завоевал Ани, как это было принято в таких случаях, а купил город за деньги у сельджуков в 1072 г.¹¹

Торговля на рынке была организованной, причем каждый товар имел свое место продажи, ряды, лавки. В крупных городах иностранные купцы, как правило, имели право лишь на оптовую торговлю. Розничная торговля была привилегией местных торговцев. Каждый город имел свою торговую специфику. Так, из рассказов арабского путешественника Ал-Гарнати (XII в.) мы узнаем, что в г. Болгарах на Волге местные

⁸ Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении. . . , стр. 273.

⁹ Н. Я. Марр. Ани. Книжная история. Л.—М., 1934; В. М. Арутюнян. Город Ани. Ереван, 1964, стр. 21.

¹⁰ Л. Т. Гюзальян. Персидская надпись Кей-Султана Шеддадида в Ани. «Сборник АН СССР, посвященный академику Н. Я. Марру». М., 1935.

¹¹ Н. Я. Марр. Ани. . . , стр. 32.

купцы держали в своих руках монополию на очень выгодную северную пушную торговлю и не допускали к ней иноземных купцов. Кстати, необычной была и форма этой торговли с северными охотниками, так называемый «немой обмен», при котором торг происходил без разговорного общения сторон¹².

Для обеспечения необходимыми удобствами людей, прибывших на короткий срок в город по торговым делам, и их концентрации в определенных местах строились гостиницы, постоялые дворы, караван-сарай, где приезжие могли также хранить свои товары. Количество их находилось в зависимости от роли и значения данного города как административно-торгового центра. В Двине и Ани было много таких зданий, причем их владельцами являлись богатые горожане или церковный приход.

Одним из видов крупных торговых организаций в средневековье были ярмарки, которые происходили в заранее установленное время и в определенных местах.

Ярмарки местного назначения, куда собирались из соседних городов и сел, проходили часто, каждую неделю или месяц. Так, в городе Партаве раз в неделю на большие ярмарки съезжались купцы не только со всего Закавказья, но и из северных городов Ирана. Эта ярмарка называлась ал-кюркий, т. е. воскресная. Истахри пишет: «...Около ворот Бердаа (Партав), называемых „Ворота курдов“, имеется рынок по имени „ал-кюркий“, величиною фарсах в квадрате. На него собирается народ каждое воскресенье, и стекаются сюда люди из всевозможных стран. Этот рынок значительнее рынка „Кульсере“. Казнохранилище у них в соборной мечети по сирийскому обычаю, Дворец правителя рядом с соборной мечетью, а рынки в предместье города». В этих воскресных ярмарках в Партаве участвовали и купцы из Армении¹³.

Ал-Мукаддаси в числе товаров, которые продавались там, называет красную краску кашениль из Араратской долины, рыбу тарех из озера Ван, ткани и ковры из Армении¹⁴.

Ярмарки более широкого международного значения устраивались реже и на более длительный срок — на неделю, на месяц. Раз в году проводились большие ярмарки в городе Трапезунде. Туда приезжали купцы из Византии, Европы, Ирана и Сирии. Основным местным товаром, которым торговали на этой ярмарке, были ткани греческого производства, в частности знаменитая парча¹⁵.

В условиях средневековой политической раздробленности, частых войн, разбойничьих набегов путешествия отдельных купцов были трудными и опасными. Это обстоятельство привело к необходимости объединения купцов в определенные организованные коллективы, т. е. к комплектованию больших караванов со своим внутренним распорядком и охраной в пути. Во главе караванов стояли должностные лица, как правило, из богатых купцов, при которых имелся определенный штат служащих (приказчики, писцы, нотариусы и др.)¹⁶. Каждый караван имел свои обычаи и традиции внутреннего распорядка, которые с течением времени получали форму законов. К своим длительным путешествиям купцы тщательно готовились заранее. В дальний путь караваны пускались, как правило, весной. Существовали определенные сборно-перевалочные пункты, где собирались отряды из разных мест и составлялся большой караван.

¹² «Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.)». М., 1971, стр. 33 и др.

¹³ Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей. ..., стр. 7.

¹⁴ Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей. ..., вып. XXXVIII. Тифлис, 1908, стр. 14—15.

¹⁵ И. А. Манандян. О торговле и городах Армении. ..., стр. 218—219.

¹⁶ И. М. Кулишер. История экономического быта Западной Европы, т. I. М.—Л., 1931, стр. 253—255.

Одним из таких пунктов для купцов из Армении, направляющихся в Европу, был Трапезунд (порт на южном берегу Черного моря).

Эти организованные караваны независимо от национальной принадлежности и вероисповедания пользовались покровительством властей и даже при военном положении беспрепятственно продолжали свой путь. Неприкосновенность торгового каравана, очевидно, была наиболее целесообразной формой международных отношений того времени. О том, как даже самые воинственные правители, монгольские ханы, были в тесном контакте с представителями торгового капитала и покровительствовали им, пишет армянский историк XIII в. Киракос Гандзакский. Сирийский купец Симеон, которого все знали по ласковому прозвищу «Рабан Ата», имел особую государственную грамоту от Хакана. Этой грамотой он получал возможность защищать повсюду христианское население и даже строить церкви в мусульманских областях. «А его люди, — пишет Киракос, — которые имели от него тамгу, т. е. знак и письмо, смело разъезжали по всей стране, и никто не осмеливался трогать их, кто называл имя Рабана»¹⁷.

Купеческие организации продолжали действовать и на местах назначения. Как правило, люди из одного города или той же национальности и вероисповедания поселялись вместе в определенной части города или поселка. Там устраивались общие подворья, складские помещения, нанималась общая охрана.

Из-за многочисленных опасностей, которые подстерегали купеческие караваны в пути, стала применяться и система оформления внешних торговых операций посредством специальных доверительных писем или расписок с выплатой денег в определенных местах¹⁸.

Как свидетельствуют дошедшие до нас торговые договоры, а также другие письменные источники и археологические данные, во многих городах иноземные купцы не могли, как правило, жить в пределах самого города. Их поселяли за городской стеной в его предместьях, или на другой стороне реки, или хотя бы на особо для них выделенных улицах.

Так, Прокопий Кесарийский писал о Двине: «...Многочисленные селения, лежащие близко друг к другу, заняты торговцами, потому что из Индии, из расположенной по соседству Иверии и почти от всех народов, подвластных персам и даже римлянам, привозят туда товары, которыми они торгуют тут же»¹⁹.

Купцам, прибывшим в Константинополь, византийские власти ставили всякие условия. Им предоставлялось жилье лишь за пределами городов, в предместьях. Они могли входить в город только через одни определенные ворота группами не более 50 человек²⁰.

По сведениям арабских географов, столица Итиль хазарского царства состоит из двух частей: западной, где жили цари, его придворные, его войска, и восточной, где жили купцы и мусульмане, здесь же находились и склады. Эта была торговая часть города. По своим размерам она была больше западной. По одним сведениям, обе части города были окружены стеной, по другим — стены имела только царская резиденция²¹.

Если торговля с данным городом была систематической, то временные торговые фактории, где бы они ни были, за городом или в обособленном районе торговой части города, превращались в постоянные места жительства этих торговцев. Вместо временных помещений строили постоянное жилье, складские помещения, гостинные дворы, церковь или мечеть, и по-

¹⁷ К. Гандзакецци. История Армении. Ереван, 1961, стр. 276—277.

¹⁸ Х. А. Мушегян. Денежное обращение Двина..., стр. 52.

¹⁹ Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами, кн. II. СПб., 1880, гл. XXV, стр. 181—182.

²⁰ И. М. Кулишер. История русского народного хозяйства, т. I. М., 1935, стр. 32.

²¹ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1968, стр. 393—398.

степенно фактория превращалась в торговую колонию. Так, в X в. небольшая армянская торговая фактория была основана за крепостным валом приволжского города Болгара, крупного торгового пункта, где пересекались сухопутные и водные пути Европы и Азии.

Раскопки армянской фактории показали, что в XIII и XIV вв. она значительно разрослась и заняла территорию в 6 км от Болгар до мыса Ага-Базар (речной порт города), в XIII в. вместо небольшой часовни была выстроена каменная двухэтажная церковь²².

Результаты изучения археологического материала поселка и в особенности кладбища вокруг церкви привели к заключению, что там жили богатые армянские купцы, ведущие международную торговлю²³.

До нас дошли имена некоторых представителей торгового мира и денежной аристократии Ани, Двина и других городов Армении. Это Саамадин, Умек, его сын Чар, Тигран Онецц, Укан Каримадин и его брат Папкан Фахрадин и др. Об их огромных богатствах, крупных денежных операциях, купле и продаже больших земельных участков и недвижимого имущества, о значительных дарах церкви мы узнаем из тех надписей, которые они сами же оставили на архитектурных памятниках в разных местах Армении.

Так, например, житель Ани Тигран из рода Онецц пишет в надписи 1215 г. о том, как он на купленной им земле перестроил часовню Богоматери в монастырскую церковь, потратив на это большое состояние, разукрасил здание тонкой резьбой и фресками, иконами с драгоценными камнями и жемчугами, золотыми и серебряными лампадами. Кроме того, он построил жилые помещения для монастырской братии и господ и передал в собственность монастыря многочисленные дары²⁴.

Тигран Онецц не был представителем родовой знати. Сосредоточенное в его руках недвижимое имущество, как он сам пишет, куплено на деньги²⁵. Несомненно, он являлся одним из представителей торгового капитала, участвовавшим в широкой, очевидно международной, торговле.

Торговые армянские фактории, впоследствии превращавшиеся в крупные пункты с армянским населением типа болгарской колонии, имелись на всем протяжении торговых путей из Армении к Черному морю, в Крыму, на Северном Кавказе, в Восточной Европе и в Средней Азии. Исторические предпосылки этого процесса следующие: после падения Багратидской династии (1045 г.) Армения теряет свою политическую независимость и становится провинцией Византийской империи. Сельджукское нашествие, частые междоусобицы местных эмиров привели к упадку торговли и городской жизни страны. Экономические и религиозные притязания принудили часть населения покинуть свою страну. Такая эмиграция, начавшаяся в конце XI в., особенно усилилась после завоевания монголами Закавказья в середине XIII в. Армяне, группами покидавшие родину, поселялись преимущественно в тех местах, где уже имелось армянское население, т. е. в торговых факториях. В течение XIII—XIV вв. армянские фактории разрастались и превращались в крупные колонии в Крыму (Кафад, Сураж), Астрахани, Дербенде, Львове, Каменец-Польске и во многих других местах.

²² А. П. Смирнов. Армянская колония города Болгар. МИА, № 61, 1958, стр. 330—359.

²³ Р. М. Жанполадян. О двух тканях из Ани и Болгар. КСИА, вып. 132, 1972.

²⁴ Н. Я. Марр. Ани..., стр. 33—34.

²⁵ И. А. Орбели. Городище Ани. «Свод армянских надписей», вып. I. Ереван, 1966, стр. 63.

В. П. ДАРКЕВИЧ

К ИСТОРИИ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ
(по археологическим данным)

Археологические и нумизматические материалы — один из основных источников сведений о торговле домонгольской Руси, об ее экономических центрах и путях сообщения. Они уточняют и значительно дополняют сообщения письменных источников. Ограниченное число последних, их всесторонняя изученность¹ побуждают исследователя все чаще обращаться к археологии, непрерывно обогащающейся новыми фактами². Вместе с тем археологические данные неизбежно ограничены. Такие характерные для русского экспорта товары, как продукты местных промыслов (пушнина, мед, воск и др.), археологически неуловимы. О торговле продуктами питания косвенно свидетельствуют лишь находки амфор, в которых привозили с юга вино или масло. Поэтому изучение экономических связей средневековья должно вестись с привлечением всех видов источников.

Советскими археологами и нумизматами изучен богатый материал, характеризующий экономические, политические и культурные связи Руси в IX—XIII вв. Определение родины импортных предметов позволяет установить те страны, с которыми Русь вела торговый обмен. Он мог осуществляться непосредственно или транзитом, через страны-посредники, расположенные на магистральных путях. Хронология предметов импорта намечает периоды зарождения, расцвета и затухания связей с определенным районом. Их топография дает возможность реконструировать важнейшие торговые пути. Концентрация находок выявляет значение каждого из них в экономической жизни района, определяет главные торговые центры. Условия находок предметов ввоза (в составе кладов, при раскопках на территории городских детинцев или торгово-ремесленных посадов, в утвари церквей, на сельских поселениях или в могильниках при них, в дружинных погребениях и т. д.) позволяют судить о социальном составе участников «гостьбы».

Выявляемые археологически предметы импорта делятся на две категории. 1. Предметы массового ввоза (монетное серебро, стеклянные и каменные бусы, дешевые металлические украшения, оружие, некоторые виды бронзовой утвари, поливная керамика) наиболее показательны для изучения экономических связей. Во-первых, они поступали в основном в результате торговли, т. е. являлись товаром. Во-вторых, они характери-

¹ Последняя сводка письменных сведений о внешней торговле домонгольской Руси: А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.). «История СССР», 1967, № 3. См. также: Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан. Отношения Древней Руси и Византии в XI—первой половине XIII в. «Proceeding of the XIII-th International Congress of Byzantine Studies». Oxford, 5—10 September 1966. London, 1967 (авторы привлекают и археологические данные).

² См.: Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути. «История культуры Древней Руси», т. I. М.—Л., 1951.

зуют как внешнеторговые связи, так и повседневный внутренний обмен — показатель степени экономического развития страны. Иноземные изделия вначале поступали на городские рынки и ярмарки, откуда розничные купцы-коробейники разносили их по деревням. Статьи массового импорта, за исключением оружия, имели широкий рынок сбыта. Потребителями выступали не только феодальная знать, но и ремесленные слои посада, и крестьянское население. В-третьих, массовый материал с большей достоверностью помогает воссоздавать направления связей, степень их интенсивности и т. д.

Особенно велико значение нумизматических материалов, так как основным предметом импорта в Восточную Европу было серебро. Работами советских исследователей (В. Л. Янин, В. М. Потин) доказано, что приток иноземных монет на территорию Руси определялся прежде всего внутренними потребностями русского денежного хозяйства в монетном металле, а ювелирного ремесла — в сырье. Находки кладов западноевропейских денариев на территории поселений или вблизи них доказывают, что это памятники местного денежного обращения³. Поэтому привозные куфические дирхемы и западные денарии были использованы для реконструкции собственно русских денежно-весовых систем⁴.

2. Предметы роскоши: произведения художественного ремесла из золота, серебра и драгоценных камней, шелковые ткани. Их дальняя транспортировка при крайней трудности и дороговизне перевозок была особенно выгодна. Но для изучения экономических отношений предметы редкого потребления можно привлекать с известными оговорками, так как они распространялись не только в результате торгового обмена, но и при других обстоятельствах. «Злато и серебро», «паволоки и сосуды различные» попадали на Русь в составе посольских и свадебных даров, вместе с иностранными эмигрантами, в числе военных трофеев и т. д.; их главные потребители — княжеско-боярские верхи, дружинники и церковь. Драгоценная утварь быстро оседала в сокровищницах светской знати и ризницах монастырей, после чего превращалась в «недвижимое имущество» (в меньшей степени это касается изделий из серебра, которые при переплавке в монеты или денежные слитки снова активно вступали в сферу денежного обращения). Концентрация произведений художественного ремесла в крупных городах затрудняет определение направлений связей. При незначительном числе сохранившихся вещей элемент случайности в выводах труднее устраним.

Исследование двусторонних связей Руси с Византией и Западной Европой⁵ проливает свет на некоторые проблемы развития раннего русского феодализма, так как торговля — составная часть системы феодального производства. К числу таких проблем относятся образование городов как торгово-ремесленных центров, характер и интенсивность экономических контактов и др. Активность международных связей определялась не только уровнем развития восточнославянского общества, но и политико-экономической обстановкой вне Руси. Их невозможно изучать изолированно, без сопоставления с историей других стран — участников обмена.

По нумизматическим и археологическим данным первый этап связей племен Восточной Европы с Византией можно отнести к V—VII вв.⁶ На рубеже VII—VIII вв. на территорию Украины перестают поступать

³ В. М. Потин. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л., 1968, стр. 25 и сл.

⁴ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

⁵ Ввиду ограниченности объема статьи мы не касаемся связей Руси с Ближним и Средним Востоком, Кавказом, Скандинавией и славянским миром.

⁶ В. В. Кропоткин. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, стр. 115 и сл.

серебряные сосуды с пробирными знаками константино-польских мастерских. В VIII—IX вв. резко сократился приток византийских монет в Северное Причерноморье и Закавказье⁷. Упадок торговли в период иконоборчества связан с экономической депрессией в областях Римейской империи. Приходят в запустение ее города, чеканка монеты и денежное обращение сокращаются, регрессируют многие отрасли ремесла. Частичная натурализация экономики, господство арабов на море, разгул пиратства ослабили внешнеторговые связи. С начала VII до середины IX в. Византия не имела большого влияния в Северном Причерноморье.

Приток произведений византийского ремесла в Восточную Европу со второй половины IX, но в основном с X в. (поливная керамика)⁸ был обусловлен двумя основными факторами: 1. Вместе со стабилизацией внутри- и внешнеполитической обстановки в Византийской империи наступает оживление городской жизни. Ремесло и торговля Константинополя и Фессалоники вступают в полосу бурного подъема, усиливается денежное обращение. Сбыт ремесленной продукции, особенно предметов роскоши, находит все возрастающий спрос в среде крепнущей знати романо-германских и славянских государств. С организацией Херсонской фемы в 30-х годах IX в. Византия вновь укрепилась в Таврике. 2. С образованием Древнерусского государства торговля с греками регулируется специальными договорами. По мере политических и хозяйственных успехов Киевской Руси, особенно после принятия христианства, всесторонние связи с Византией все более крепнут. В основу южнорусской денежно-весовой системы ложится единица, производная от византийской литры⁹. Сребреники и златники, выпущенные при Владимире Святославиче, по внешнему виду подражают византийским номисмам и милиарисиям. Красноречива топография находок византийских монет. В VI—IX вв. они сосредоточены в южных районах: в Крыму, Закавказье, на Северном Кавказе, Среднем и Южном Поднепровье и Подонье. В X—XI вв. ареал обращения монет охватывает кроме перечисленных областей северные территории Руси. Клады и единичные монетные находки зарегистрированы вдоль всего пути «из варяг в греки», в районе Чудского озера, на землях эстов, в бассейне Оки¹⁰. С конца X и в XI в. расширяется ареал византийской поливной керамики, которая на севере достигает Гнездова и Новгорода (см. рис. 1)¹¹.

Импорт византийской художественной утвари и тканей возрастает в XI—XII вв., когда экономические и культурные связи Византии с Русью становятся особенно тесными. Сокращение в XII в. и ранее незначительного ввоза византийской монеты¹² нельзя объяснять упадком торговли Восточной Европы с Византией задолго до разгрома Константинополя в 1204 г. Одна из причин уменьшения числа монетных кладов за пределами империи заключается в порче византийской номисмы и расширении товарооборота внутри империи. Ограничение ввоза на Русь поливной посуды в XII в. (севернее Киева не обнаружена)¹³ вызвано не столько труднопроходимостью половецких степей, сколько усилившейся конкуренцией русского керамического производства.

Захват Константинополя латинянами и разорение Руси татаро-монгольскими ордами надолго парализовали связи обоих государств.

⁷ В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. САИ, вып. Е4-4. М., 1962, стр. 11, карты 5, 6.

⁸ Т. И. Макарова. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. САИ, вып. Е1-38. М., 1967, рис. 9.

⁹ В. А. Янин. Денежно-весовые системы. . . , стр. 55, 193.

¹⁰ В. В. Кропоткин. Клады. . . , стр. 17, карты 3—8.

¹¹ Т. И. Макарова. Поливная посуда. . . , рис. 10.

¹² В. В. Кропоткин. Клады. . . , карта 9.

¹³ Т. И. Макарова. Поливная посуда. . . , рис. 11.

Главным поставщиком произведений византийского художественного ремесла в Восточную Европу был Константинополь. Из столичных мастерских, многие из которых обслуживали царский двор, происходят серебрянные чаши для пиров, перегородчатые эмали на золоте, изделия резной кости, камни из драгоценных и полудрагоценных камней, стеатитовые иконки¹⁴, стеклянная посуда, браслеты, бусы, поливная керамика, шелковые ткани¹⁵, иконы. В X—XI вв. с государственными эргасториями Константинополя, которые находились под покровительством императора, не могла конкурировать продукция провинциальных мастерских. Кроме того, экономически и политически Русь была связана непосредственно со столицей империи. Часть вещей в составе византийского ввоза вышла из провинциальных мастерских, роль которых возрастает в XII в. Если в IX—X вв. в керамическом импорте доминирует посуда столичных гончаров, то в XI—XII вв. большое место занимает продукция Солуни и Коринфа¹⁶. К кругу мастерских Коринфа принадлежит стеклянные сосуды из Новогрудка, Новгорода, Турова, Старой Рязани¹⁷.

Произведения византийского художественного ремесла сосредоточены в основных городских центрах Южной Тавриды и Руси. Особенно много их в Херсонесе, районе Киева и в Новгороде. В тех же пунктах зафиксированы находки византийской поливной и стеклянной посуды (рис. 1). Клады и единичные находки византийских монет X—XII вв. довольно равномерно распределены вдоль основных речных артерий, пересекающих Восточную Европу с севера на юг (рис. 1). Главной и самой короткой магистралью между Константинополем и Русью в X—XIII вв. был путь «из варяг в греки». Его южный отрезок от Киева вниз по Днепру так и называли «греческим путем». Устье Днепра замыкал подвластный Киеву портовый город Олешье, где заново оснащали ладьи. Отсюда морской путь в Царьград шел вдоль болгарского побережья Черного моря. Существовал и транзитный способ передвижения византийских товаров через южнорусские княжества, Болгарию и дунайские города. Посредниками в передаче на север византийского импорта могли быть Херсонес и до XII в. Тмутаракань. Херсонес сносился с Киевом тем же «греческим путем» и степью, через Перекоп и вверх по Днепру. Из него в Тмутаракань, Корчев и Саркел поступал избыток импорта византийской поливной посуды¹⁸. В XII в. в черноморской торговле с Византией возросла роль половецкого Судака. Отмеченный находками византийских монет путь по Днестру вел в Галицкое княжество. Азовским морем и низовьями Дона попадали в Саркел. Найдены византийские монеты отмечены между Киевом, Смоленском, Новгородом и в Приладожье. В Рязанское и Владимиро-Суздальское княжества плыли верховьями Волги или из Киева вверх по Десне и Сейму на Верхнюю Оку. Путь по Дону, видимо, не функционировал, так как монетные находки здесь неизвестны. В Приуралье византийские серебрянные сосуды X—XII вв. попадали в результате «вторичного импорта», т. е. через русские земли, где они на какое-то время оседали. На чаше из Березова вырезана русская надпись XII в., близкая почерку новгородских берестяных грамот¹⁹. В Прикамье находят

¹⁴ В. П. Даркевич. Светское искусство Византии. «Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII вв.» (в печати).

¹⁵ М. В. Фехнер. Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей Древней Руси. «История и культура Восточной Европы по археологическим данным». М., 1971.

¹⁶ Т. И. Макарова. Поливная посуда. ..., стр. 59.

¹⁷ Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская. Восточное стекло в Древней Руси. М., 1968, стр. 10; М. Д. Полубояринова. Стеклянная посуда древнего Турова. СА, 1963, № 4; Ю. А. Шапова. Стеклянные изделия древнего Новгорода. МИА, № 117, 1963.

¹⁸ Т. И. Макарова. Поливная посуда. ..., стр. 59.

¹⁹ А. А. Спицын. Из коллекций Эрмитажа. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, 1906.

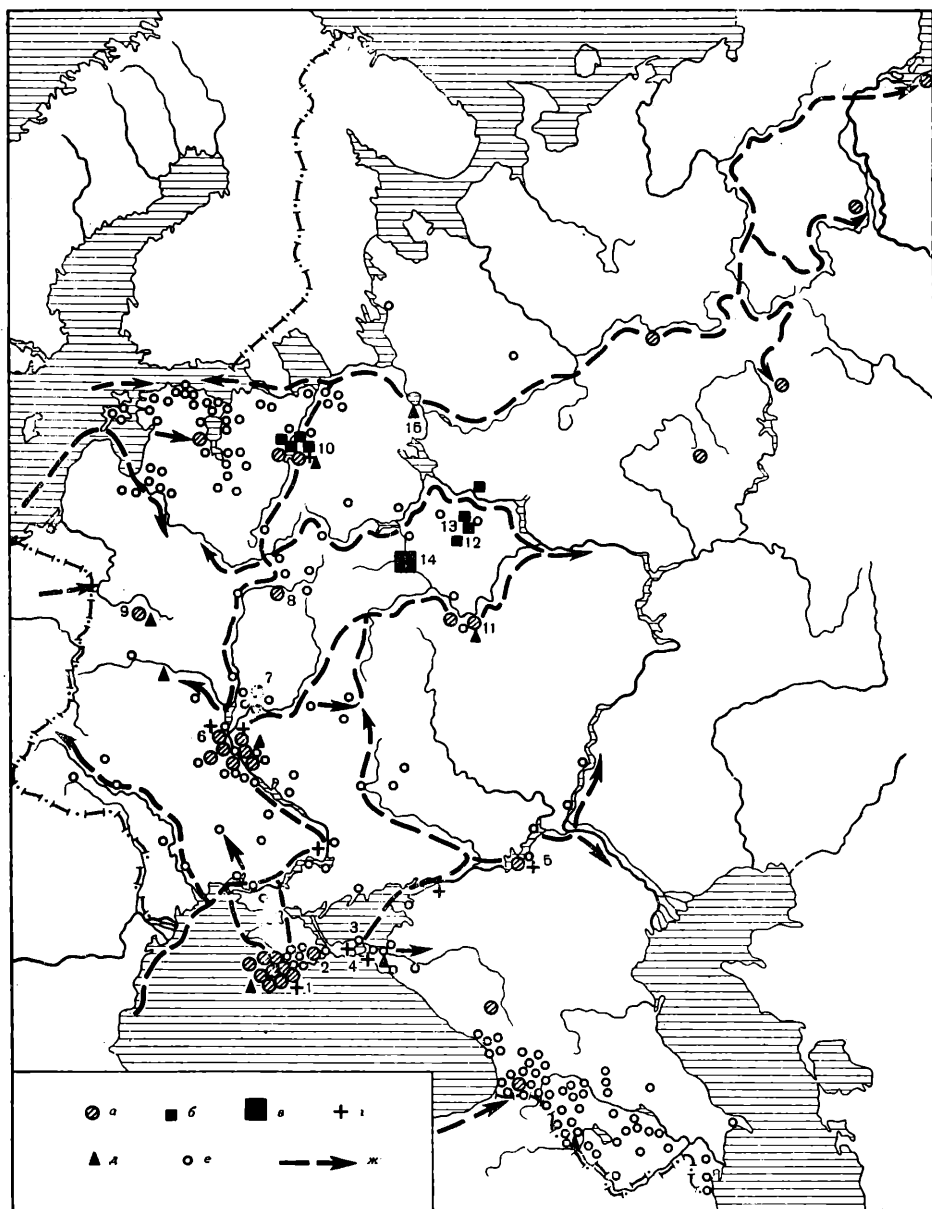

Рис. 1. Византийский импорт на территории Восточной Европы

а — находки произведений художественного ремесла X—XIII вв. (горевтика, эмаль, резная кость, мелкая пластика) при археологических раскопках, в кладах, случайные;

б — произведения художественного ремесла в составе древней утвари церквей и монастырей;
в — произведения художественного ремесла в составе древней утвари церквей и монастырей (овыше 10 экз.);

г — находки поливной керамики IX—начала XIII в. (по Т. И. Макаровой);

д — находки стеклянной посуды X—XII вв.;

е — находки византийских монет X—XII вв. (по В. В. Кропоткину);

ж — пути сообщения

- 1 — Херсонес;
- 2 — Судак;
- 3 — Корчев;
- 4 — Тмутаракань;

5 — Саркел — Белая Вежа;

6 — Киев;

7 — Чернигов;

8 — Гнездово и Смоленск;

9 — Новгородок;

10 — Новгород;

11 — Старая Рязань;

12 — Владимир;

13 — Суздаль;

14 — Москва

15 — Белоозеро

русские серебряные украшения XII—XIII вв.²⁰ Зная путь «за югру и за самоядь», новгородские землепроходцы для обмена на меха использовали «византийское серебро». Серебряные чаши найдены по обе стороны Уральского хребта вдоль рек, по которым проходили древние пути в Прикамье и Приобье.

Первые археологические свидетельства о торговле восточных славян с государствами Западной Европы относятся к X в. В X—первой половине XI в. на Русь ввозят франкские мечи с клеймами среднерейнских мастерских. Импорт мечей с Запада продолжался и в романский период²¹. Рост экономических связей Руси с Западом ознаменован усиленным поступлением денариев. Сменив поток восточных дирхемов (с 20-х годов XI в.), они становятся основным средством денежного обращения восточных славян. По данным В. М. Потина, на территории Восточной Европы зафиксировано около 400 кладов и отдельных находок с западными монетами²². Наиболее ранние древнерусские клады с денариями датируются последней четвертью X в. Их число гигантски вырастает в XI в. и резко сокращается в XII, когда ввоз серебра из Германии стал осуществляться в форме крупных слитков²³. Основными экспортерами монетного серебра в страны, где ощущался его недостаток (в Польшу, Швецию, Юго-Восточную Прибалтику, Русь), были Германия и Англия, добывавшие этот металл²⁴. В древнерусских кладах преобладают денарии германского чекана. Значительно меньше монет Англии, Дании, Чехии, Венгрии, Швеции, Польши, Норвегии, Италии, Франции. Статистика состава древнерусских кладов выявляет их родство с монетными находками южного побережья Балтийского моря и отличие от кладов Скандинавии. Следовательно, основной поток денариев на Русь шел через портовые западнославянские города: Волин, Щецин, Колобжег, Гданьск. Прямой путь из Южной Прибалтики в русские земли пролегал через острова Борнхольм и Готланд, минуя Скандинавский полуостров²⁵. О связях Восточной Европы с Южной Прибалтикой свидетельствуют находки в древнерусских городах янтарных украшений и необработанных кусков янтаря. Существовали и непосредственные контакты между купцами Германии (например, фрисландскими) и Руси. В Смоленске и Белгороде найдены стеклянные геммы IX—X вв., амулеты-печати фрисландских купцов. Вместе с потоком фризской морской торговли они проникали в Скандинавию, Северную Германию и в единичных экземплярах — далее на восток. Отсутствие гемм к востоку от Эльбы подтверждает основное на нумизматических данных заключение о непосредственных контактах Фрисландии и Руси²⁶.

Важным источником для изучения связей Западной Европы и Руси являются произведения западного художественного ремесла, найденные в Восточной Европе: водолен, подсвечники, чаши, дарохранильницы, оклады книг и т. д., выполненные в различной технике²⁷.

IX—XI века бедны находками предметов «латинской» утвари. Монастырские мастера каролингско-оттоновской эпохи обслуживали узкий

²⁰ В. Ф. Генинг. Серебряный браслет из Верхнего Прикамья. КСИИМК, вып. 57, 1955.

²¹ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. САИ, вып. Е1-36. М., 1966, стр. 37—39, 53 и сл.

²² В. М. Потин. Древняя Русь..., стр. 73.

²³ В. М. Потин. Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в. «Международные связи России до XVII в.». М., 1961, стр. 100, 109 и сл.; он же. Древняя Русь..., стр. 83.

²⁴ В. М. Потин. Древняя Русь..., стр. 39—41, 46.

²⁵ Там же, стр. 63, 64.

²⁶ В. П. Даркевич. Гемма из Смоленска. КСИА, вып. 104, 1965.

²⁷ В. П. Даркевич. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). САИ, вып. Е1-57. М., 1966.

круг духовной и светской знати. Их произведения, выполнявшиеся по специальным заказам, не выходили за пределы ограниченных районов. Впоследствии эти шедевры ювелирного искусства из золота и серебра были переплавлены в монеты и денежные слитки.

Значительный приток художественной утвари с Запада начинается со второй половины XII в. Обширная группа импортных вещей относится ко второй половине XII—первой половине XIII в. Резкое возрастание ввоза связано с экономическими и социальными сдвигами в Западной Европе, определившими расцвет городского ремесла. Оно становится доходным и почетным занятием, постепенно переходя из монастырей в руки светских городских ремесленников. На рубеже XII—XIII вв. вместе с прогрессом техники во многих центрах Германии и Франции организуется массовый выпуск художественных изделий из металла, рассчитанный на широкий сбыт (бронзовые чаши «торговых» типов из района Мааса—Нижнего Рейна, нижнесаксонская бронзовая утварь, продукция лиможских эмальберов). Рост международных связей, совершенствование транспорта, возникновение новых путей сообщения способствовали передвижению вещей. Развитие русской торговли с Западом в XII—первой половине XIII в. происходило по восходящей линии.

Судя по находкам предметов импорта, главными поставщиками художественной утвари в Восточную Европу во второй половине XII—XIII в. были Нижняя Лотарингия, Рейнская область, Вестфалия и Нижняя Саксония. На третьем месте по числу предметов импорта стоял Лимож. В областях по Маасу, Рейну, Везеру и Эльбе были сосредоточены основные центры художественного ремесла, распространявшие свои изделия в Англию, Францию, Южную Германию, Скандинавию, Чехию, Венгрию, Польшу, Юго-Восточную Прибалтику и Русь.

Произведения Франции, Лотарингии и Саксонии попадали в Восточную Европу как в результате прямых связей, так и транзитным путем через страны-посредники.

Картографирование предметов импорта XII—XIII вв. позволяет установить направление главных путей сообщения, пересекавших Европу с запада на восток (рис. 2). Дунайский путь связывал Западную Европу с Причерноморьем. От городов на Маасе и Рейне он вел вверх по Майну или Неккару в Южную Германию—к Регенсбургу на Верхнем Дунае. Разноязычные купцы и ирландские монахи Регенсбурга могли быть посредниками при передаче на восток произведений романского искусства. У Раффельштеттена путь разветвлялся. Одна дорога шла вдоль Дуная, другая поворачивала на север—к Праге. Дунайский путь через Вену приводил в Венгрию, где оседала значительная часть предметов романского импорта. Многие из них транзитом из Венгрии доставлялись в Южную Русь.

Дорога из Баварии в Прагу и через Южную Польшу на Русь лежала в системе коммуникаций, которые в XII в. связывали города Запада (Кельн, Майнц, Аугсбург, Регенсбург и др.) с мировыми центрами Востока: Багдадом, Самаркандом и городами Китая. Вдоль этого пути, который шел из Регенсбурга на Прагу и через Бреславль, Краков, Владимир Волынский на Киев, локализуется большая группа предметов импорта. Они довольно равномерно распределяются по всей трассе от Кельна до Киева, концентрируясь в крупных торгово-ремесленных центрах и монастырях. Какая-то часть романской художественной утвари попала на Русь в результате связей южнорусских княжеств с Чехией и Польшей.

Другая, не столь многочисленная группа предметов ввоза расположена вдоль пути, который связывал Кельн с Магдебургом и шел на восток вдоль подножия горных массивов Центральной Европы—в Польшу (Познань, Гнезно, Плоцк) и Повисленье. Важным таможенным пунктом на польско-русской границе был Дрогичин Надбужский, где найдено мно-

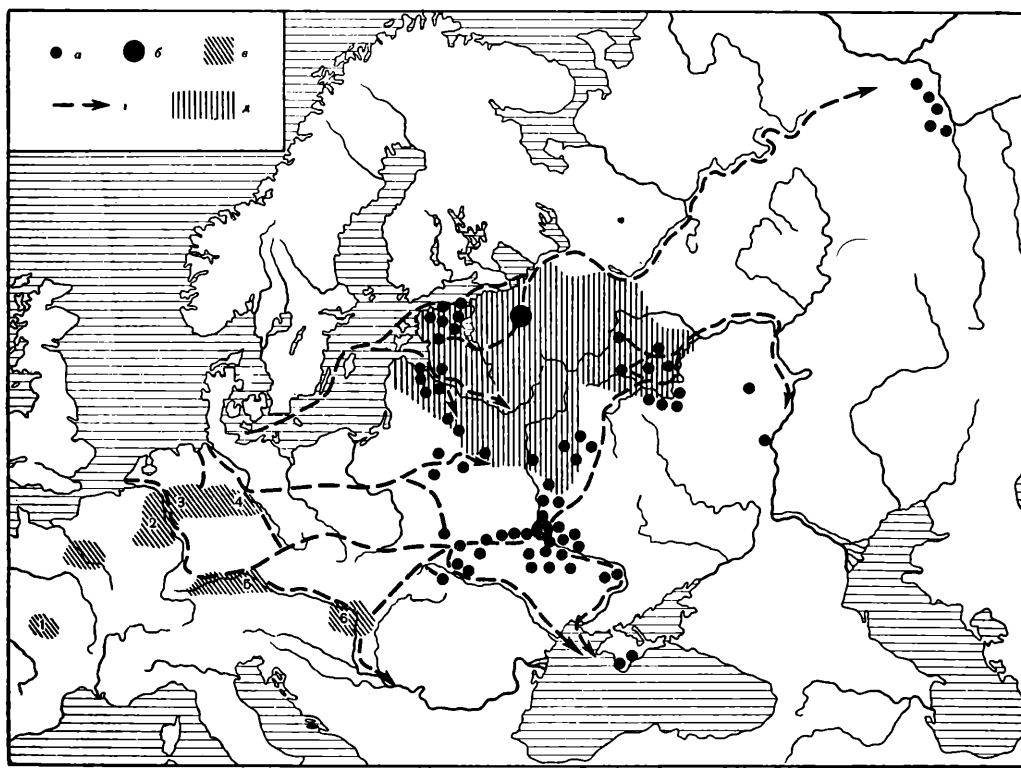

Рис. 2. Распространение произведений западноевропейского художественного ремесла в Восточной Европе (XII—XIII вв.)

a — единичные произведения западноевропейского художественного ремесла в Восточной Европе; *b* — произведения западноевропейского художественного ремесла в Восточной Европе (до 10 экз.); *a* — основные районы их изготовления (1 — Лимож; 2 — Нижняя Лотарингия; 3 — Вестфалия; 4 — Нижняя Саксония; 5 — область Верхнего Дуная; *b* — Венгрия); *z* — главные пути сообщения; *d* — зона распространения западного денария X—XI вв.

жество русских товарных пломб. Эта коммуникация соединялась с системой Дуная бассейнами рек Эльбы, Одера и Вислы. Вдоль этих рек и их притоков часто находят предметы ввоза с Запада.

Северный ареал импортной утвари охватывает зону южного и восточного побережья Балтики. Прибалтийским путем произведения нижнесаксонских мастеров по металлу проникали в Данию, Южную Норвегию, Швецию, о-в Готланд, польское Поморье, Самбийский полуостров, земли ливов и эстов вплоть до Новгорода на востоке. Через Готланд и древние западославянские города Поморья, вблизи которых наблюдается концентрация предметов импорта, произведения прикладного искусства Германии попадали в Ригу и Эстонию. Из Риги художественная утварь Германии завозилась в Новгород, Полоцк и Смоленск.

Топография находок предметов импорта на Руси и в Восточной Прибалтике соответствует трем рассмотренным выше магистралям Центральной Европы: дунайской, «магдебургской» и прибалтийской. Они располагаются вдоль дорог, которые продолжают эти коммуникации на восток (см. рис. 2).

Произведения художественного ремесла Лотарингии, Лиможа, Баварии проникали в Восточную Европу главным образом регенсбургским путем, саксонско-вестфальские вещи — прибалтийским. Этот вывод подтверждается топографией находок западноевропейского денария X—начала

XII в., охватывающей преимущественно земли Прибалтики и Северо-Западной Руси, так как главные серебряные рудники находились в Северной Германии²⁸. Направление международных путей определяло размещение находок внутри страны — потребителя. Концентрация европейской монеты на территории Новгородской земли (включая северные земли, связанные с Новгородом, и земли в бассейне р. Камы), очевидно, вызвана и тем, что вывоз драгоценных мехов на Запад монополизировали новгородские купцы, торговавшие с племенами Урала. Поэтому даже монеты регенсбургского чекана, найденные на Руси и в Прибалтике, проникли сюда через Балтийское море, тогда как путь Регенсбург—Прага—Киев не отмеченкладами монет²⁹.

Топография предметов западноевропейского импорта XII—XIII вв. и статистика находок по отдельным землям позволяют сделать вывод, что связи Руси со странами Западной Европы — Францией, Северной и Южной Германией, Италией и другими — во второй половине XII—первой половине XIII в. были интенсивными и в направлении Регенсбург—Киев—Чернигов—Рязань—Владимир на Клязьме (см. рис. 2).

После разрушения Киева татарами связи Южной Руси с Западом оказались подорванными. Число предметов импорта резко сокращается и продолжает оставаться незначительным вплоть до середины XV в.

* * *

В течение IX—XIII вв. произошли важные изменения в масштабе развития русской торговли, в степени ее социально-экономического воздействия на общество. Археологические и нумизматические данные помогают проследить ее эволюцию.

Первый период торговли относится к IX—X вв. По времени он совпадает с созданием Древнерусского государства и утверждением феодальных отношений на его территории. В результате установления связей с арабским миром в Восточную Европу поступает значительное количество монетного серебра, которое приспосабливается к нормам русской денежно-весовой системы. В середине X в. на месте единой общерусской системы денежных единиц возникают две системы — северная и южная. По мнению В. Л. Янина, это свидетельствует о зарождении местных рынков с определенной территориальной сферой действия каждого³⁰. Находки кладов вдоль внутренних путей сообщения говорят о наличии местного обмена. Потребностью экономики в металлических знаках обращения был вызван эпизодический выпуск монет при Владимире Святославиче, когда поступление дирхема в Южную Русь прекратилось. В середине X в. в курганах появляются складные весы с гирьками, которые употребляли для малых взвешиваний серебра³¹. Расширение транзитной торговли, провоз восточных товаров через территорию Руси в Восточную Прибалтику, Польшу и Скандинавию оказывал стимулирующее влияние на ее торговлю и денежное обращение.

Рассматривая торговлю IX—X вв., нельзя забывать об общей узости ее развития, о слабости ее влияния на структуру экономики и общества, об ограниченности и нерегулярности связей между населенными пунктами. Задачей натурального хозяйства было самоудовлетворение основных потребностей, а не товарное производство. Даже торговля продуктами питания не представляла жизненной необходимости для населения. Экономика той эпохи носила аграрный потребительский характер. На заказ, а не

²⁸ В. М. Потин. Древняя Русь. . . , стр. 47—52, рис. 33.

²⁹ Там же, стр. 50, 52.

³⁰ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы. . . , стр. 151, 204—205.

³¹ Там же, стр. 175.

на рыночный сбыт работали общинные и городские ремесленники. Их продукция, выпускаемая в незначительном количестве, не была предназначена для массового покупателя. Объем внутренней торговли-«купли» не мог быть большим. Господствовала дальняя торговля-«гостьба», при которой из-за рубежа ввозились товары редкого потребления (драгоценная утварь, шелка, мечи, пряности и т. д.) в обмен на продукты натурального хозяйства и промыслов, собираемые в виде дани или оброка с зависимого населения. Заморская торговля была сосредоточена в отдельных пунктах Восточной Европы (административные и торговые центры, места пересечения транзитных путей) и затрагивала только верхушку феодализирующегося общества, в том числе самих купцов, осуществлявших товарообмен.

В XI в., после того как иссяк восточный источник серебра, его ввозят через северо-западные рубежи русских земель в форме западноевропейского денария. Непрерывное повышение среднего веса кладов в течение XI столетия говорит о росте денежного обращения, увеличении объема торговых сделок, накоплении богатств феодалами-землевладельцами и купцами³². Вместе с формированием городов как центров отделившихся от земледелия ремесла и торговли производство на рынок получает возможность дальнейшего развития. Возникают необходимые предпосылки для товарообмена между городом и ближайшей сельской округой.

XII—первая половина XIII в. — период расцвета всех видов древнерусской торговли. Он был обусловлен такими факторами, как рост посадского населения, углубление ремесленного разделения труда, улучшение средств сообщения и т. д. Развитие экономики создавало, с одной стороны, возможность, а с другой — потребность в расширении торговли. В сравнении с XI в. намного выросло число городов. Около середины XII в. наступает расцвет городского ремесла, усиливается специализация ремесел, совершенствуется техника, расширяется номенклатура изделий. От работы на заказ часть мастеров переходит к работе на рынок. Стараюсь обеспечить массовый выпуск стандартных удешевленных изделий, они упрощают технологию производства, заменяют трудоемкие операции более простыми³³.

В сельском хозяйстве отработочная рента сменяется натуральной, при которой имелось больше возможностей для производства избыточного продукта, продаваемого на внутреннем рынке. Заметными товарами становятся хлеб, мясо, рыба.

В этих условиях расширяется товарообмен между городом и деревней. Крестьяне продавали на городском торжище продукты земледелия, приобретая изделия посадских ремесленников (кузнецов, ювелиров) и некоторые предметы внешней торговли, например шелковую тесьму, которая шла на украшение верхней одежды³⁴. Таким образом, в эпоху феодальной раздробленности повышается экономическая роль местной внутриобластной и межобластной торговли.

Возросла и крупная внешняя торговля с соседними странами. В Новгороде возникли объединения заморских купцов, торговавших за границей. Русские купеческие товарищества обрели устойчивые позиции за рубежом — в Константинополе, Сигтуне, Риге, Ревеле, Любеке, Висби на Готланде, где они имели гостиные двory. Киевские князья организуют охрану караванов купцов-«гречников», пливших через половецкие земли. При Андрее Боголюбском во Владимир приходили гости не только из Южной Руси и Волжской Булгарии, но из Царьграда и от «латинян». Булгар остается главным посредником в торговле Руси с Востоком.

³² В. М. Потин. Указ. соч., стр. 84—85.

³³ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 432—433, 521.

³⁴ М. В. Фехнер. Указ. соч., стр. 214 и сл.

Рост внутренней торговли сырьем, продуктами первой необходимости и ремесленными изделиями, сходными в различных областях Руси, трудно проследить археологически. Это тем сложнее, что в XII в. на Руси наступил безмонетный период денежного обращения. В связи с уменьшением чеканки монет и возросшей потребностью в ней внутри стран — экспортеров серебра прекратился приток западных денариев. Вместе с тем анализ кладов с монетами и денежными гривнами за время с XII в. по 40-е годы XIII в. говорит об увеличении количества серебра, ввозившегося из Германии на Русь в виде слитков-марок. Следовательно, возросла потребность древнерусской экономики в металлических средствах обращения, хотя при общем росте товарно-денежных отношений важную роль продолжала играть меновая торговля³⁵. При переплавке иноземные слитки принимали форму и вес русских денежных гривен, употреблявшихся для крупных платежей. Пока не решен вопрос о формах мелкого розничного товарооборота в безмонетный период. По свидетельству арабских авторов, в том числе Абу Хамида ал-Гарнати, побывавшего в русских землях в 1150—1153 гг., товаро-деньгами у славян служили старые беличьи шкурки³⁶. Для мелких взвешиваний торговцы по-прежнему применяли миниатюрные «аптечные» весы. Для взвешивания тяжелых грузов служили большие весы-безмены, известные по находкам в Старой Рязани.

Находки в торговых центрах Руси (Дрогичин, Новгород, Псков, Киев, Рязань, Тверь и др.) свинцовых пломб, которыми опечатывали тюки товаров или связки « меховых денег », свидетельствуют о возросшем объеме коммерческих операций. Все большие массы товаров приходят в движение.

Деревня и мелкие городские пункты и в XII—XIII вв. почти не были затронуты заморской торговлей, никак не влиявшей на их замкнутую хозяйственную жизнь. Изредка к ним забредали торговцы мелочным товаром, приносившие шелковую тесьму, украшения типа восточных бус и т. п.

Монгольское нашествие, нанесшее тягчайший удар экономике Руси, в первую очередь ее городам, привело к резкому сокращению всех видов торговли, к разрыву местных и зарубежных экономических связей. Их возрождение наступает уже на новой стадии развития феодализма, в условиях формирования Русского централизованного государства.

³⁵ В. М. Потин. Указ. соч., стр. 86—87, 91.

³⁶ «Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1151—1153 гг.)», стр. 35—36, комментарий на стр. 110 и сл.

Э. С. ШАРАФУТДИНОВА

СИМПОЗИУМ ПО ВОПРОСАМ ОБМЕНА И ТОРГОВЛИ
В ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВАХ

С 22 по 24 марта 1972 г. в Ленинграде состоялся симпозиум теоретического семинара и Сектора Средней Азии и Кавказа ИА АН СССР на тему «Обмен и торговля в древних обществах». На симпозиуме было заслушано 12 докладов¹, посвященных следующим проблемам: 1) понятие обмена и торговли, виды обмена и торговли, методика их археологического изучения; 2) обмен и торговля сырьевыми и продовольственными ресурсами, готовыми изделиями; 3) значение металлургии для развития обмена и торговли; 4) роль и место обмена и торговли в структуре первобытной экономики; 5) торговля и торговый капитал в раннеклассовых, рабовладельческих и феодальных обществах. По заслушанным докладом развернулась оживленная дискуссия.

Открыл заседание заведующий Сектором Средней Азии и Кавказа В. М. Массон, который в своем вступительном слове подчеркнул, что необходимо прежде всего выработать методику использования массового археологического материала для исторических реконструкций, в частности для изучения обмена и торговли в древних обществах. Большая роль обмена на ранних этапах общественного развития засвидетельствована данными археологии и этнографии. Перерастание продуктообмена в товарообмен, грань между обменом и торговлей — важные стороны изучения политэкономии первобытного периода. Археологи убеждаются в разлагающем влиянии торговли на экономическую структуру обществ, попадающих в сферу интенсивных торговых связей, о чем писал еще К. Маркс. Это хорошо видно на периферийных зонах ранних и развитых классовых обществ — в Северном Причерноморье, на Кавказе, Белуджистане и Южном Афганистане. В. М. Массон выразил надежду, что проведение симпозиума усилит внимание специалистов к этим важнейшим аспектам изучения древней истории.

При обсуждении докладов, посвященных первобытным обществам (В. Р. Кабо, Н. Н. Гурина, Л. П. Хлобыстин), выступили А. М. Беленицкий и В. П. Левенок. А. М. Беленицкий указал, что при анализе привозных вещей следует иметь в виду, что они не всегда являются свидетельством обмена или торговли. Эти вещи могли появиться и в результате военного захвата. Мы не можем сказать, какие предметы были захвачены, а какие получены в результате обмена.

В. П. Левенок коснулся роли обмена у племен лесостепного Подонья в эпоху неолита и энеолита. У ранненеолитического населения этой территории господствовала присваивающая форма хозяйства. Первые при-

¹ См.: «Обмен и торговля в древних обществах. Тезисы к симпозиуму теоретического семинара и Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР 22—24 марта 1972 г.». Л., 1972, стр. 31.

знаки одомашнивания диких животных относятся здесь к развитому неолиту (первая половина III тысячелетия до н. э.). В эпоху позднего неолита растет поголовье домашнего стада; на эту территорию проникают группы пастухов-коневодов, владевших медно-каменной индустрией (культура Средний Стог II—Михайловка II). Сближение этих двух групп населения на Верхнем и Среднем Дону стимулировало обмен между ними; в сферу обмена входили не только лошадь и медь, корова и свинья, но и производственные навыки — металлургия меди, ткачество и проч. Пришедшие в Подонье в конце III тысячелетия до н. э. раннекатакомбные племена привели с собой мелкий рогатый скот. Первобытный обмен и торговля в большей мере способствовали проникновению в лесостепную и степную зоны новых форм посуды, орудий производства, домашних животных, металлургии и т. д., явившихся результатом связей с более развитыми южными областями.

В прениях выступили Б. Б. Пиотровский и Н. Б. Янковская (в своих выступлениях они осветили характер обмена и торговли в раннеклассовых обществах древнего Востока). Б. Б. Пиотровский поднял ряд теоретических вопросов. Он указал те элементы, которые организуют культуру и общество: 1) географические условия и природные ресурсы, 2) форма хозяйства, 3) уровень развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений (в понятие производительных сил включаются определенные навыки, основанные на культурном наследии), 4) формы взаимоотношений с соседями и 5) идеологические представления. Формы взаимоотношений с соседями, в частности, являются важным формирующим обществом элементом. Б. Б. Пиотровский считает необходимым поставить вопрос о начальных формах обмена, их связи с естественным и общественным разделением труда и с формами собственности.

В первобытном обществе обмен — насущная необходимость, и на разных этапах его формы были разными. В раннеклассовом обществе господствующий класс владеет не только средствами производства, но также держит в руках обмен. Об этом свидетельствует инвентарь из погребений вождей скотоводческих племен, в руках которых скапливался прибавочный продукт. Материальные ценности господствующего класса всегда связаны с обменом. Люди, непосредственно осуществлявшие обмен, были подчиненными, а не представителями господствующего класса.

Б. Б. Пиотровский выделяет следующие этапы обмена: а) последовательные формы общинного обмена на основе общинной собственности, сначала неэквивалентны; б) очень важная форма обмена — получение недостающих элементов питания, в частности соли, что связано с естественным разделением труда; в) при общественном разделении труда обмен индивидуализируется и сосредотачивается сначала в руках представителей господствующего класса, а позднее — в руках главы государства (это хорошо известно на примере древнего Востока).

Н. Б. Янковская подчеркнула основное положение: по клинописным источникам III—I тысячелетия до н. э. устанавливается, что коммерческая деятельность в ту эпоху даже при централизованном распределении «теплилась» под спудом «дворцовой торговли». В периоды деспотий в числе государственных агентов, ведущих официально дворцовую торговлю и являвшихся обычно общинными должностными лицами, наиболее видное место занимали купцы, которых царь объявлял своими личными агентами. Но поскольку эта торговля, как и всякая, не обходилась без кредита, в нее проникали частные лица.

В результате преобладания «дворцовой торговли» (до этого она имела ничтожное значение в системе торговых пригородов — кару) в XIV в. до н. э., в эпоху существования трех великих держав, торговые центры перемещаются на побережье и острова Средиземного моря и возникают торговые города, характерные для древнего Востока последующих времен.

Затем Н. Б. Янковская показала на примере государства Аррапха, что там торговля, как и в древнем Шумере, существовала в виде постоянного сектора государственной экономики.

К. Х. Кушнарева в своем выступлении затронула несколько вопросов, касающихся обмена и торговли в древнем Закавказье. Она подчеркнула роль массивных медных колец, служивших меновыми единицами у закавказских племен II—начала I тысячелетия до н. э. К. Х. Кушнарева полагает, что дальнейшее изучение торговли бронзового века на Кавказе должно пойти по линии дешифровки металлических кладов, выяснения характера спроса на металлические изделия, путей и масштабов торговли, связи каждого клада с той или иной мастерской и т. д.

В обсуждении выступлений Н. Б. Янковской, Б. Б. Пиотровского и К. Х. Кушнаревой принял участие В. П. Шилов. Он отметил, что при изучении вопросов обмена и торговли еще недостаточно учитываются данные естественных наук. В. П. Шилов не согласился с механическим, по его мнению, перенесением данных о торговле на Переднем Востоке в древнее Закавказье, так как в Передней Азии торговля имела государственный характер, а в Закавказье в ранний период государственные образования отсутствуют. В. П. Шилов считает, что металл в периферийные районы поступал не только в виде готовых изделий (Б. Б. Пиотровский), но и в виде слитков и аргументирует это положение археологическим материалом (слитки в Оренбургском музее и алакульском погребении в Илецкой защите). В скифо-сарматский период торговля охватывала все слои населения, но в кочевом обществе она не особенно влияла на развитие производительных сил, необычайно застойных у кочевников. Военные доспехи воинственных кочевников, изготовлявших необходимые для себя орудия труда и оружие, влияли на развитие оружия оседлых народов.

В прениях по докладам об обмене и торговле в античном обществе (И. Б. Брашинский, И. Г. Шургая) выступили С. И. Капошина, И. Б. Брашинский, И. Г. Шургая, А. Н. Щеглов и В. М. Массон. С. И. Капошина считает, что в докладе И. Г. Шургая учтен весь комплекс источников. Она указала также на многосторонность вопроса о проксениях, обычно рассматривающихся как доказательство торговли. Сами надгробия — еще не доказательство развития торговли с тем пунктом, откуда происходит умерший. Последний мог быть жителем причерноморских колоний. С. И. Капошина полагает, что выделение И. Г. Шургая александрийских вещей — большое достижение в области исследования Северного Причерноморья.

И. Б. Брашинский указал, что в докладе И. Г. Шургая материал суммирован полно, но не учтены монеты. Он считает, что И. Г. Шургая не прав, объясняя малое число боспорских проксений слабой изученностью агоры Пантикапея. На Боспоре и не должно быть проксений, ибо Боспорское государство — монархия, а проксении — эпитафические памятники демократических государств-полисов.

И. Г. Шургая в заключительном слове сказал, что монеты он опустил специально. Надгробия же не свидетельствуют непосредственно о торговле, но зато могут помогать в решении некоторых иных вопросов. На примере боспорских проксений, изданных от имени боспорских царей, И. Г. Шургая показал, что подобный тип эпитафических памятников существовал на Боспоре, но в специфической форме, отражавшей политическую структуру Боспора.

По докладу И. Б. Брашинского выступил А. Н. Щеглов, который подчеркнул, что в настоящее время в античной археологии существуют два уровня изучения торговых отношений между различными центрами. Первый уровень — традиционный и успешно применяется всеми археологами; в тезисах доклада И. Г. Шургая этот уровень отражен достаточно полно.

Конечная цель данного уровня — установление направлений торговых связей и оценка в первом приближении интенсивности торговли. Конечная цель второго уровня — выявление динамики торговых связей между различными центрами во времени и в объеме. Несомненно, что это позволяет строить теоретические палеоэкономические модели. Доклад И. Б. Брашинского очень важен как с теоретической, так и с методической стороны, так как в нем отражено новое направление в изучении торговых отношений в античных обществах, а также проделана успешная попытка определения объемов торговли разных центров в общем торговом балансе.

В. М. Массон, выступая по докладам И. Б. Брашинского и М. А. Тихановой, остановился на вопросе использования данных нумизматики. С появлением денег в монетной форме вступают в действие особые закономерности, определяющие динамику денежного рынка. Часто состав обращающейся монеты определяется не характером торговых связей, а иными факторами. Поэтому правильно поступили И. Г. Шургая, воздержавшийся от привлечения данных нумизматики, и И. Б. Брашинский, который привлек эти данные ограниченно.

В связи с большим количеством римской монеты на территории черняховской культуры именно в кладах напрашивается мысль: не выступают ли здесь деньги в функции сокровищ? Хорошо известно, что римская монета вывозилась в Индию именно как драгоценный металл. Следовательно, присутствие кладов еще не свидетельствует о развитии денежной формы торговли.

По докладу М. А. Тихановой высказался Э. А. Сыманович. Он считает, что в ее докладе высказана правильная мысль о бродячих мастерах, но полагает также, что существовало внутреннее, хотя и ограниченное, денежное обращение, ибо находки монет известны на всех поселениях. Находки сельскохозяйственных орудий — рал и сошников и палеоэкономические анализы указывают на то, что хлеб выступает как товар.

По докладам Р. М. Джанполадян и В. И. Распоповой выступил А. М. Беленицкий. Он отметил, что, несмотря на хорошую изученность средневековой торговли на Востоке (Кавказ и Средняя Азия) и имеющиеся интересные письменные источники, доклады Р. М. Джанполадян и В. И. Распоповой показали, как археологические данные могут конкретизировать и по-новому осветить вопросы торговли.

Несколько выступлений было посвящено теоретическим и методическим вопросам, историко-археологическим реконструкциям. Об одном из проявлений обмена и торговли в археологическом материале говорил в своем выступлении М. П. Грязнов. Речь идет о факте ограбления могил. В Сибири ограбления могил начались в скифский период (тагарская культура). Целью ограбления служил металл. Развитие частной собственности в ту эпоху стимулировало индивидуальный обмен, который осуществлялся, минуя родо-племенную верхушку. Это облегчало сбыт награбленных в погребениях соплеменников металлических изделий. Изделия, распространяясь среди племен скифского времени Алтая, Казахстана, попадали в сферу межплеменного обмена.

Г. П. Григорьев указал, что специфика археологического источника состоит в том, что факт обмена археологически не устанавливается. Исследователь лишь выявляет факт проникновения предметов, чуждых данной археологической культуре. Но остается неясным, каким образом эти предметы попали в иную сферу (торговля, обмен, дань и т. д.). Поэтому в археологии приходится говорить об импорте и выяснять откуда он поступал. Следует отличать также импорт от подражания, которое возникло под влиянием импорта.

И. Б. Брашинский остановился на вопросе о различных уровнях исследования (торговых связей одного поселения или района или обширного региона), в зависимости от которого, а также от тех задач, которые

ставятся, должны применяться и различные методы исследования. В связи с этим встает вопрос об ограничительных возможностях интерпретации различных категорий наших источников. Исследование может проводиться лишь на основании сопоставимых величин. Следует выработать и единые принципы фиксации материала.

Ю. А. Заднепровский положительным моментом совещания считает то, что здесь представлены доклады по этнографии, истории древнего Востока, археологические и археолого-технологические. Схема, приведенная в докладе В. М. Массона, показывает особенности развития обмена и торговли на разных этапах; в нее надо ввести графу «способ производства», который связан с обменом и обуславливает его.

Л. П. Хлобыстин отметил, что настоящий симпозиум продемонстрировал отсутствие особых различий в понимании основных закономерностей процесса обмена и торговли. В то же время выявилось отсутствие критериев, позволяющих отличать, например, обмен от миграции или устанавливать объем торговли. В дальнейшем нам необходимо определить характер обмена между развитыми и периферийными областями, выяснить связь эквивалентности обмена и получения прибавочной стоимости, время появления торговцев-посредников и т. д. В заслушанных нами докладах результаты точных наук использовались еще в недостаточной мере. Сводки данных по полученным анализам необходимо публиковать в специальном периодическом издании.

В. М. Массон в заключительном слове подвел итоги работы симпозиума. Заслушанные доклады и выступления позволяют сделать заключения в двух направлениях — по археологическому изучению материалов и по их исторической интерпретации. При археологической обработке материала необходимо всестороннее привлечение данных технологических анализов. В археологии СССР имеются темы для целевых археолого-технологических изысканий по вопросам обмена и торговли (прибалтийский янтарь, сибирский нефрит, клады бронзового века в Причерноморье и на Кавказе). Итогом этих работ, коллективных и многолетних, будет прочная фактологическая база для установления обмена и торговли. Далее следует усилить количественные характеристики там, где построения основываются на массовых материалах (например, керамика). Наконец, особое значение имеет разработка методики изучения внутренней торговли по археологическим данным.

Если обратиться к истории, то следует подчеркнуть большую роль обмена и архаических форм торговли в первобытном обществе. На обмен здесь толкала жизненная необходимость, а не излишки. Этнография свидетельствует о первостепенном культурном значении архаических форм обмена и торговли. Очень важен вопрос влияния торговли на местное общество. В Северном Причерноморье торговля позднебронзового века вплоть до выделения товаров-эквивалентов предшествует развитию торговли с греческими городами, являясь ее политэкономической предтечей. Как четко показал Б. Б. Пиотровский, новую веку образует собственно торговля с классом купцов, присущая классовому обществу. Класс купцов интернационален. В Согде торговая знать, как и феодальная аристократия, имеет замки. В эту эпоху культурная интеграция на основе развитой торговли зачастую получает массовый характер. Примером может служить Причерноморье или согдионизация культуры Азии в V—VIII вв. н. э.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГМ — Абхазский государственный музей
 АГСП — Античные города Северного Причерноморья
 АИКСП — Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья
 АН — Академия наук
 АО — Археологические открытия
 АС — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 ВАН — Вестник Академии наук СССР
 ВАУ — Вопросы археологии Урала
 ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВИ — Вопросы истории
 ВИМК — Вестник истории материальной культуры
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
 ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
 Изв. ООИ — Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР
     АН Тадж.
     ССР
 ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
 ИФЖ — Историко-филологический журнал
 КАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
 КСОГУ и ОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного университета и Одесского государственного археологического музея
 ЛОИА — Ленинское отделение Института археологии
 МАР — Материалы по археологии России
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МКЭИ — Материалы конгресса экономической истории
 Н и С — Нумизматика и сфрагистика
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 ПИСП — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху
 СА — Советская археология
 САГУ — Среднеазиатский государственный университет
 САИ — Свод археологических источников
 СИНВ — Страны и народы Востока
 СП — Северное Причерноморье
 СС — Согдаийский сборник
 ТАИ — Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Груз. ССР. Сухуми
 ТИЭ — Труды Института этнографии
 Тр. НИИЯЛИЭ — Труды научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики
 ТрОИПК — Труды Отдела истории первобытной культуры ГЭ
 ТрСАГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета
 ХС — Херсонесский сборник

- AI — Ancient India
 AP — Ancient Pakistan
 BSOAS — Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies University of London
 CIA — Congrès International Archéologique
 EAZ — Ethnographisch Archäologische Zeitschrift
 DCDS — Deccan College Dissertation Series
 IosPE,
 IPE—III — Inscriptions antiquae oran septentrionalis Ponti Euxini
 JAOS — Journal of the American Oriental Society
 KH — Kwartalnik historyczny
 JNES — Journal of Near Eastern Studies, Chicago
 PPS — Proceedings of the Prehistoric Society
 RE — Paul und Wissowa. Realenciklopedie der klassischen Vorgeschichte
 SMYA, — Suomen Muinaismuistoyhdistuksen Aikakauskirja Finska Fornminnesforeningens Tidskrift
 Wr.—W.—Kr.—Wrocław—Warszawa—Kraków

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Массон В. М.</i> Развитие обмена и торговли в древних обществах	3
<i>Гурина Н. Н.</i> К вопросу об обмене в неолитическую эпоху	12
<i>Крижевская Л. Я.</i> О некоторых формах разделения труда в неолитическую эпоху	24
<i>Кушнарёва К. Х.</i> Обмен и торговля в Закавказье в древности	27
<i>Щетёнка А. Я.</i> Обмен и торговля доисторического Индостана	38
<i>Щеглов А. Н.</i> О внутренней торговле Херсонеса Таврического в IV—III вв. до н. э.	44
<i>Шургая И. Г.</i> Вопросы боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи	51
<i>Шилов В. П.</i> К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху	60
<i>Тиханова М. А.</i> К вопросу об обмене и торговле в эпоху черняховской культуры	66
<i>Воронов Ю. Н.</i> К истории экономических связей Апислии в IV—VII вв.	74
<i>Распопова В. И.</i> Археологические данные о согдийской торговле	79
<i>Джанполадян Р. М.</i> Некоторые вопросы организации торговли в средневековой Армении	87
<i>Даркевич В. П.</i> К истории торговых связей Древней Руси	93
<i>Шарафутдинова Э. С.</i> Симпозиум по вопросам обмена и торговли в древних обществах	104
Список сокращений	109

Торговля и обмен в древности

КСИА, вып. 138

*Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР*

Редактор издательства *Н. Г. Белей*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *Н. Н. Плохова*

Сдано в набор 8/VIII 1973 г. Подписано к печати 12/XII 1973 г.
Формат 70×108²/₁₆. Бумага № 1. Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд.
л. 10,2. Тираж 1900 экз. Т-16276. Тип. зак. 523. Цена 64 коп.

Издательство „Наука“
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства „Наука“.
199034, Ленинград, 9-я линия, 12